

❖❖❖ ВОЛШЕБНЫЙ СУНДУЧОК ❖❖❖

ВОЛШЕБНЫЙ СУНДУЧОК

64 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

№ 10 ВОЛШЕБНЫЙ СУНДУЧОК

В69

ВОЛШЕБНЫЙ СУНДУЧОК

СКАЗКИ

ЛЕНИНГРАД „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1975

ИФ (нем)
В 69

Перевод с немецкого Л. Брауде

Составитель Р. Филиппова

Рисунки В. Власова

Оформление Е. Власовой

70802 — 189
М 101 (03) — 75 395 — 75

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». 1975 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представь себе, что ты долго-долго бродил по зимнему лесу, устал, замерз, проголодался. И решил развести костер — согреться. Вдруг видишь — золотой ключик лежит. А неподалеку — старинный кованый сундучок. «Интересно, какое сокровище в сундучке спрятано?» — подумал бы ты. Потом взял бы ключик, открыл сундучок и увидел большую пухлую старинную книгу, вытащил бы ее из сундучка и стал читать.

И перед тобой открылся бы чудесный мир народной сказки.

Так или примерно так представляли себе встречу ребенка с народной сказкой замечательные ученые, собиратели немецкого фольклора, братья Якоб и Вильгельм Гримм.

— Как ты думаешь, — спрашивали они маленького читателя, — какие сокровища в том сундучке спрятаны?

И сами отвечали:

— В сундучке сказок было полным-полно! Да-да! Сказок, тех самых, что ты в этой книжке прочитаешь!

А пухлой старинной книгой был сборник «Детские и семейные сказки». Братья Гримм напечатали их еще в начале прошлого века, в 1812—1815 годах. До этого времени дети могли услышать сказки только от няни, бабушки или родителей. Они не могли взять в руки книжку сказок и прочитать ее; таких книжек просто не было.

В сборник вошло много-много сказок, которые братья Гримм слышали от разных рассказчиков, записали и издали, чтобы сказки не забылись, не стерлись в памяти народной. Братья Гримм были, можно сказать, первыми в Германии и в Европе, но не единственными, кто решил сохранить народные сказки для будущих поколений детей. И в других, соседних странах, население которых говорит на немецком языке, — в Австрии, Швейцарии, в одной из областей Румынии — Трансильвании (Семиградье), куда многие немцы переселились в XIV веке, — были собраны и опубликованы народные сказки.

Сказки братьев Гримм вскоре стали переводить во всем мире. Пришли они и в Россию, где полностью издавались только для взрослых. Для детей печатали всего несколько широко известных сказок, таких, как «Бременские музыканты», «Соломинка, уголь и боб», «Король Дроздобород» и так далее.

В нашем «Волшебном сундучке» вы найдете много сказок из стран, народы которых говорят по-немецки, — сказки немецкие, австрийские и швейцарские. Среди немецких — сказки братьев Гримм, те, что до сих пор для детей у нас не издавались. А также сказки различных областей Германии — Саксонии, Померании, Мекленбурга и других, собранные Людвигом Бехштейном, Ульрихом Яном и другими фольклористами. Сказки Шлезвиг-Гольштейна, часть населения которого говорит по-датски,

а часть по-немецки. Их записал в 1845 году известный фольклорист Карл Мюлленхофф. Есть в «Волшебном сундучке» и сказки из Трансильвании. Среди австрийских народных сказок вы прочитаете несколько тирольских, так как Тироль, богатый ярким, самобытным фольклором, входит в состав Австрии.

Страны, народы которых говорят на немецком языке, имеют много общего: их связывает и язык, и история, и географическая близость,—однако различаются между собой. Ведь в каждой из них — своя природа, свои обычаи, а жители заняты разными ремеслами.

В центральной Германии много равнин, а в Трансильвании, Австрии, Тироле и Швейцарии — гор и холмов. Герои немецких народных сказок чаще всего охотники, крестьяне, ремесленники — портные и сапожники; австрийских — мельники и рыбаки; тирольских и швейцарских — пастухи. В немецких народных сказках живут волшебные существа — черти, домовые и гномы. В сказках тех мест, где много гор, — великаны, кобольды, драконы. И действие этих сказок, если двигаться с севера на юг, ведет из крестьянской лачуги, из каморки портного или сапожника в замок, нависший над бездонной пропастью, в хижину альпийского пастуха, в горную пещеру.

Среди народных сказок, которые хранятся в нашем «сундучке», множество волшебных, бытовых, юмористических. Есть и сказки о животных. Но все они прославляют ум, трудолюбие, смелость, находчивость, доброту, смеются над лентяями, лежебоками, глупыми и чванливыми людьми.

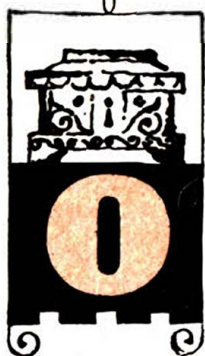
Весело повествуют сказки о счастье любимого народного героя Ганса. Он не гонится за богатством и добывается всего лишь собственным трудом. Но зато как смеется рассказчик над теми, кто подобно Гейнцу-Лентяю не желает работать; кто мечтает, что счастье само приплывет к ним в руки, как в стране бездельников и глупцов — Шлараффии. Однако веселая насмешка сменяется острой и подчас злой сатирой, когда речь идет о тех, кто убивает Справедливость или, как Граф Каменное Сердце, жестоко тиранит своих подданных.

В сказках всегда чувствуется «живая вода» народной мудрости, звучит меткое и острое народное слово. Оно звучит и в немецких, и в австрийских, и в швейцарских сказках.

Прочитайте эти сказки, ребята, и перед вами откроется диковинная сказочная страна. К счастью, страна эта вовсе не похожа на Страну Лентяев — Шлараффию. И царят там не безделье и глупость, а труд, умение и ум. Сказочную эту страну не окружает высоченная стена из рисовой каши. И чтобы пробраться в мир народной сказки, вовсе не нужен ковер-самолет или сапоги-скороходы.

Надо только взять волшебный сундучок и открыть его золотым ключиком. . .

Людмила Брауде

ВОЛШЕБНЫЙ СУНДУЧОК

днажды зимой поехал бедный крестьянский мальчонка в лес за хворостом.

Зима была лютая, снежная, день — студеный. Набрал он хворосту полные сани, так что можно бы и домой отправляться, да за-

мерз очень и сперва решил костер развести, погреться...

Стал мальчик место для костра готовить. Разгреб снег под сосной, глядь — зеленая полянка, а на полянке — ключик золотой лежит. Вспомнил он тут, как у них в деревне старики говорят: «Где ключик, там и замок ищи...» Начал на полянке землю копать, земля же — словно и мороза нет — мягкая, рыхлая. Вдруг зазвенело что-то под лопатой. Смотрит — сундучок кованный! «Только бы ключик к нему подошел, — думает мальчонка, — в сундучке, должно быть, сокровища спрятаны».

Хотел он сундучок открыть, а замочной скважины нет, да и все тут! Искал он ее, искал, наконец нашел. Только маленькую-премаленькую, почти неприметную. Вставил ключик в скважину, попробовал сундучок открыть — заиграла музыка, крышка поднялась и...

Как ты думаешь, какие сокровища в том сундучке спрятаны? А? Как по-твоему? Угадал! В сундучке сказок было полным-полно! Да-да! Сказок, тех самых, что ты в этой книжке прочитаешь! Сундучок-то был волшебный! Из разных стран сказки в нем хранились...

ГАНС- СЧАСТЛИВЧИК

ил на свете бедный крестьянин. Звали его Ганс. Не было у Ганса ни кола ни двора, и решил он на службу наняться. Уговорился Ганс с богатым помещиком, что семь лет на него работать будет.

Служил Ганс хозяину семь лет, служил — ни о чем не тужил. Когда же срок вышел, говорит он помещику:

— Я свое отслужил. Хочу теперь в деревню, к матушке вернуться. Отдай жалованье, что мне причитается.

Богач ему в ответ:

— Служил ты мне верой и правдой. Какова работа, такова и плата. — И дал Гансу целый слиток золота, тяжелый-претяжелый, с человеческую голову величиной.

Вытащил Ганс из кармана платок, завернул в него слиток, на плечи его взвалил и в путь пустился.

Шел он, шел, устал — еле ноги волочит, а навстречу ему всадник на коне скачет: собой красивый такой, веселый, конь у него как огонь.

— Эх! — громко вздохнул Ганс. — До чего хорошо верхом скакать! Сидишь себе будто на лавке, каблуки не сбиваешь, об камни не спотыкаешься, а сам все вперед да вперед мчишься.

Услыхал всадник, что Ганс говорит, осадил коня и спрашивает:

— Эй, почему ж ты тогда пешком идешь?

— Как же мне идти? — спрашивает Ганс. — Коня-то у меня нет. А надо золотой слиток домой донести. Мне из-за него головы не поднять, да и плечи ломит.

— Знаешь что, — говорит всадник, — давай поменяемся. Я тебе коня дам, а ты мне — слиток.

— Ладно, — обрадовался Ганс. — Золото мне вовсе ни к чему. Только попомните меня! Натаскаетесь вы с этим слитком, намаетесь. А мне счастье и удача всегда сами в руки плывут. В сорочке я, видать, родился!

Спешился всадник, у Ганса золото взял, помог ему на коня взобраться, поводья в руки дал и говорит:

— Коли захочешь быстрее ехать, прищелкни языком да крикни: «Гоп! Гоп!»

Ну и радостно у Ганса на душе стало! Едет верхом, будто птица, свободный. Слиток на плечи не давит, голову высоко-высоко задрать можно.

И подумал Ганс: «Не худо бы побыстрее скакать». Стал он языком прищелкивать да покрикивать:

— Гоп! Гоп!

А конь с норовом был, припустил он галопом и сбросил Ганса в придорожную канаву. Хорошо еще, что в ту пору какой-то крестьянин по дороге корову вел. Придержал он коня, а не то бы ускакал. Да и Ганс еле-еле на ноги поднялся. Взяла его досада, и говорит он крестьянину:

— Хуже нет — верхом ездить. Особенно, если такая кляча попадется, как эта. Лягается, с седла сбрасывает, тут и шею сломать недолго. Никогда, ни за что больше в седло не сяду. То ли дело твоя корова. Пасешь ее в поле, прохлаждаешься, а она тебе каждый день молоко дает: из молока-то масло сбить, да сыр сделать можно... Все бы за коровку такую отдал!

— Ну, — сказал крестьянин, — коли тебе моя корова по нраву, я охотно ее на коня поменяю!

Обрадовался Ганс:

— Вот уж спасибо так спасибо! Всегда мне счастье и удача сами в руки плывут. В сорочке я, видать, родился!

Вскочил крестьянин на коня и быстро прочь ускакал.

Гонит Ганс корову, радуется. «Ну и выгодная же сделка! — думает он. — Будет у меня и молоко, и масло с сыром, а раз руки-ноги есть, свой кусок хлеба я всегда заработаю. Намажу хлеб маслом, сыр сверху положу — и сыт! А коли жажда одолевает, подою корову и молока напьюсь. Чего еще в жизни надо?»

Пришел Ганс в харчевню, подкрепился, поел то, что в дорогу захватил, а на последние гроши велел хозяину полкружки пива налить. Потом погнал корову дальше, в родную деревню.

Чем ближе к полудню, тем жарче становилось. Идет Ганс вересковой пустошью, а идти ему еще далековато. Разморило его, пить захотелось. От жажды во рту совсем пересохло.

«Эта беда не беда! Только б больше не была, — подумал Ганс. — Подою-ка я корову и попью молока».

Привязал он корову к высохшему дереву, а вместо ведра кожаный картуз приспособил. Но как Ганс ни старался, как ни маялся, ничего у него не вышло. Доить-то он не умел! Доил он, доил, пока корове не надоело. Лягнула она его, да так, что Ганс пошатнулся, рухнул на землю и долго очнуться не мог. А как очнулся, никак в толк не возьмет, где он и что с ним..

Только смотрит Ганс — идет по дороге мясник и толкает перед собой тележку, а на тележке свинья лежит.

— Что с тобой? — спрашивает он Ганса.

— Да вот, корова меня лягнула, — отвечает тот.

Помог мясник парню на ноги подняться, и рассказал Ганс мяснику, что с ним приключилось.

А мясник ему и говорит:

— Не хочет, верно, корова молока давать, стара больно!

— М-да, м-да, — пробормотал Ганс и почесал пятерней затылок. — Вот те раз! Кто бы мог подумать? С виду она хоть куда! Лучше бы, ясное дело, такую корову зарезать! Мяса бы много было. Только в дороге мне от него проку мало. Где мясо сварить? То ли дело копченый окорок. Свининка-то повкус-

нее говядинки будет, а уж о сале да свиной колбасе и говорить нечего.

— Послушай-ка, Ганс, — говорит ему мясник. — Хороший ты парень! Так и быть, поменяюсь с тобой: я тебе свинью отдам, а ты мне — корову.

— Бывают же на свете такие добрые люди! — говорит Ганс. — А мне счастье и удача всегда в руки плывут. В сорочке я, видать, родился!

Отдал Ганс мяснику корову, стащил свинью с тележки, взял в руки хворостину — свинью подгонять — и дальше пошел. Идет и думает: «Ну и везет же мне! Чего ни пожелаю, все сбывается. Если и приключится какая беда, так счастье тут же снова ко мне лицом поворачивается».

Идет Ганс по дороге, свинью хворостиной гонит. Вдруг видит: навстречу ему — парень, а под мышкой у парня — гусь. Такой гладкий, такой белый. Оказалось, парень его на крестины в подарок несет.

— Попробуй-ка, подними этого гуся, — говорит парень. — Ишь какой тяжелый! Восемь недель я его откармливал. Коли его изжарить, жир с него так и потечет! Мясо вкусное — пальчики оближешь!

— Да, — сказал Ганс и взвесил на руке гуся, — вот это вес так вес! Но и моя свинья не хуже.

Задумался парень, огляделся по сторонам, головой покачал, и говорит:

— Послушай-ка! С твоей свиньей дело нечисто. Проходил я давеча по деревне, слышал — толкуют: у старосты как раз свинью из свинарника украли. Боюсь, ох, боюсь, не к тебе ли эта свинья попала. Староста уж людей разослал ее искать. Ох, и угодишь ты в переделку, если с поличным поймают...

Испугался Ганс.

— Вызволи меня из беды, — просит он парня. — Ты, верно, в житейских делах побольше моего смыслишь. Я тебе свинью дам, а ты мне — гуся.

— Придется тебя выручить, — смеется парень. — А не то совесть меня заест, если в беду попадешь.

Взял парень у Ганса хворостину и бегом погнал свинью окольной тропинкой.

Обрадовался Ганс, что от свиньи избавился. Зачем ему краденая животное? Взял гуся под мышку и в родную деревню пошел. Идет, сам с собой толкует:

— Коли поразмыслить как следует, так счастье и удача всегда сами мне в руки плывут. В сорочке я, видать, родился! Что ни сменяю, все мне выгода! Сперва доброе жаркое досталось, теперь жиру столько, что хоть залейся. Жир-то вытопить можно. Буду его целые полгода на хлеб мазать. А в придачу еще пух гусиный. Такой белый, мягкий! Подушку набью! Ну и обрадуется же матушка!

Шел Ганс, шел. И вот уже родная его деревня завиднелась. Смотрит Ганс, стоит у околицы точильщик с тележкой. Вертит колесо, нож точит, песенку распевает:

Мне дождь и ветер нипочем
В пальтишке легоньком моем.
Я свой точильный круг верчу,
Ножи и ножницы точу!

Остановился Ганс, рот разинул: здорово точильщик работает! И говорит ему:

— Хорошо тебе живется, раз так весело работаешь.

— Да, — отвечает точильщик. — Ремесло мое прибыльное — золотое дно. Хороший точильщик как руку в карман запустит, так золотой вытащит. Где ж ты такого гуся купил? До чего красивый!

— Не купил, на свинью выменял.

— А свинья откуда взялась?

— За корову получил.

— А корова?

— За коня дали.

— А коня?

— За золотой слиток. Тяжеленный такой был, с голову мою величиной.

— А слиток?

— Слиток? То — плата за семь лет работы.

— Да, удачлив ты, парень, — говорит точильщик. — Из всякого дела с прибылью выходишь! Счастье и удача тебе в руки сами плывут. В сорочке, видать, ты родился! Для полного счастья тебе одного только не хватает: чтоб золото в кармане звенело. Вот тогда ты мог бы себя заправским счастливецом считать.

— А где же золото взять? С чего начать? — спрашивает Ганс.

— Надо стать точильщиком, вроде меня. Для этого ни-

чего, кроме точильного камня, не требуется: все остальное приложится. Есть у меня один точильный камень. Правда, он чуть попорчен, но за него я ничего, кроме твоего гуся, не возьму. Хочешь обменяться? Я тебе точильный камень дам, ты мне — гуся.

— Конечно, хочу! — согласился Ганс. — Да ведь я самым счастливым человеком на свете стану! Коли я всякий раз в кармане деньги найду, так чего мне еще надо? Никаких забот знать не буду.

Протянул Ганс гуся точильщику, а себе камень точильный взял.

— Вот тебе еще один здоровенный камень в придачу, — сказал точильщик и поднял с земли булыжник. — Бери, пригодится.

Поднял Ганс булыжник и вместе с точильным камнем на спину взвалил. Идет и думает: «Счастливый я. Должно быть, в сорочке родился, — чего ни пожелаю, все сбывается. Вот уж везет так везет!»

Меж тем притомился Ганс. Легко ли — с самой зари на ногах! Да и проголодался; ведь он все, что на дорогу припас, зараз съел, на радостях, что так выгодно корову обменял. Идет Ганс, еле ноги волочит, на каждом шагу спотыкается, всякую минуту останавливается. Да еще камни такие тяжелые. . . И думает Ганс: «Хорошо бы от камней избавиться». Видит — в поле колодец стоит.

Захотелось Гансу отдохнуть и холодной воды попить. Подполз он, точно улитка, к колодцу и бережно так камни на край колодца положил. Потом наклонился, чтобы воды зачерпнуть, камни нечаянно толкнул, они в колодец и плюхнулись.

Как увидел Ганс своими глазами, что оба камня в колодец упали, от радости даже подпрыгнул:

— Вот везет так везет! Коли б я сам от камней избавился, их в колодец сбросил, век бы себе не простил. А уж так они мне мешали!

Пошел Ганс дальше. Идет, сам с собою разговаривает:

— Ну и счастливчик же я! Такого на всем свете белом не сыщешь. Ничего-то на свете у меня нет, никакого добра! Ничто мне теперь не помеха. Развязал руки — и от золота, и от коня с коровой, и от свиньи с гусем, и от камней избавился. Руки-то у меня умелые! Они всякого золота дороже. Захочу, так и дом и скотина — все у меня будет, а уж прокормиться всегда смогу!

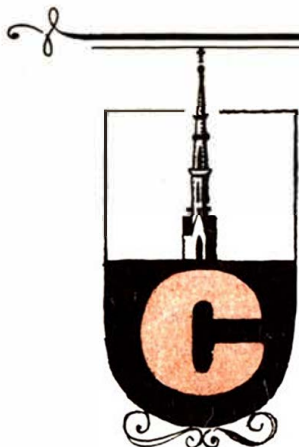
Легко у Ганса на сердце, и спине легко, никакая ноша ее не давит, к земле не пригибает. А ноги сами вперед несут. Спешит Ганс в родную деревню, где давно его матушка поджидала.

Начал он дома хозяйничать. За что ни возьмется, всякая работа у него в руках спорится. Трудится с утра до вечера, с песней да с улыбкой. Еще и соседям помогает. А те — не радуются. Добрый сосед — всегда удача.

Стали тут девушки на Ганса заглядываться. И женился он на такой же пригожей и умелой, как он сам. Прошло время. Родился у Ганса мальчик. Созвал Ганс соседей к себе на пир и сказал:

— Счастливее меня человека на свете нет. И добрая жена, и дом, и достаток — все у меня есть. А теперь еще и сын родился.

И стали все его звать Ганс-Счастливчик!

ЦЕРКОВЬ БЫЛА БЫ ШИРЕ...

транствовали как-то по белому свету два веселых ремесленника. И до того один из них врать любил! Бывало, попадут они в какой-нибудь крестьянский дом, а он и начнет... Слушать тошно! Не выдержал однажды дружок, стал его

увещевать да выговаривать ему:

— Ври, да не завирайся! А то уж все видят, какой ты враль. Нехорошо это!

А лгун ему в ответ:

— Уж так я врать привык, что даже не знаю, когда неправду говорю. Прошу тебя, коли я снова небылицы плести стану, толкни меня в бок.

Вот как-то завернули дружки-ремесленники в дом к одному крестьянину, и завязалась у них беседа — о том, о сем. Крестьянин им и говорит:

— Вы по всему свету бродите, столько видите да слышите, сколько нашему брату вовек не узнать. Так, может, расскажете, что нового да диковинного на свете?

Стал враль рассказывать:

— В Англии новую церковь строят. И будет она сотню шагов высотой.

Тут дружок его толк в бок! Крестьянин же такой новости подивился и спрашивает:

— Какая же ширина у той великанской церкви будет?

А рассказчик ему в ответ:

— Два шага!

Тут крестьянин и впрямь диву дался:

— При такой-то неслыханной высоте такая ширина?! Всего два шага?!

Поглядел тут враль на дружка и отвечает:

— Церковь была бы много шире, кабы он меня в бок не толкнул!

В ОРЛИНОМ ГНЕЗДЕ

днажды в жаркий июльский день поднималась из долины в горы бедная женщина, шла на альпийский луг траву косить. А за спиной несла в большой корзинке двухлетнюю девочку, веселую и пригожую.

Пока женщина усердно косила, девочка все взад-вперед по лугу бегала. То туда побежит, то сюда; все норовит цветов поярче нарвать. Вдруг, откуда ни возьмись, села на цветок красивая бабочка, а за ней следом еще одна да еще... Погналась девочка за бабочками и заблудилась.

Смотрит — ни бабочек, ни цветов, ни матушки — никого, только голые скалы кругом. Испугалась девочка, горько-горько заплакала.

А тут еще гроза началась: сверкнула молния, ударил гром, полил дождь. Промокла малютка до нитки, забилась под камень и плачет.

Увидал девочку орел, хозяин диких гор, ринулся вниз, схватил ее острыми когтями и снова вверх взмыл. Унес орел девочку высоко-высоко в горы, в свое гнездо.

Только гром грянул, хватилась мать, что дочки на лугу нет, кинулась туда-сюда, а потом увидела: орел девочку несет.

Заплакала мать, зарыдала. Да разве орла догонишь! Пошла она в долину, созвала людей. Только как ни искали, не смогли орла отыскать. Решили, что девочки в живых уже нет.

А было так. Девочка ничуть страшной птицы не испугалась. Влезла она орлу на спину, за шею его обняла, перьями забавляется. Пожалел орел человеческое дитя, пощадил девочку, а потом полюбил ее, и стала она ему вместо дочки. Учил ее орел по крутым склонам карабкаться, не падать и ничего на свете не бояться. Не раз он девочке жизнь спасал. Свалилась она как-то в бурную реку и кричит:

— Отец!

Орел в то время высоко над горами парил, добычу высма-

тривал. Услыхал он крик девочки и сразу ее голос узнал: ведь она в его гнезде росла! Ринулся вниз и вытащил девочку на берег.

— Спасибо, отец! — поблагодарила орла девочка. — Вовек не забуду твоей доброты!

Баловал орел названую дочку несказанно: чего только в гнездо ни приносил — и заморских плодов, и дикого меда! Летал орел и по окрестным деревням в долине, таскал оттуда для девочки всякие платища да белье разное. Повесит какая-нибудь крестьянка дочкину одежду на веревку сушить, орел тут как тут. И одежды как не бывало. Стали в округе поговаривать: видно, живет в горах какая-то девочка, вот для нее орел платища да белье и таскает. Прозвали девочку Аквила, что значит — Орлица.

Подросла девочка, и захотелось орлу, чтоб носила она красивые платья из парчи, шелка, бархата. Начал тогда орел в замки да дворцы наведываться, у королей, принцесс и у придворных богатые платья да драгоценные уборы таскать, любимую дочку радовать. А потом стал подумывать: начнут люди его искать, чтоб наказать за воровство, и доберутся до его гнезда. Увидят Аквилу и к людям ее уведут. Как ни любил дочку орел, а понимал: нельзя ей всю жизнь в орлином гнезде оставаться.

Он бы сам Аквилу к людям отнес. Но хотелось ему, чтобы молодой, смелый и ловкий парень ее нашел и в жены взял. На горные кручи, где орлиное гнездо было, не всякий взобраться мог, а только самый храбрый, самый сильный.

Так все и случилось. Разгневалась на орла красавица королева. Он у нее больше всего платьев с драгоценностями унес. Просит королева сына:

— Убей птицу!

Не хотел сначала королевич матушку свою слушать. Однако подумал: зачем орел платья да драгоценности в горы таскает? И решил орлиное гнездо отыскать. Много месяцев бродил королевич в горах, никак не мог орла найти. Но на самые высокие кручи взобраться побоялся: как бы не разбиться. Потом надоело ему без толку время терять и отправился он домой.

То же с сыном трактирщика приключилось. Ходил он по горам, вора искал, а как до самых высоких скал добрался, испугался и домой повернул.

Пошел тогда в горы крестьянский сын. Орел давно повадился у них со двора платица да белье его сестры таскать. И захотелось ему узнать, для кого орел это делает. Правду ли люди говорят, что девушка Аквила в орлином гнезде живет? Поднялся юноша высоко-высоко, и встала пред ним отвесная скала. Недолго он раздумывал, знал, что орлы на таких горных кручах гнезда вьют. Стал юноша на вершину взбираться, руки-ноги в кровь ободрал. Слышит вдруг — на скале кто-то поет, а голос такой звонкий. Собрал юноша последние силы, на руках подтянулся — и вот он уже на вершине. Видит — в огромном орлином гнезде прекрасная девушка сидит, песни распевает.

Понравились они друг другу. Рассказала Аквила про свою жизнь: как в орлиное гнездо попала, как в горной глуши жила.

— Идем к нам в усадьбу, — говорит Аквиле крестьянский сын, — поженимся мы с тобой, а орла я убью!

— Не смей! — закричала девушка. — Как это ты орла убьешь? Ведь он мне вместо отца! Орел меня любит, живу

я в его гнезде, никакой нужды не знаю. Хоть и скучно мне без людей!

— Он же тебя от матери унес, от людей! — говорит юноша.

— Это верно, зато любовью да заботой вину свою искупил. Пойду с тобой, если орла пощадишь! Может, и матушку мою найдем, очень я по ней скучаю.

— Ладно! — говорит крестьянский сын.

Спустились юноша с Аквилей в долину и пришли в усадьбу. Рассказал сын родителям про орла, про орлиное гнездо и говорит:

— А вот красавица, которую я там нашел! Это — моя невеста!

Вспомнили тут, что из соседней долины орел много лет тому назад девочку унес. И будто бы матушка ее до сих пор жива, все о дочери горюет. Отправились Аквила с женихом в другую деревню и там отыскивали женщину, у которой орел девочку утащил. Увидела женщина Аквилу и тотчас признала свою дочь. То-то радости было!

А вскоре и свадьбу сыграли. На свадьбу и орел прилетел. Порадовался он за названую дочку — добрый молодец ей в мужья достался! Жил он еще долго в своем гнезде, но всегда к Аквиле прилетал, помогал ей советом да делом. И детей ее нянчил, учил ничего не бояться, на самые высокие горные кручи взбираться.

ГЛУХИЕ ПАСТУХИ

ас однажды глухой пастух на выгоне коз. Отвернулся он на миг, глядь — козы исчезли, будто сквозь землю провалились. Неподалеку другой пастух овец пас. И тоже глухой. Вот первый его и спрашивает:

— Братец, не видал ли моих коз?

Махнул тот рукой в сторону и отвечает:

— Деревня вон там, за горушкой. Иди все прямо да прямо, с пути не собьешься.

Побежал пастух и вдруг по другую сторону горушки своих коз увидел. Захотелось ему того, что овец пас, отблагодарить. Выбрал он из своего стада самого хилого, безрогого козленка. «Для подарка сойдет!» — подумал он, взял козленка и побежал к овечьему стаду.

— Вот тебе подарок! — говорит пастуху. — Если б не ты, не найти бы мне коз, я их целых полдня зря искал.

— Что?! — в сердцах закричал тот. — Я козленку твоему рожек не обламывал!

Пустился он от него прочь во всю прыть, а тот за ним следом:

— Возьми подарок! Возьми подарок!

Бегут они чуть ли не наперегонки, а навстречу им пастух, что коней пас, скачет. Надо же такому случиться: и он глухой! А вдобавок еще чужого коня увел и верхом от погони спасался. Подскочил к нему тот пастух, что овец пас, схватил коня под уздцы и говорит:

— Нет, ты только подумай, этот чудак говорит, будто я его козленку рожки обломал.

Пастух, что коз пас, сзади бежит, пыхтит и зная свое кричит:

— Не хочет он мой подарок брать! А если он козленка не возьмет, счастья мне не видать!

Тот, что коней пас, в ответ во все горло кричит:

— Да не видал я ваших лошадей! Отстаньте от меня!

Вырывает он из рук пастуха поводья, хочет ускакать. А тот его не отпускает, свое твердит:

— Нет, прежде скажи — виноват я или нет!

— Ладно, будь по-вашему, — отвечает всадник, — коли этот конь ваш, забирайте его. Нате, подавитесь! Но уж седло ни за что не отдам! Мое седло!

Соскочил он с коня, седло снял и пустился наутек! Бросил тут пастух поводья: заржал конь и к своему стаду помчался. Пастух следом за тем, что коней пас, бежит и кричит:

— Нет, ты мне ответь... Ответь!

А за ним другой, с козленком на руках, мчится и во всю глотку орет:

— Кому говорю?! Возьми козленка! Хоть он и хворый и безрогий, все равно возьми! Это подарок!

Так втроем они до ближней деревни и добежали. Впереди тот, что коней пас, за ним — тот, что овец пас, позади третий — с козленком на руках. Бегут, каждый свое кричит, никто никого не слышит.

Зато люди в деревне услышали шум да крики и все на дороге повыскакивали. Не знали они, кто к ним бежит, и подумали: «Видать, разбойники добычу меж собой не поделили». Схватили они троих чужаков и к судье повели. А тот их в сердцах спрашивает:

— Чего вы на деревню страх нагнали? Какую добычу не поделили?

Пастухи ничего не слышат, и невдомек им, о чем судья толкует. Решили они, что ему уж все доподлинно известно, потому-то и гневается. Стало быть, лучше всего честно во всем сознаться.

Первым начал тот, что коз пас.

— Господин судья! — говорит. — Я все скажу! За свою жизнь я больше ста коз украл. Но сегодня хотел безрогого козленка подарить этому пастуху, отблагодарить за то, что моих коз найти помог. А он козленка ни за что взять не хотел! Вот я за ним следом и побежал: коли он козленка не возьмет, мне счастья не видать!

А второй пастух тоже в грехах кается.

— Господин судья! — говорит. — Я все скажу! За свою жизнь я больше тысячи овец украл, но этому козленку рожек

не обламывал. Врет пастух, напраслину на меня возводит! А этот, на коне, должен был нас рассудить. Потому-то я и коня его под уздцы схватил. Он же рассудить не захотел. Сам спешился, седло снял и помчался во всю прыть. Я за ним! Не хочу наговор терпеть!

Под конец и третий во всем сознался.

— Господин судья! — говорит. — Я все скажу! Сколько я за свою жизнь коней увел, того не помню. Но нынче не виноват! А когда пастух сказал, что он этому коню хозяин, я с миром отпустил коня, только свое седло снял!

Судья и деревенские старейшины только руками всплеснули. Надо же такому чуду случиться. Сразу три вора к ним в руки попало! Столько черных дел мигом раскрылось! Вот, значит, куда их скотина девалась! Схватили крестьяне трех воров и в темницу бросили. С тех пор не то что в деревне, но и во всей округе никогда больше скотина не пропадала.

ЧЕРТ И ШВЕЯ

было это давным-давно. Жила тогда на свете бедная швея, такая мастерица, что равной ей днем с огнем не сыщешь. Правда, и цену она себе знала. А однажды возьми да и скажи, может, в шутку, может, и всерьез:

— Я и с чертом поспорю, что я искусней шью.

У черта того уши куда длиннее были, слух — куда тоньше, чем люди думают. И все он в своем аду знал, о чем на земле смертные толкуют. Да что там толкуют! О чем на ухо шепчут, и то знал! Услыхал он дерзкие речи швеи и явился к ней, чтоб на слове ее поймать. Пришлось швее с чертом поспорить — кто из них рубашку быстрее сошьет. И если швея prospirit, придется ей черту душу отдать.

Начали они рубашку кроить, и никто друг друга не обогнал. А когда дело до шитья дошло, не пожелал черт ни одной минутки даром терять! Прodel он нитку от целой катушки в иголку, вот нитка у него длинная-предлинная и получилась! Забыл черт, что в народе говорят: «На длинной нитке только слепых водить». Чтобы один стежок сделать, приходилось черту три раза вокруг дома обежать.

Швея же нитку как надо вдела и тут же шить начала. Шьет, шьет, глаз не поднимает. Сшила она рубашку — любо-дорого глядеть. Тут черт как раз мимо пробежал, стежок новый делал. Кинула ему швея готовую рубашку, а он-то до сих пор даже рукава не сшил!

Вот так и проспори́л черт швее. С тех пор никому слышать не доводилось, чтобы черт еще хоть раз с какой-нибудь швеей поспори́л.

Так и повелось. Если кто работать не умеет, о нем в тех краях говорят:

— Вот так мастер! Три раза вокруг дома обежит, чтоб один стежок сделать!

ГРАФ КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

неприступном замке, за высокой стеной жил некогда высокомерный и спесивый граф. Под властью его семь деревень стонали. Казалось, будто сердце графа из камня вытесано, все в округе его боялись. Оттого-то прозвали высокомерно-

го графа Каменное Сердце.

Вот однажды во всех семи деревнях, где жили его подданные, прочитали гонцы суровый графский указ: «Отныне запрещается милостыню беднякам подавать. Тот же, кто графскому указу воспротивится, всего своего добра лишится».

Прошло время, и нищие в том графстве вовсе перевелись. Но вот надумал однажды граф посмотреть, выполняют ли подданные его указ. Переоделся он в лохмотья и стал похож на самого жалкого нищего. Отправился граф Каменное Сердце по всему графству в таком обличье; из дома в дом с протянутой рукой ходит, милостыню выпрашивает. Но ни в одном доме ни единого геллера, ни кусочка хлеба не получил, глотка воды никто ему не подал. Повсюду его со двора гнали, на порог не пускали, боялись: узнает граф Каменное Сердце — по миру пустит.

Осталась под конец по всей округе одна-единственная хижина, где не побывал граф. Стояла она на отшибе, в самом дальнем уголке его владений, на лесной опушке, и жил там бедный поденщик. Поначалу задумался граф, стоит ли туда идти; давно уж он из дома в дом ходил, устал. А поденщику с женой самим есть нечего, так неужто они нищему милостыню подадут? Но все же, чтоб самого бедного из подданных испытать, пошел граф в ту хижину.

Поденщик как раз после дневных трудов с поля домой воротился. Окликнул его нищий и просит:

— Подайте кусочек хлеба!

— Жаль мне тебя, — сказал поденщик тому, кого он за

нищего принял. — Только не ко времени ты пожаловал. Дома у меня жена да семь голодных ртов, а в хлеву всего одна корова и один вол. Сам я от утренней зари до вечерней спину гну, но никак мне семью не прокормить. И все же никогда я прежде ни одному нищему в куске хлеба не отказывал. Теперь же, коли я над тобой сжалюсь, придется мне самому с семерыми детьми по миру идти.

Тут и жена поденщика подошла. Стал нищий ее просить, умолять:

— Сжальтесь надо мной! Поглядите, до чего я изголодался! Один кусочек черствого хлеба, ничего больше не надо!

Не выдержала женщина. Сердце у нее от жалости зашлось. Побежала она в лачугу и назад с ломтем хлеба воротилась. Протянула нищему хлеб.

Нищий женщине в пояс кланяется, приговаривает:

— Спасибо вам! Спасибо!

И мигом след его простыл.

— Что ты наделала! Теперь мы погибли! — говорит муж.

На другой день прибыл в лачугу графский гонец и говорит:

— Приказано незамедлительно в графский замок явиться!

Делать нечего; отправился поденщик в замок. Его тотчас к графу и провели.

— Известен тебе мой указ?! — спрашивает граф Каменное Сердце. — Ведомо тебе, что милостыню подавать запрещено?

— Ясное дело, ведомо, — пробормотал бедняга.

— А разве не заходил вчера в твою хижину нищий, разве не просил милостыню? — продолжал выпытывать граф.

— Да, ваша светлость, верно, был вчера у меня один. Но я ему ничего не подал, — ответил поденщик.

— Лжешь! — крикнул граф.

Кинулся он в соседние покои, переоделся и тотчас же назад в нищенском платье явился.

— Ну как, узнаешь? Будешь еще лгать?! — спрашивает граф.

Побледнел бедняк, задрожал как осиновый лист и говорит:

— Простите нас ради ребятишек!

Поразмислил граф и говорит:

— Коли ты мне до полудня самый могучий дуб из лесу в замок притащишь, прощу.

Сказал так граф Каменное Сердце и ушел. Понял поденщик, что такую задачу ему никак не выполнить. Кто его знает, какое дерево в лесу самое могучее?

Отправился он домой и говорит жене:

— Ну вот, теперь и нам придется милостыню просить, как давешнему нищему. Ведь ты ему ломоть хлеба дала, а это был сам граф. Говорил я тебе, нечего милостыню подавать! А теперь, коли я ему до полудня самый могучий дуб из лесу не притащу, погибли мы!

— Попробуйся хоть, — только и молвила жена.

Взял поденщик топор и отправился в лес. Пошел-то он больше ради того, чтоб горя да плача домочадцев не видеть, не слышать. «Как же мне узнать, — думает он, — какой дуб в лесу самый могучий?» Стал он по лесу бродить, самый могучий дуб искать, и уж вовсе было отчаялся, как вдруг, откуда ни возьмись, предстал пред ним охотник.

— Что ты тут делаешь? — спросил он поденщика.

Поведал бедняк охотнику про свою беду, а тот и говорит:

— Пойдем со мной, я тебе покажу самый могучий дуб в лесу.

Пошли они сквозь заросли в самую глубь леса и остановились перед дубом, до того высоким, до того могучим, что поденщик охнул: неужто такие дубы на свете бывают? Всплеснул он руками и говорит:

— Такое-то могучее дерево я должен до полудня свалить и в замок притащить...

Хоть и понял поденщик, что напрасно за дело берется, снял он топор с плеча и размахнулся. Ударил по дубу топором раз, ударил второй, третий. И будто камень рубит: дуб как стоял, так и стоит, ни царапинки на нем!

Глянул охотник на поденщика и засмеялся:

— Попробуем-ка за этот дуб по-иному взяться!

Опустил он ружье прикладом вниз, глядь — а в руках у него огромный топор для валки деревьев.

— Вот это всем топорам топор! — говорит охотник. Ударил по дубу топором раз, ударил второй, третий.

Дуб-великан на землю и повалился...

Хотел было поденщик своего вола привести, чтобы дуб из чащи вывезти, но засмеялся охотник и говорит:

— Слаб твой вол! И одну-то ветвь такого дуба ему с места не сдвинуть!

Постучал охотник трижды прикладом ружья оземь. Откуда ни возьмись встала перед ним пара могучих вороных коней, в крепкую повозку запряженных. Поднял охотник дуб и на повозку его положил. Снова прикладом ружья трижды оземь ударил — и снова откуда ни возьмись пара вороных коней перед ним встала! Еще раз он прикладом ружья трижды оземь ударил — и снова пара вороных!

— Вот этим коням под силу везти дуб! — сказал охотник, запряг все три пары вороных цугом, сел на облучок, а поденщику велел сесть сзади.

— Только побыстрее, времени у нас в обрез, скоро полдень! — крикнул охотник.

Погнал он коней, и понеслись они быстрее ветра. Миг один — и остановились кони у ворот замка.

Выглянул граф Каменное Сердце в окно, глазам своим не верит. То-то диво! Стоит у ворот повозка, запряженная шестеркой вороных, а на повозке могучий дуб лежит.

Вышел граф к воротам замка, а охотник ему говорит:

— Поглядите, какие у меня кони!

— Мне-то что за дело! — пробурчал владелец замка.

— Знаете ли вы, что это за кони? — снова спрашивает его охотник.

— Не знаю, — отвечает граф, — и знать не желаю.

А охотник ему:

— Первая пара — ваши батюшка с матушкой, вторая пара — ваши дедушка с бабушкой, а третья пара — ваши прадедушка с прабабушкой. И коли добрее не станете, быть вам с графиней четвертой парой вороных.

— Ну, коли они такую жизнь выдерживают, так и я вынесу, — усмехнулся граф.

Услыхал охотник его ответ — а охотник был могучий волшебник, — глянул на графа, и мигом тот вороным конем обернулся. А рядом с ним в паре еще один вороной стоит. Видно, и графиню эта доля не миновала. Махнул охотник рукой, и кони умчались со двора.

Тут все в округе радостно вздохнули. Наконец-то избавились от мучителя! Жизни от него никому не было!

КОГДА ОСЕЛ В ТРЕТИЙ РАЗ ЗАКРИЧИТ — ТЕБЕ КОНЕЦ!

ил-был на свете мельник. Вот однажды идет он по проселочной дороге к себе на мельницу и осла гонит. Вдруг видит: залез человек на дерево и рубит сук, на котором сидит.

— Эй, почтенный! — закричал мельник. — Смотри, как бы сук с тобой вместе не свалился! Не поверил глупец мельнику.

Вдруг трах-тарарах! Обломился сук, свалился человек с дерева, лежит, думает: «Этот мельник, наверно, ясновидец. Все наперед знает».

Подбежал мельник к глупцу, хотел ему помочь на ноги подняться, а тот ему и говорит:

— Ничего не скажешь, твоя правда! Я и впрямь вместе с этим суком свалился. Ты, видать, колдун. Так, может, скажешь, когда я помру?

Мельник ему в ответ:

— Когда осел в третий раз закричит — тебе конец!

— Вот беда так беда! — запричитал глупец.

Вдруг осел ни с того ни с сего как закричит.

«Экая напасть, — подумал глупец, — стоит ему еще два раза закричать — и мне конец!»

Идут они по дороге: впереди мельник осла гонит, за ним — глупец. Тут осел во второй раз закричал.

«Вот беда, — подумал глупец, — закричит он еще раз — и мне конец!»

Со страху решил глупец осла камнем рот заткнуть, чтобы тот молчал. Только стал глупец подходящий камень искать, а осел в третий раз закричал! Вырвался камень у глупца из рук, да и ударил его по ноге. Грохнулся глупец на землю и от страха память потерял. Все подумали, что и впрямь умер человек.

Понесли его дружки на кладбище хоронить и видят: дорога

на три делится. Стали они спорить, куда идти: налево, направо или напрямиком.

Один твердит:

— Налево!

Другой твердит:

— Направо!

Глупец же глаза открыл и говорит:

— Когда я жив был, я всегда напрямиком ходил!

Испугались дружки, глупца со страху на землю уронили и пустились наутек. Узнал об этом пастор и стал говорить с кафедры, что с глупцом чудо случилось — из мертвых воскрес. Мельника же все в округе ясновидцем стали считать.

Ты сказку читай да думай. И тогда поймешь, где здесь правда, а где — ложь.

СЕМЕРЫХ ДЕВИЦ КРАШЕ

или-были в одной деревушке муж с женой. И была у них одна-единственная дочка. Такая умница, работающая! Все-то она дома делала: стирала, прибирала, обед стряпала. Везде попевала: сад перед домом ухожен, в доме чисто при-

брано, пол так и блестит. Не нарадуются, бывало, на дочку старики. А уж такой рукодельницы, мастерицы шить да вышивать всю округу обойди — не сыщешь. Шитьем-вышиванием она старикам родителям на хлеб зарабатывала.

Красива была та девушка — ни в сказке сказать, ни пером описать. Хоть семерых самых пригожих девиц на свете собери и рядом с ней поставь, все равно она краше всех семерых, вместе взятых, будет. Потому-то ее Семикрасавицей и прозвали.

А уж скромна была! Идет по деревне — лицо платком прикрывает. Не хочет, чтоб люди на нее глядели, ее хвалили.

Увидал однажды Семикрасавицу королевский сын. Смотрит, девушка идет, как березка стройная. Захотелось ему в лицо ей заглянуть, а платок мешает. Спрашивает он своих слуг:

— Отчего Семикрасавица всегда платком прикрывается, так что и лица ее не разглядеть?

Отвечают слуги:

— Оттого, что скромна без меры.

Послал тогда принц слугу с золотым перстнем к Семикрасавице и наказал:

— Проси девушку вечером к вековому дубу прийти. Скажи: принц хочет с тобой потолковать.

Пришла Семикрасавица вечером к дубу, а принц как ее лицо увидел, так влюбился без памяти. И просит Семикрасавицу:

— Будь моей женой!

Она же ему в ответ:

— Ты богат, я бедна, мы друг другу не чета. Да и батюшка твой разгневается, когда услышит, кого ты хочешь в жены взять.

А принц на своем стоит. Просят он ее, молит, так что Семи-
красавица под конец сказала:

— Дозволь несколько дней подумать.

На другой день королевский сын снова слугу к Семи-
красавице посылает и говорит:

— Отнеси ей башмачки серебряные, проси, чтобы пришла вечером к вековому дубу. Скажи, принц хочет с тобой потолковать.

Пришла Семикрасавица вечером к дубу, принц ее и спрашивает:

— Надумала ли женой моей стать?

— Когда мне думать-то? — спрашивает Семикрасавица. — Голубей и кур надо накормить-напоить, капусту нашинковать, рубашки сшить. А что прежде думала, уже сказала: ты богат, я бедна, мы друг другу не чета. Потому не могу тебе согласие дать.

Принялся принц снова просить ее, умолять. Пришлось Семикрасавице ответить:

— Ладно, подумаю, с батюшкой, с матушкой моими посоветуюсь.

И вот королевский сын снова слугу к Семикрасавице посылает и говорит:

— Отнеси ей платье, золотом шитое. Проси, чтобы пришла вечером к вековому дубу. Скажи, принц хочет с тобой потолковать.

Пришла Семикрасавица вечером к дубу, принц ее и спрашивает:

— Надумала ли женой моей стать?

— Когда мне думать-то? — спрашивает Семикрасавица. — И с родителями поговорить не успела. Дел у меня и в доме и на дворе столько, что вздохнуть некогда. Не до свадьбы мне! Говорила я тебе прежде и сейчас говорю: не могу тебе согласие дать.

Только принц от Семикрасавицы не отступает. Просит ее, молит королевой стать, клянется:

— Что бы с тобой или со мной ни случилось, буду тебе верность хранить, никогда на другой не женюсь.

Поняла Семикрасавица, как крепко он ее любит, и говорит:
— Согласна я!

Ведь и она давно уж его полюбила. Боялась только, что неровня ему.

Стали принц с Семикрасавицей с того дня каждый вечер под дубом встречаться. И так они были счастливы! Видались они, правда, тайком от короля. Боялись, как бы он не узнал, что сын с бедной девушкой встречается.

А при дворе жила злая старуха чернавка. Выследила их и королю донесла.

Разгневался король, послал своих людей дом Семикрасавицы поджечь: пусть она в огне сгорит!

Семикрасавица как раз у окошка сидела, вышивала. Вдруг дом вспыхнул. Подступило к ней в тот же миг пламя, выскочила она сама не своя из окошка, да прямо в пустой колодец и угодила. А бедные ее родители вместе с домом сгорели.

Взяла бедняжку тоска: горевала она, печалилась, из колодца выходить не хотела. Сидит дни и ночи напролет в колодце да плачет.

Выплакала Семикрасавица мало-помалу все свои слезы и выбралась из колодца. Пришла на пепелище родного дома и несколько монет из золы выгребла. Купила на эти деньги мужское платье, надела его и пошла к королевскому двору. Просит короля:

— Возьми меня в слуги, буду верно тебе служить, а зовут меня Горемыка Злосчастный.

Приглянулся юноша королю. Взял он его в слуги. Служил Горемыка королю верно и усердно. Совсем мало времени прошло — полюбил старый король Горемыку больше всех других слуг. Должен был он при нем неотлучно находиться, никому, кроме Горемыки Злосчастливого, не дозволялось его королевской особе прислуживать.

А принц от горя себя не помнил. Как услышал, что дом его суженой сгорел, заперся в своих покоях и думает: «Верно, и невеста моя, которая семерых девиц краше, в доме сгорела». Король же решил сына женить, чтобы он Семикрасавицу позабыл. Хотелось старому королю государство сыну еще при жизни передать. И без королевы тут никак не обойдешься. Хоть не мог принц Семикрасавицу позабыть, клятву нарушить, однако пришлось ему к дочери соседского короля посвататься. Хочешь не хочешь, и обручиться с ней пришлось.

Настал день свадьбы. Поехали король с сыном за невестой, а свита следом тянется. Печальный был поезд, хоть и свадебный. Впереди принц едет, Семикрасавицу вспоминает, слезами горячими обливается. Позади — Горемыка; и на сердце у него словно тяжкий камень лежит. Старался Горемыка в хвосте свадебного поезда держаться. Не хотелось ему, чтобы люди печаль его приметили. А как стал поезд к невестиному замку подъезжать, запел Горемыка, да так чисто, так звонко:

Семикрасавицей счастливою слыла,
Горемыкою несчастной стала я!

Услыхал принц песню и спрашивает отца:

— Кто это так хорошо поет?

— Горемыка, верный мой слуга, — отвечает король.

Завел Горемыка песню во второй раз:

Семикрасавицей счастливою слыла,
Горемыкою несчастной стала я!

Услыхал принц песню и спрашивает отца снова:

— Неужто, любезный батюшка, это и вправду Горемыка, твой слуга, поет?

— А кто ж еще, — отвечает старый король. — Никому больше так не спеть.

Как подъехал поезд к самым воротам замка, завел Горемыка песню в третий раз:

Семикрасавицей счастливо слыла.
Горемыкою несчастной стала я!

Повернул тут принц коня, подскочил к Горемыке, заглянул юноше в лицо и обмер: Семикрасавица да и только! Хоть и узнал он свою суженую, но ни словечка не вымолвил, только головой ей ласково кивнул. Повернул коня и снова вперед поспекал.

Гостей в невестинном замке собралось — не перечесть. Все подданные из двух королевств прибыли. Стали гости петь, плясать, сказки рассказывать. Вот невестин отец и говорит:

— Давайте друг другу загадки загадывать, а жених пусть начинает.

Загадал принц загадку:

— Была у меня шкатулка драгоценная, и как-то потерял я к ней ключик. Велел мастеру новый изготовить. Вернулся домой, глядь — прежний ключик на столе лежит. Вот и отгадайте загадку, ваше королевское величество, какой ключик мне дороже — прежний или новый?

— Ясное дело, прежний! — отвечает невестин отец. Не знал он, что сам дочери приговор вынес.

А принц ему и говорит:

— Коли так, забирай свою дочь обратно. Не могу я ее в жены взять, потому что прежняя моя любовь нашлась.

Подошел принц к Семикрасавице, за руку ее взял, к отцу подвел. Старый король ничего понять не может:

— Да это ж Горемыка, верный мой слуга!

Сын ему в ответ:

— Любезный батюшка, не Горемыка это, а Семикрасавица, невеста моя!

Раскрылись тут у придворных глаза, увидели они, до чего прекрасна девица в мужском платье.

Один король ничего слышать не желает, знай свое твердит:

— Какая там Семикрасавица! Ведь слуги ее вместе с домом спалили. Горемыка это, верный мой слуга!

Разгневался принц, понял, что отец его невесту сгубить хотел, что это он ее отца с матерью заживо сжег. Взял он Семикрасавицу за руку и говорит королю:

— Не могу простить тебе твою жестокость. Не нужны нам твои богатства. Руки-ноги у нас есть, а на хлеб мы всегда зарабатываем.

И пошли они куда глаза глядят. Но рассказывают—счастливы они жили, дружно, крепко друг друга любили, никакой работой не гнушались. Семикрасавица-то искусницей была, да и принц ремеслу обучился. Так что ни голода, ни холода они не знали.

КРЕСТЬЯНИН И ЕГО ТРИ СЫНА

ел однажды по проселочной дороге пастор и видит: старик крестьянин поле пашет, надрывается. Пот по лицу так и льет! Остановился пастор, спрашивает:

— Эй, старик, чего из кожи вон лезешь? Ведь ты уже в летах,

и здоровье у тебя, видать, не ахти какое.

— Да, господин пастор, — отвечает крестьянин, — здоровье-то у меня никудышное! Только легко тебе говорить! А кто за меня работать станет? Вот и буду пахать, пока ноги не протяну.

— У тебя что, детей нет? — спросил пастор.

— Есть у меня трое сыновей. Только выучились они и не желают крестьянскую лямку тянуть.

— На кого же они выучились? — спросил пастор.

— Старший стал вором, средний — душегубом, младший — побирушкой.

— Ну, чтобы стать вором, душегубом, побирушкой, учиться не надо, — засмеялся пастор.

— Не скажи, господин пастор. Я на их учение кучу денег перевел. Правда, средний сын так и не доучился.

— Ну, а где твои сыновья теперь? — спрашивает пастор.

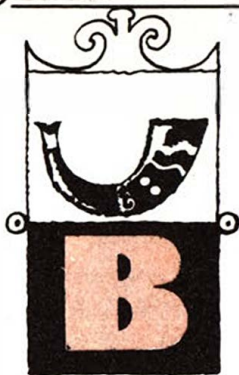
— Вор — тот в окружном суде судьей-сутягой служит, душегуб — лекарем-недоучкой.

— Ну, уж побирушке-то учиться вовсе незачем было, — говорит пастор.

— Не скажи, господин пастор. Ему-то как раз дольше всех учиться пришлось.

— Ну и кем же он стал?

— Пастором, и живет за счет людских подаяний. По правде сказать, живет — как сыр в масле катается, всего у него вдоволь.

КАК В АЛЬПАХ ПЕТЬ НА ТИРОЛЬСКИЙ ЛАД НАУЧИЛИСЬ

давние времена пас молодой пастух каждое лето на горном выгоне свое стадо. А звали его Рез. Вечером, когда солнце садилось, начинал пастух петь-аукать, так что эхо отзывалось далеко-далеко в горах и долго повторяло его песню. Только пел Рез нескладно, грубым, хриплым голосом. Ведь в ту пору в горах еще не знали чудесного искусства йодлей-певцов, тех, что пели с переливами на тирольский лад.

Однажды вечером на закате поднимался пастух в гору и, как всегда, пел да аукал. Взобрался он высоко и неподалеку от пастушьей хижины растянулся на траве. Устал Рез от дневных трудов — работа пастуха нелегкая — да тут же и заснул. Посреди ночи разбудил его какой-то шорох, и почудилось ему, будто в хижине огонь трещит. Протер пастух глаза, поспешно поднялся на ноги, заглянул в окошко и тут же снова бросился на землю. Лежит, глаз от хижины не отрывает. Что же он увидел? А вот что: сидят в его хижине трое незнакомцев! Они, верно, и огонь в очаге развели, и котел, в котором сыр варят, над огнем повесили. Вроде бы собираются в том котле молоко кипятить. Дверь же в хижину закрыта.

«Чего вам надо в моей хижине?!» — хотел было крикнуть незнакомцам Рез, однако вовремя поостерегся. Один из незнакомцев был огромный, словно великан, бородатый, лохматый, рыжий как огонь. Бородач стоял у очага, следил за котлом. Другой — высокий тощий человек с длинными, черными прямыми волосами. На нем была зеленая охотничья куртка, а через плечо — охотничья сумка. Он подносил воду и дрова, клал в очаг поленья и раздувал огонь с такой силой, что искры во все стороны сыпались. Третий был с виду славный малый: русоволосый, с голубыми, как небо, глазами. Он помогал великану: носил ведра с молоком и выливал их в котел. Лил молоко, лил, пока котел доверху не наполнился.

Вдруг раздался такой шум и грохот, будто рухнула крыша лачуги. Видит пастух — подошел Русоволосый к двери — и она сама собой отворилась. Слышит пастух — поет кто-то, аукает, кричит. В жизни не доводилось ему слышать, чтобы кто-нибудь так зазывно пел. Да и не думал, что такое диво бывает на свете. Понял Рез: то пел Русоволосый.

— Хо-хо-ли-о-ху, хо-ли-хе, хо-хо-ли-ло-ба! — слышалось в темноте.

Эхом отозвались эти звуки в горах. Они колыхались в воздухе, разносились над вечными снегами. Казалось, будто множество людей поет, аукает и кричит хором, будто кругом все поет и веселится: скалы, ручьи, водопады. В пении слышался то звон коровьих бубенцов, то чистое звучанье колокольчиков. У Реза защемило на сердце, на глазах выступили слезы.

Тут русоволосый юноша снова вошел в хижину и взял из угла длинный гнутый пастуший рог, украшенный зелеными ветками да алыми цветами. Взял юноша рог, встал у дверей хижины и снова стал петь-аукать. Только на этот раз он еще трубил в рог. Вначале Резу показалось, будто это ветер свистит, крышу хижины сдувает. Потом ему почудилось, словно горный ветер проносится над вершинами темных елей и те шумят. А потом будто зазвенели, зажурчали, словно весной, все родники и ручьи, и еще показалось пастуху, будто горный водопад шумит.

Меж тем рыжий великан, видно, со своей работой управился и стал молоко по чанам разливать. Смотрит пастух — ну и чудо! В одном чане молоко — алое, как кровь! В другом — изумрудное, как альпийские луга, в третьем — белое, как вечные снега. Вышел Рыжеволосый на порог хижины и кричит Резу:

— Эй, иди сюда, выбери себе молоко по вкусу!

Испугался пастух, задрожал всем телом, кровь застыла у него в жилах. Но тут подошел к нему Русоволосый со своим рогом и посмотрел на Реза светлым, ясным взглядом, страх и прошел. Собрался пастух с духом, встал со своего ложа и подошел к незванным гостям.

— Вот тебе три чана! Попей молока из одного, да гляди, не прогадай! — сказал Рыжеволосый, и зычный голос его будто гром загремел.

— Коли ты алого молока отведаешь, — продолжал великан, — станешь таким сильным да храбрым, что никому против

тебя не устоять! А в придачу получишь еще сотню бурых коров. Завтра увидишь, как они на твоём выгоне пасутся. В долине же выделяют тебе крепкую усадьбу со всякими угодьями — с полями и лугами, лесами и садами. Ну, теперь выбирай!

Вышел тогда вперед черноволосый человек в охотничьей куртке. Голос Черноволосого будто охотничий рог зазвучал:

— Коли ты изумрудного молока отведаешь, дам тебе денег сколько душе угодно. Сможешь закупить всего, что только приглянется. Станешь самым богатым человеком во всем государстве! Будешь лучшим стрелком в окрестных горах и долах, отважным и смелым воином. Иноземные князья станут твоей дружбы домогаться. И будешь всему миру хозяин. Глянь-ка сюда!

Снял охотник сумку с плеча, вытряхнул ее на стол. Посыпались звонкие золотые дукаты да серебряные талеры. У Реза даже дух захватило.

А Русоволосый в темноте стоял. Облокотился он на свой длинный рог и, казалось, спит. Но вдруг поднял глаза, и щеки его порозовели, а глаза заблестели. И заговорил он таким чистым, звонким голосом, словно серебряный колокольчик:

— Коли ты белого молока отведаешь, подарю я тебе мой голос, мои песни, мой рог. И ранним утром, на заре, ты будешь петь с переливами и трубить в рог так, как это делаю я. А у того, кто услышит твоё пение и звук твоего рога, потеплеет на сердце. До конца дней своих не забудет он твоего пения! И станут люди любить и почитать тебя.

— Отведаю я белого молока, — сказал Рез.

Зачерпнул он кружкой молока и поднес к губам. Ну и тёплое, ну и душистое было то молоко! Никогда прежде не приходилось пастуху пить такого!

— Твоя правда, — сказал Русоволосый. — Хорошо выбрал! Выбери ты алое или изумрудное молоко — быть бы большой беде. Рыжеволосый-то покровитель пастухов, а Черноволосый — охотников. Вот и думают они, что в горах только и дела — за стадом смотреть и охотиться. А песня, мол, пастухам и охотникам только помеха. Вот и хотели они тебя подкупить. Я же — покровитель певцов-йодлей. Я принес в Альпы свои песни. И откажись ты от белого молока, не смог бы я передать мой дар людям. И прошли бы сотни, многие сотни лет, прежде чем они научились бы петь на тирольский лад.

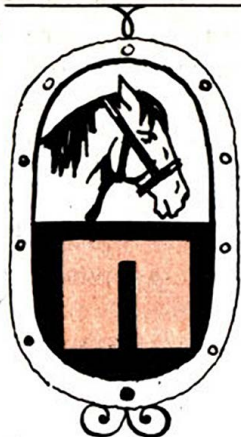
Произнес он эти слова и исчез. А с ним вместе и рыжий великан и черноволосый охотник. Огонь в очаге погас, и Рез сам не знал, было ли это все наяву, или сон ему приснился. Лег пастух снова на траву и крепко заснул.

Когда же померкли звезды, защёбетали птицы и снова взошло солнце, Рез проснулся. Рядом с ним на траве лежал пастуший рог, тот, что был у Русоволосого.

Рез мигом вскочил на ноги, выбежал на альпийский луг перед хижинкой, стал петь и трубить в рог. Пел он с переливами на тирольский лад, как и поныне в Альпах йодли поют. Сбежались тут со всех сторон к нему коровы, и самая норовистая смирилась и дала себя подоить.

По-всякому пел Рез — то тихо, то громко, ну, точь-в-точь как Русоволосый. Неслась его песня по горам и долам, журчала, как ручеек шелестела, словно ветер в лесу, гремела, как бурный водопад в горных ущельях. И люди, что слышали песню альпийского пастуха, не забывали её до конца своих дней.

Стало тогда искусство йодлей переходить из рода в род. Сохранилось оно до нынешних дней, и никогда не разучатся альпийские пастухи петь с переливами и трубить в рог.

ВОЛК И ЛОШАДЬ

овадился волк ягнят в деревне таскать. Поймали его крестьяне и отдубасили палками за все проделки, но не убили. А вскоре стал волка опять голод донимать. Поплелся Серый добычу искать. Вдруг видит — пасутся на горном склоне лошадь с жеребенком. Собрал волк

все силы и мигом лошадь с жеребенком настиг, не успела она от своего лютого врага убежать. Вот волк ей и говорит:

— На здешнем выгоне пастись запрещено — это всякий знает! Ты нарушила запрет. И в наказание заберу я твоего малолетку в залог. Я здесь сторож.

Стала лошадь волка просить, умолять. Но без толку!

— Ах, — заплакала лошадь, — бедный мой несмышлениш! Он в темнице до смерти истомится!

— Сколько лет ему? — спрашивает волк.

— Точно не знаю, — отвечает лошадь, — день его рождения вместе с именем у меня на правом копыте записаны. Вы, поди, читать умеете? Раз вы на выгоне в сторожах, стало быть, и грамоте обучены!

Не хотелось волку признаваться, что в грамоте он ничего не смыслит.

— Покажи-ка твое копыто! — говорит.

Подняла лошадь правое копыто, да как волка по лбу стукнет! Не взвидел он света белого, оглох, ослеп и во всю длину на земле растянулся.

Ну, а лошадь, ясное дело, не стала ждать, пока он очнется и на ноги встанет. Убежала вместе с жеребенком.

С тех пор волк к лошади с опаской подходит. Боится, как бы она его снова не лягнула.

ЙОРИНДЕ И ЙОРИНГЕЛЬ

а горе в большом дремучем лесу стоял некогда древний замок. И жила в том замке совсем одна старая колдунья. Днем она в кошку или в сову превращалась, вечером снова человеческий облик принимала. Умела она зверей и птиц приманивать. Поймает и либо сварит, либо зажарит. А приблизится кто-нибудь на сто шагов к замку, так будто вкопанный останавливается и не может дальше ступить, пока колдунья с него заклятье не снимет. Если ж в это заколованное место молодая девушка забредала, старуха ее в птицу превращала и в клетку сажала. Собралось в ее замке уже семь тысяч таких клеток с чудо-птицами, никак не меньше.

Неподалеку от замка жила одна девушка, разумная да красивая; звали ее Йоринде. В той же округе жил и юноша; звали его Йорингель. Обручились Йоринде с Йорингелем, обещали друг другу, что станут мужем и женой. Ждали они дня свадьбы и нарадоваться друг на друга не могли. Частенько бродили они по лесу, где жила колдунья.

— Берегись, — не раз предупреждал невесту Йорингель, — близко к замку не подходи.

Однажды, когда ярко светило солнце и озаряло темные ели, а где-то среди старых буков жалобно ворковала горлица, гуляли Йоринде с Йорингелем в лесу. Вдруг оглянулись они по сторонам и видят — заблудились, а как домой попасть — не знают. Заплакала Йоринде, стала на судьбу сетовать. И Йорингель, глядя на нее, пригорюнился. Так они загрустили, будто настал их смертный час.

Вот и солнышко уже наполовину закатилось. Поглядел Йорингель и видит — близко-близко среди диких зарослей стена старинного замка высится. Испугался Йорингель. И слышит вдруг — Йоринде запела:

Пташка с грудкой алой
Предвещает тяжкую муку, беду,
Предвещает голубке смерть и печали,
... ци-кют, ци-кют, ци-кют.

Взглянул Ёрингель на невесту — видит: превратилась Ёринде в соловушку, поет, заливается. В тот же миг откуда ни возмись сова прилетела. Глаза, как фонари, горят. Облетела три раза вокруг них и заухала:

— Ух, ух, ух!

И чувствует Ёрингель, что с места сдвинуться не может. Словно окаменел весь — ни слезы не выронить, ни слова не вымолвить.

Тут солнце село. Полетела сова в лесные заросли. Минуты не прошло, глядь, выходит оттуда старушонка дряхлая, худая да горбатая, лицо желтое, глаза огромные, красные, нос кривой, да такой длинный, что кончиком подбородок достает. Пробормотала горбунья какие-то заклинания, схватила соловушку и унесла. А Ёрингель и заступиться не смог — с места-то ему никак не сойти. Долго ли, коротко, вдруг старушонка снова объявилась. Сняла она с Ёрингеля заклятье, снова смог он двигаться, и речь к нему вернулась. Упал юноша пред старухой колдуньей на колени и молит:

— Верни мне мою невесту, верни мне Ёринде!

А старуха ему в ответ:

— Не видать ее тебе как своих ушей.

Молвила так, да и прочь пошла. Кричал Ёрингель, плакал, убивался, только все напрасно.

Побрел он тогда лесом куда глаза глядят и пришел в незнакомую деревню. Нанялся там овец пасти. Пас овец год, пас другой. А сам нет-нет, да к замку поближе подойдет. Только совсем близко подходить остерегался.

И вот приснилось однажды Ёрингелю, что нашел он неведомый цветок. Алый как кровь, а в цветочной чашечке драгоценная жемчужина белеет. Сорвал он цветок, в старухин замок пошел, коснулся там цветком заколдованных птиц, сразу их от чар избавил, и Ёринде тоже.

Проснулся утром Ёрингель, никак сна забыть не может. Стал он по горам да по долам бродить, цветок искать. Искал ровно восемь дней и на девятый на заре нашел; алый как кровь, а в цветочной чашечке — большая капля росы, такая большая, словно драгоценная жемчужина. И такая же пре-

красная. Отправился с тем цветком Йорингель к замку. Подошел к самым воротам, коснулся их цветком. Ворота и распахнулись. Вошел юноша во двор, стал прислушиваться — не раздастся ли где птичье пение. Вдруг слышит: кто-то в замке поет.

Вошел Йорингель в замок, бродит повсюду, невесту ищет. Нашел он наконец комнату, где старуха птиц держала. Видит — ходит колдунья от одной клетки к другой и птиц кормит. Немалая работа! Шутка ли — семь тысяч птиц накормить! Увидала старуха колдунья юношу, разгневалась, но подойти к нему не может — цветок не дает.

Стал Йорингель по комнате ходить, клетки с птицами разглядывать, невесту-соловушку искать.

А как же ее найдешь, когда соловьев в клетках сотни. Приглядывался юноша к птицам в клетках, приглядывался и заметил вдруг, что старуха украдкой одну клетку с птицей взяла и потихоньку с ней к дверям заковыляла. Подскочил Йорингель к старухе. Смотрит — соловушка в клетке сидит. Коснулся он цветком сперва клетки, потом колдуньи; и мигом перед ним его невеста предстала. Краше прежнего во сто крат. Бросилась Йоринде к жениху, рада-радешенька!

А у старухи язык отнялся, онемела она и силу волшебную потеряла.

Коснулся тогда Йорингель всех других клеток цветком. Превратились птицы в прекрасных девушек, какими раньше были. Благодарят все Йорингеля, в пояс кланяются. Разбежались девушки из замка по домам, к родителям своим.

Йорингель с Йоринде тоже домой пошли. Сыграли они свадьбу и жили потом долго да счастливо.

ШЛАРАФФИЯ — СТРАНА ДУРАКОВ

сть на свете такая сказочная страна, куда многие лентяи да лежебоки охотно поехали бы! Только знать бы, как эту страну найти! А зовется она — Шлараффия. Там молочные реки в кисельных берегах текут,

жизнь там сытная, бездельная да привольная. И забот у людей никаких нет. Жителей той страны зовут шлараффами, что значит «бездельники», «дураки». Шлараффам только птичьего молока не хватает, а так — все, что только душе угодно, у них есть.

Дома в той стране вместо крыш пирогами с черникой покрыты, двери из медовых пряников да коврижек, стены — из жареной свинины. Окружены дома изгородью, а изгородь из жареных колбас сплетена. Колодцы все медом и соком сладким наполнены. Знай только рот подставляй!

На березах да ивах свежие булочки растут, под деревьями молочные ручьи звенят. Как упадут булочки в ручьи, так сами по себе в молоке и размокают. То-то радости детям их в ручье ловить, самим жевать и птиц кормить!

— Эй, Гретль! Эй, Гензль! Хотите в сказочную страну? Ну, тогда поехали! Только как туда прибудете, бегите к ручью с булочками! Да не забудьте с собой поварешки взять — молоко черпать.

Рыбы в Шлараффии — видимо-невидимо. И рыба та уже печеная или вареная у самого берега плавает. Можно сказать, сама в руки плывет. Знай только не зевай! Даже если ты лентяй, лежебока, бездельник, одним словом — шларафф заправдашний, и тогда не пропадешь! Стоит тебе закричать:

— Сюда! Сюда!

Глядь, рыба уже из воды выпрыгивает, по берегу разгуливает и сама прямо в руки лезет. Даже нагибаться за ней не надо. Ей-ей! Не вру! Птицы там тоже жареные летают — гуси, утки, куры, индюшки да голуби. Кому трудно руку за

ними протянуть, тому они прямым в рот летят. Повсюду, куда ни глянешь, поросята жареные так и бегают. А в румяной корочке острый нож наготове торчит. Приглянется кому лакомый кусочек — тут же можно его отведать. Грибы там прямо во рту растут...

Сыры в Шлараффии повсюду точно кочки торчат, большие, маленькие, какие хочешь!

Камни там и не камни вовсе, а сплошь пирожки с мясом да с яблоками. Знай ешь да облизывайся. Когда снег идет, то вместо снежинок сахарная пудра сыплется. Когда град, вместо градин куски пиленого сахара вперемежку с финиками, изюмом и миндалем падают.

Деньги в Шлараффии можно с деревьев, словно зрелые каштаны, стряхивать. Каждый, ясное дело, себе самые крупные монеты стряхивает, а мелочь... пусть другим остается.

Есть в той стране дремучие леса. И растут там на деревьях да на кустах камзолы, плащи, штаны, жилеты, какие только захочешь: черные, изумрудные, желтые, лазурные, алые. Такие они красивые! Кому новая одежда понадобится, тот в лес идет, платье себе по вкусу выбирает. На осинах и на дубах женские платья бархатные да шелковые растут. Травинки на полянах — не травинки вовсе, а пестрые ленты. На можжевельных ветвях золотые брошки с булавками, часы с перстнями нанизаны, а можжевельные ягоды и не ягоды вовсе, а чистые жемчужины. На елях сапоги да башмаки, летние шляпы да зимние шапки и всякие картузы с колпаками растут.

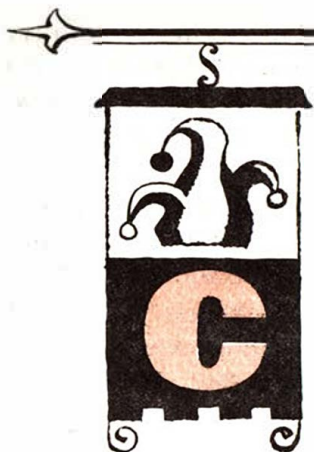
Каких только забав-потех в Шлараффии нет! В игре там всегда выигрывают, в стрельбе всегда в цель угодят. А кто лучше других умеет шутки шутить, за нос водить, дразнить, тому всякий раз золотая монета достается.

Ну, а как там сони, лежебоки и лентяи живут? Им в стране Шлараффии не житье, а раздолье! Самая подходящая это для них страна! За каждый час сна там золотую монету платят. За каждый зевок — серебряную. Ну, а трудолюбивым, добрым и честным людям в Шлараффию пути заказаны, жизни им там не будет. Таких оттуда вмиг выгоняют. Ну, а тому, кто ничего не умеет, кроме как спать, есть, пить, плясать, играть, наряжаться, тому в этой стране жить прямо на роду написано. Его там графским званием жалуют. А самого что ни на есть ленивого — королевским. И станет он в Шлараффии королем.

Ну вот, теперь вы знаете, как в этой стране живется. Кому туда захочется поехать, дорогу пусть спросит у Слепого. Да и Немой ему расскажет. Правда, путь туда для молодых и стариков длинный-предлинный. Зима там жаркая-прежаркая, а лето холодное-прехолодное. К тому же вся эта страна окружена стеной из рисовой каши. И стена та с гору вышиной. Кто в Шлараффию хочет пробраться, должен себе сперва ход в этой стене проесть, десять пудов каши съесть. А уж если попал в Шлараффию — на себя пеняй. От праздной жизни там глупеют, от обжорства жиреют. Глянешь на шлараффов — смех разбирает: такие они толстые, прямо что вдоль, то и поперек. Глаза жиром заплыли — ничего не видят; от лени шлараффы ничего не знают, ничего не умеют, знай себе чавкают, как поросята.

Ох, и скучно же в Шлараффии жить! Играть не с кем, читать нечего — всех лень одолела. Чем же заняться? А нечем! Спи да ешь, ешь да спи! Вот и все!

Так-то!

РЫЦАРЬ БАХВАЛ

лужил когда-то у короля оруженосец, и прозвали того оруженосца — рыцарь Бахвал. Он всегда много обещал, да мало делал. А как начнет похваться, так остановиться не может. И жил в ту пору при королевском дворе шут. Надоело ему

слушать, как Бахвал хвастает, и решил он его проучить. Авось поумнеет!

Захотелось однажды королю к обеду жареной дичи. Говорит он рыцарю Бахвалу:

— Сходи-ка в лес да подстрели десятка фазанов к нашему королевскому столу!

А рыцарь ему в ответ:

— Зачем десятка?! Я лучше сотню настроляю!

— Ладно, — говорит король. — Коли ты такой искусный стрелок, принеси сотню. За каждого фазана серебряную монету получишь.

Услыхал эти слова шут, опередил рыцаря, прибежал в лес, скликал всех птиц и говорит:

Эй вы, пташки, улетайте!
Жизнь свою скорей спасайте.
Сюда Бахвал, хвостун идет,
Он вас мигом перебьет!

Пришел рыцарь Бахвал в лес, а там — тишина. Ни пения, ни щебета птичьего. Ни одной даже самой малой пташки в лесу не видать. Все по гнездам попрятались.

Воротился оруженосец несолоно хлебавши, с пустой сумкой. Разгневался король, велел рыцаря на сто дней в темницу заточить. Ведь слова своего он не сдержал!

Прошло сто дней, вышел рыцарь Бахвал на волю, к королю явился. А король ему и говорит:

— Надо нам пять форелей к нашему королевскому столу!

Вспомнил Бахвал про сто дней темницы и решил широко не замахиваться, многого не сулить.

И говорит королю:

— Зачем пять?! Я лучше пятьдесят поймаю!

Отвечает король:

— Коли ты такой искусный рыболов, поймай пятьдесят. За каждую — золотую монету получишь.

Услыхал эти слова шут, опередил рыцаря, прибежал к озеру, всех рыб скликал и говорит:

Эй вы, рыбки, уплывайте!
Жизнь свою скорей спасайте.
Сюда Бахвал, хвостун идет,
Он вас мигом изведет!

Пришел рыцарь Бахвал к озеру, а там — тишина. Ни одна рыбка в озере не плещется. Все, даже самые смелые, к другому берегу уплыли.

Так ни одной рыбы оруженосец и не поймал. Разгневался король, велел рыцаря на пятьдесят дней в темницу посадить. Пусть не хвастается!

Прошло пятьдесят дней, вышел рыцарь Бахвал на волю, к королю явился. А король ему и говорит:

— Надо нам зайца к нашему королевскому столу!

Вспомнил Бахвал про пятьдесят дней темницы и решил впредь быть скромнее.

Говорит он королю:

— Зачем одного?! Я лучше десяток зайцев принесу!

Отвечает король:

— Коли ты такой искусный охотник, принеси десяток зайцев. За каждого — три золотых монеты получишь.

Услыхал эти слова шут, опередил рыцаря, прибежал в лес, всех зайцев скликал и говорит:

Эй вы, зайцы, убегайте!
Жизнь свою скорей спасайте.
Сюда Бахвал, хвостун идет,
Он вас мигом перебьет!

Пришел рыцарь Бахвал в лес, а там — тишина. Ни единого зайца, даже самого малого, в лесу не видать. И не только зайцы — все звери попрятались.

Воротился оруженосец, а в сумке у него пусто. Разгневался

король, велел рыцаря на десять дней в темницу запереть. Ведь слова своего он не сдержал!

Прошло десять дней, вышел рыцарь Бахвал на волю, к королю явился. А король ему и говорит:

— Надо нам оленя к нашему королевскому столу!

Вспомнил тут Бахвал про все муки, которые в темнице перенес. Из-за чего он их натерпелся? Из-за одного лишь бахвальства. И молвил тихо да скромно:

— Схожу-ка в лес, погляжу. Авось доведется мне хоть одного оленя затравить.

Пришел рыцарь Бахвал в лес. Кругом птички поют, щебечут. В озере рыба плавает, плещется. Идет он, по сторонам оглядывается. Кругом благодать! То из-под ног его дичь вспорхнет, то мимо заяц проскачет. Видит Бахвал — олень бежит. Подстрелил его рыцарь, взвалил на спину и к королю потащил. Тащит, от радости себя не помнит. Увидал король оленя и засмеялся. А шут тоже тут как тут! Прибежал к рыцарю, да и говорит:

— Видишь, как легко можно слово свое сдержать!

С той поры стал рыцарь Бахвал скромнее скромного, никогда не хвастался и не сулил больше, чем выполнить мог.

ЖИВАЯ ВОДА

ил-был король, и было у него три сына. Вдруг неожиданно-негаданно король так тяжело захворал, что сыновья уж не надеялись больше его в живых увидеть. Целыми днями они слезы лили, батюшку своего оплакивали.

Вот однажды ходят они по саду и плачут. А навстречу им старик идет, спрашивает:

— Что, молодцы, плачете, что горюете?

Они ему в ответ:

— Батюшка наш тяжело хворает! Никакие снадобья ему не помогают!

Говорит тогда старик:

— Знаю я одно средство. Это — живая вода. Дадите королю той воды попить, он тут же исцелится. Только трудно живую воду отыскать.

— Я ее найду! — вызвался старший брат.

Пошел он к больному королю и просит:

— Дозволь, батюшка, мне по белому свету постранствовать, живой воды поискать. Только она тебя исцелить сможет.

— Нет! — сказал король. — Такие беды и опасности тебя в пути подстерегают, что уж лучше я помру.

Однако принц так отца просил, так умолял! И дал тот наконец свое согласие.

— Ладно, ступай!

Обрадовался принц, а сам думает: «Коли я воду принесу, батюшка меня больше, чем братьев, любить будет и все государство мне в наследство оставит».

Собрался он в путь, оседлал коня и поскакал. Долго ли коротко, близко ли, далеко он по свету скакал, вдруг видит — стоит перед ним на дороге гном. Окликнул гном принца, спрашивает:

— Куда так спешишь? Куда путь держишь?

— Незачем тебе это знать, — гордо ответил принц и дальше поскакал. Ни разу даже не обернулся!

Разгневался гном и решил старшего брата за неучтивость наказать. Не успел принц отъехать, как очутился в горном ущелье, откуда и выхода-то не было. Чем дальше он ехал, тем теснее смыкались горы, и сделалась тропинка до того узенькой, что конь шагу дальше ступить не мог. Ни назад коня повернуть, ни спешиться нельзя. Так и остался принц на коне верхом сидеть. Будто его в ущелье замуровали.

Ждет-пождет король старшего сына, а тот все не едет. Просится тогда средний сын, говорит королю:

— Дозволь, батюшка, мне в путь отправиться, живой воды поискать.

А сам про себя думает: «Коли брат мой пропал, государство мне достанется».

Не хотелось старому королю второго сына отпускать, но уступил он его мольбам. Вот и пустился принц по той самой дороге, что брат его выбрал. Встретился и ему гном, остановил его и спрашивает:

— Куда так спешишь? Куда путь держишь?

— Незачем тебе это знать, — гордо ответил принц и дальше поскакал. Ни разу даже не обернулся.

Однако недалеко он ускакал. Заколдовал и его гном, очутился он, как и старший брат, в горном ущелье — ни туда ни сюда двинуться не может.

Так и второй сын домой не вернулся. Вызвался тогда младший, говорит королю:

— Дозволь, батюшка, мне по белому свету постранствовать, живой воды поискать.

Не хотелось старому королю с меньшим сыном расставаться, но пришлось его отпустить.

Встретился и младшему принцу гном, остановил он принца и спрашивает:

— Куда так спешишь? Куда путь держишь?

Придержал принц коня и ласково так отвечает:

— Ищу я живую воду для отца. Вовсе плох он, на смертном одре лежит.

— Ну, а знаешь ты, где можно ту воду отыскать?

— Нет, — сказал принц.

— Ты вел себя достойно, не чванливо. Не грубил мне, как твои старшие братья. За это я тебе помогу, расскажу, как

живую воду добыть. Она на дне колодца, а колодец — во дворе заколдованного замка. Дам я тебе волшебную палочку и двух ягнят. Коснись трижды палочкой железных ворот, что в замок ведут, они и откроются. Во дворе два свирепых льва лежат, колодец охраняют. Дай каждому по ягненку, они тебя и пропустят. Войдешь в замок, увидишь девицу. Она тебе понравится, но поспеши уйти, пока двенадцать не пробило. А не то ворота снова закроются — и окажешься ты взаперти.

— Спасибо тебе, — поблагодарил гнома принц.

Взял он волшебную палочку, двух ягнят и в путь отправился. Отыскал заколдованный замок, и там все было, как гном ему предсказал. Коснулся принц палочкой ворот раз, коснулся другой, на третий — ворота сами распахнулись. Кинулись было на него львы, но он дал им по ягненку — они его в замок и пропустили. Вошел принц в пышные покои. А там прекрасная девица сидит. Обрадовалась девица принцу, поцеловала его и говорит:

— Злая волшебница красоте моей позавидовала, меня и замок мой заколдовала. А добрый гном давно хотел мне помочь, вот он тебя сюда и прислал. Ты меня от волшебных чар избавил, теперь тебе все мое королевство достанется. Исцели отца и через год вернись, свадьбу сыграем.

Рассказала принцу девица, где во дворе колодец с живой водой найти.

— Только поспеши воды оттуда зачерпнуть, — молвила она, — прежде чем двенадцать пробьет.

Пошел принц дальше и вдруг забрел в опочивальню. Устал он, захотелось ему отдохнуть. Лег в постель и заснул. А как проснулся, слышит — без четверти двенадцать пробило. Вскочил принц, страшно ему стало. Побежал он к колодцу, набрал в кубок живой воды и спешит поскорее прочь уйти. Только он к железным воротам подошел, как двенадцать пробило. И так быстро ворота за ним закрылись, что ему кусок пятки отхватило.

Идет принц домой рад-радешенек, — ведь он живой воды набрал! А навстречу ему гном. Не хотелось принцу к отцу без братьев возвращаться, вот он и спрашивает:

— Любезный гном, не скажешь ли, где мои братья? Они еще раньше меня за живой водой отправились, а назад так и не вернулись.

— Братья твои меж двумя горами замурованы, — сказал гном. — Это я их за спесь наказал.

Стал принц гнома просить, умолять братьев освободить. Так долго он просил, что гном их из ущелья выпустил. Но прежде предупредил он принца:

— Остерегайся братьев, сердце у них — злое!

Обрадовался принц, когда братьев увидел, и рассказал им, как живую воду нашел, как полный кубок воды с собой захватил и как прекрасную принцессу от злых чар избавил. Принцесса целый год будет его ждать. Сыграют они потом свадьбу, станет он королем...

Поехали братья домой все вместе, а старший да средний меж собой толкуют:

— Меньшой-то живую воду нашел, а не мы. Стало быть, отдаст ему отец государство, что нам по праву принадлежит.

Надумали они меньшого брата погубить. Остановились отдохнуть на морском берегу, младший брат крепко заснул, а они перелили живую воду из его кубка в свой. Ему же в кубок горькой морской воды налили.

Вернулись братья домой, поднес младший королю свой кубок и говорит:

— Выпей, батюшка, сразу исцелишься.

Выпил король морской воды и пуще прежнего занедужил. Стал на болезнь свою сетовать. Явились тут старшие сыновья, стали меньшого оговаривать:

— Он тебя, батюшка, отравить хотел, а мы тебя исцелим.

Принесли они живую воду, дали отцу. Выпил король живой воды, и болезнь точно рукой сняло. Словно молодые годы к нему вернулись.

Пошли тогда старшие братья к меньшому и стали над ним насмехаться:

— Хоть ты и нашел живую воду, тебе одни лишь труды достались, а нам — награда. Будь ты поумнее, ты бы с живой воды глаз не спускал. Мы ее взяли, когда ты на морском берегу заснул. Через год один из нас и на прекрасной принцессе женится. Но берегись, молчи про это. Если ты хоть словом обмолвишься — с жизнью прощайся!

Затаил старый король на младшего сына обиду. Думал, что тот на жизнь его покушался. Собрал он своих придворных и вынес приговор: убить принца тайно.

А принц никакой беды не чуял. Поехал он однажды на

охоту, глядь — королевский ловчий следом за ним скачет. Только они с глазу на глаз в лесу остались, видит принц — погрузился чего-то ловчий. Принц его и спрашивает:

— Что с тобой?

Ловчий ему отвечает:

— Не велите мне говорить, велите молчать.

Стал принц его увещевать:

— Скажи, не бойся, я тебя не обижу.

— Не знаю, что и делать, — молвил ловчий. — Король приказал вас убить!

Испугался принц и говорит:

— Не убивай меня! Ведь никому не догадаться, что я жив, если ты мое королевское платье возьмешь, а мне свое отдашь.

— С превеликой радостью, — согласился ловчий.

Обменялись они платьем, и отправился ловчий домой, принц же в лесной чаще исчез.

Меж тем взяло старого короля сомнение. Сидит и день-деньской думает: «А может, сын мой не виноват вовсе?» И говорит слугам:

— Если б он в живых остался! До чего мне горько, что я его убить велел.

— Живой он, — признался ловчий. — Не смог я ваш приказ выполнить.

Поведал ловчий королю все как было.

Свалился камень с отцовского сердца, и велел он во всех королевствах по всему свету возвестить:

— Пусть сын мой обратно вернется, мы его помируем!

В ту же пору созвала прекрасная принцесса своих слуг и велит им:

— Вымостить дорогу к замку золотом и драгоценными камнями! Кто этой дорогой прямо по золоту и драгоценным камням ко мне в замок поскачет, тот мой суженый и есть. Его в замок впустите. Тот же, кто рядом с дорогой поедет, не суженый мой вовсе, его ни за что в замок не пускать!

Как минул год, подумал старший принц: «Поспешу-ка я в замок к принцессе, выдам себя за ее спасителя. Достанется она мне в жены, да еще королевство в придачу». Поскакал он к ней, а когда к замку приблизился и увидел дорогу, золотом и драгоценными камнями мощенную, подумал: «Зачем же золото да драгоценные камни топтать?!» Свернул с дороги

и рядом по тропке поскакал. А как к воротам подъехал, слуги ему говорят:

— Никакой ты нашей принцессе не суженый. Ступай откуда явился!

Вслед за старшим пустился в путь средний брат. Лишь только он к дороге, золотом и драгоценными камнями мощеной, подъехал и лошадь его на ту дорогу ступила, подумал он: «Зачем же по этой дороге скакать, этак недолго золото и драгоценные камни затоптать». Свернул с дороги и рядом по тропке помчался. А как к воротам подъехал, слуги ему говорят:

— Ты кто такой? Ты нашей принцессе не суженый. Убирайся прочь!

Младший принц тоже к своей невесте отправился, хотел горем с ней поделиться. Пустился он в путь. Едет и только о ней думает, так соскучился! Задумался принц и дороги, золотом и драгоценными камнями мощеной, не приметил. Поскакал конь прямо по дороге, а как у ворот очутился, впустили слуги принца во двор. Приняла гостя принцесса с радостью и сказала:

— Ты мой избавитель, владыка всему этому королевству. Сыграли свадьбу, и веселились гости до упаду.

После свадьбы сказала мужу молодая королева:

— Отец твой тебя требует. Простил он тебя.

Поехал принц к отцу, все ему рассказал: и как братья его обманули, и как молчать заставили. Хотел было король старших сыновей наказать. Да они на корабль сели, прочь уплыли: со стыда за море убежали. С тех пор никто их больше никогда не видел.

КАК СТАРИК В ШКОЛУ ХОДИЛ

или-были на свете старик со старухой. Бедно жили. Ходили они оба на поденные работы: старик в поле у богатеев горб гнул, старуха — по хозяйству помогала. Вот однажды нанялась она к пастору. Позвали старуху на кухню обедать,

а повариха как раз из котла кусок мяса вынимает. Большой, жирный кусок!

— Господи! — вздохнула старуха. — Хоть бы раз в жизни такого мясца досыта поесть!

Зашла тут на кухню пасторша, услышала ее слова и говорит:

— Ничего не поделаешь, милая моя. Муженек-то твой не велик грамотей. Проучись он столько, сколько пастор, и вы бы вволю мяса ели.

— Ишь ты, — сказала старуха, — вон оно как.

Вернулась домой и говорит:

— Отец, знаешь что?

— Что, мать?

— Пасторша наша сказала, что ты не больно грамотный. Проучись ты столько, сколько пастор, и мы бы ели такое же жирное свежее мясо, какое у них в котле варится. Вот я и надумала: может, походишь еще в школу, поучишься малость?

— И впрямь! Отчего не поучиться?

— Вот и ладно, отец. Раздобуду я тебе букварь — и вместе с детишками в школу пойдешь.

На другой день входит старик с букварем под мышкой в класс. Как увидел его учитель, глаза у него от удивления на лоб полезли.

— Э-э, любезный, чего тебе здесь надо?

— Да вот жене надо, чтоб я в школу походил, поучился малость.

— Опоздал, добрый человек. Опоздал ты учиться, — сказал учитель. — Отправляйся-ка лучше домой!

Удивилась жена, что муж так быстро домой вернулся.

— Неужто уроки уже кончились? — спросила она.

— Да нет, — отвечает, — учитель меня отослал, сказал, что опоздал я в школу. Завтра надо загодя пойти.

— Вот и хорошо, отец, — обрадовалась старуха, — ничего с тобой не сделается, коли пораньше встанешь.

На другое утро пришел старик в школу на целый час раньше.

— Ну и ну! — подивился учитель. — Опять ты здесь!

— Вчера ты сказал, что я опоздал. Так нынче я на целый час раньше из дому вышел.

— Эх, любезный! Не понял ты меня. Я хотел сказать, что больно ты стар и поздно тебе в школу ходить.

Пришлось старику снова ни с чем домой вернуться. Идет — видит: на дороге большой кошелек, полный денег, валяется.

— Ну, как, отец? — спрашивает старуха, когда старик домой явился. — Неужто уроки уже кончились?

— Да нет, — ответил старик, — учитель меня домой отослал, сказал, что больно стар я для ученья. Однако не зря я в школу ходил. Глянь, какой большой кошелек нашел.

— Ой, отец! Надо кошелек старосте волостному отдать! Чужой ведь это кошелек, кто-то его ищет, мается. А может, и награду какую за находку получишь.

— Ладно! — отвечает.

Пошел он к волостному, стоит, с ноги на ногу переминается.

— Ну, чего тебе надо? — спрашивает староста.

— Да вот, — отвечает поденщик, — нашел я кошелек с деньгами и хочу их вернуть.

— Так! Когда же ты его нашел?

— Когда из школы домой возвращался.

— Вот что, добрый человек! — говорит волостной, а сам во все горло смеется. — Ты, поди, в школу сто лет назад ходил. А тогда деньги совсем другие были. Теперь они не годятся. Можешь оставить кошелек себе!

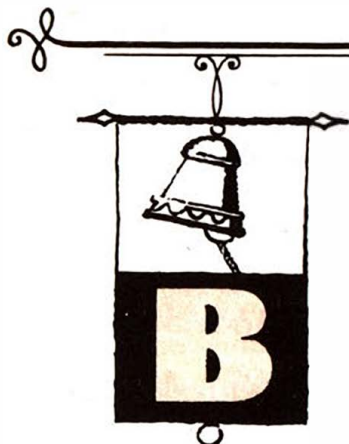
Старик было рот открыл, чтобы все старосте рассказать. Но тот его и слушать не стал.

— Проваливай! — говорит. — Надоел ты мне!

И выпихнул старика за дверь.

Делать нечего, понес тот кошелек домой.

Старику со старухой те деньги, ясное дело, пригодились. Вот радости-то было!

УМЕРЛА ЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

стародавние времена жил на свете один богатый граф. Как сыр в масле он катался, а законы своей страны ни во что не ставил. И все в округе должно было по его велению, по его хотенью быть. Не

думал граф никогда ни о праве, ни о справедливости, имениями своими управлял, как ему вздумается.

Вот поехал он однажды на прогулку верхом и увидел большой да красивый деревенский дом. Приглянулся графу дом. Осмотрел он его со всех сторон и к двери подъезжает. А на пороге как раз крестьянин по имени Ганс — хозяин дома — стоит. Поздоровался с ним граф ласково и спрашивает:

— Добрый друг, не желаешь ли усадьбу свою продать? Я не поскуплюсь, за ценой не постою.

Крестьянин нисколько не раздумывал, тут же ответил:

— Нет, ваша милость, никакой купли-продажи у нас не выйдет! В усадьбе этой еще прадеды мои жили; хочется и мне здесь свои дни скоротать. Так что имение мое при мне останется.

Граф же ему говорит:

— Даю сроку до завтра! Поразмысли как следует.

Вскочил граф на коня и прочь ускакал. Крестьянин же покачал головой и думает: «Ничего из этого дела у графа не выйдет».

На другой день поутру, только еще заря занялась, прискакал граф к крестьянину. Сидит на коне и спрашивает:

— Ну, каково твое последнее слово?

А крестьянин отвечает:

— Я, ваша милость, от слова своего не отступлюсь. При своей усадьбе останусь, вот и весь сказ!

Разозлился граф и кричит:

— Спрашиваю еще раз: отдашь усадьбу добром? Не отдашь — на себя пеняй! Все равно она мне достанется!

Покачал крестьянин головой и говорит графу:

— Я словами не бросаюсь: усадьбу свою не продам.

Чуть не лопнул граф от ярости и ускакал прочь. Известное дело: богатый — что бык рогатый. Помчался граф прямо к судьям-судейским; щедро их золотом одарил и велел тяжбу с крестьянином начать. Судейские-то знали, что богаче графа в округе человека нет. Стало быть, если они дело его выиграют, золото на них дождем посыплется. Потому-то и посулили они графу крестьянина уломать. А уж если не согласится добром усадьбу отдать, разорить его дотла.

Послали судейские за крестьянином служителя. Пришел крестьянин в суд, а они его спрашивают:

— Продашь усадьбу или нет?

— Нет, — твердо отвечает крестьянин.

Как его ни уламывали, он все на своем стоит.

— Придется тебе с графом тяжбу вести! — обозлились судейские.

— Ну что ж, тягаться так тягаться! — говорит крестьянин.

Все крючкотворы-судейские на стороне графа были, а за крестьянина заступиться некому. Началась тут тяжба. Крестьянина то и дело в город таскают. Денег это ему стоило уйму, и увяз он по уши в долгах. Под конец судейские решили: крестьянина со двора согнать, усадьбу у него отобрать и графу ее отдать. Осталась у крестьянина всего сотня гульденов. Как объявили ему судейские приговор, стал он их корить и говорит:

— Коли на земле справедливости никакой не осталось, то авось на небесах найдется!

Рассмеялись господа судейские, а один крестьянину отвечает:

— Справедливость и на земле и на небесах давным-давно умерла.

Промолчал крестьянин, из суда вышел и прямехонько к пастору в церковь отправился. Как увидел пастор, что давний его знакомец крестьянин идет, он ему и говорит:

— Здравствуй, Ганзль! Навестить меня пришел?

— Да, — ответил Ганс, — только дела у меня невеселые.

Поведал он пастору свою историю и кончил ее так:

— Всего-то у меня теперь сотня гульденов осталась, я их тебе отдаю. Столько у вас в городе платят, чтобы большой церковный колокол по умершему звонил. Вот тебе деньги, и

давай звони скорее. Пусть колокол по Справедливости отзвонит, ведь она померла. Но, гляди, подольше звони!

Взял пастор деньги, позвал служителя, поднялись они на колокольню, зазвонили в большой колокол. И звонили куда дольше обычного. Пошли тут в городе расспросы, пересуды: кто помер да по ком так долго колокол звонит. Но никто толком не знал.

Собрался на площади народ, стал кричать:

— Почему такой звон стоит?

Нашлись люди добрые, поведали, какую несправедливость судейские учинили. Еще пуще начал народ кричать да графа к ответу требовать. Испугались граф с судейскими и вернули крестьянину его усадьбу. Так что, видать, жива еще Справедливость на свете, не умерла она.

БЕССТРАШНЫЙ ЗАМИ

а одном горном выгоне в Альпах водились в старину привидения. Потому-то все пастухи на тот выгон ходить боялись. Ведь из года в год там в горах коровы гибли. И не какие-нибудь, а самые молочные. Кое-кто из альпийских пастухов не

верил в привидения и думал, что уж с его-то коровами дело обойдется. Только и они всего своего стада лишались, бедняками становились. Под конец никто не хотел на том выгоне скотину пасти. Целый год ни одной живой души там не видели. Но вот чудо! Пастухи, которые по соседству стада стерегли, слышали издалека, как летом на страшном выгоне погремушки побрякивают да колокольчики звенят. Будто утром стадо на луг выгоняют. И над пастушьей хижинкой с утра до вечера вился синеватый дымок; словно на волшебном выгоне обед стряпают или сыр варят. Но никогда никто там ни одной живой души не видел: ни пастуха, ни мальчишки на побегушках.

Люди в долине сказывали, что выгон тот заколдован. И если кто-нибудь хоть одну ночь там в хижине провести не побоялся, выгон от заклятья избавит. Достанутся ему тогда и пастбище, и стадо, и хижина со всем хозяйством. А в придачу — сокровище, которое будто бы с незапамятных времен на выгоне зарыто.

Находились отчаянные головы, не раз они в горы поднимались, но никто назад не вернулся.

Вот однажды спустился в долину с дальних гор молодой пастух. Услыхал он про волшебный выгон и ничуть не испугался.

— Попытаю-ка я счастья! — дерзко сказал он.

— И не думай, — отговаривали его местные пастухи. — Пропадешь ни за понюшку табаку! Это в тебе молодая кровь играет! В молодые годы всё нипочем!

Но Зами — так звали пастуха — все равно не испугался. И поднялся один в горы. А там, на выгоне, тишь да гладь: ветерок не пронесется, птица не пролетит, ветка на дереве не зашелестит, ни одна былинка, ни один цветок не шелохнутся. Среди камней ручей молчаливо бежит, воду прямо в колодец беззвучно несет. Зами даже собственных шагов не слышал, когда по заросшей, глухой тропинке шел. Стало ему не по себе, душа от страха в пятки ушла. Чтоб подбодрить самого себя, стал он во все горло петь с переливами — на тирольский лад. Но ни в горных ущельях, ни в скалистых горах не отдавалось эхо. В пастушьей хижине тоже все словно вымерло: на бревенчатых стенах даже мухи не ползают. Закричал тут Зами в открытое окошко лачуги:

— Эй, кто там есть?

Никто не отозвался. Подошел Зами к двери, постучался. И снова никто ему не ответил. Вдруг дверь неслышно сама собой отворилась. Переступил Зами порог и вошел в хижину.

Видит — в очаге огонь горит, да только поленья не трещат, пламя не полыхает. Над огнем — котел висит, будто кто сыр варить собрался. Начал Зами снова невидимого пастуха во весь голос кликать. Опять никто не отозвался.

— Ну, погоди, я тебе покажу! — пригрозил Зами.

Притворился Зами, будто ищет пастуха в хижине. Словно тот где-нибудь в углу притаился!

— Эй, выходи! — громко закричал он. — Я тебя не боюсь!

Никто не отозвался.

Подошел тогда Зами к двери, которая в другую комнатушку вела, и дверь вдруг тоже бесшумно отворилась. Вошел туда Зами — видит: все чисто прибрано! На огне каша в горшке кипит, посредине — накрытый стол, на нем миски да плошки расставлены, ложки разложены. А в мисках и плошках всякой еды вдоволь: сыра, молока, масла, хлеба. Как принято у пастухов в Альпах. Стал Зами снова хозяина кликать.

— Эй, выходи! Я тебя не боюсь!..

Ни звука в ответ. Видит Зами — у стены большая кровать за цветистым пологом стоит.

«Ничего! — подумал он. — Как настанет час, хозяин явится!» Улегся в кровать за пологом. Только поудобнее на подушку голову положил, только заснуть собрался, слы-

шит — шаркает кто-то ногами по земле, громко-громко, в хижину направляется! Не успел Зами оглянуться, как шаги уже у дверей послышались, потом на пороге, и вот они уже совсем рядом!

«Должно быть, это сам хозяин и есть!» — подумал Зами, уселся в кровати, стал сквозь дырочку в пологе глядеть. Смотрит: стоит перед ним страшное чудище — не то зверь, не то человек. Ноги лошадиные, с копытами, голова тоже лошадиная, из пасти пламя так и пышет, так и пышет! Все тело шерстью обросло, шерсть дыбом стоит. Вместо рук у чудища — лапы с острыми когтями. Подошло чудище к столу, миски, плошки пересчитало, еще больше ошетинилось, да как заорет:

Каша кипит, стол накрыт.

Нет за столом того, кто в кровати лежит!

И почудилось вдруг Зами, будто гром грянул. А это чудище к кровати шагнуло, цветистый полог сорвало, постель разворошило. Вертелся пастух, будто угорь на сковороде, все от чудища увернуться хотел. Но так Зами и не увернулся. Схватило чудище его за руку, и показалось пастуху, будто руку его огнем обожгло.

— А ну вставай, садись за стол, ешь кашу! — заорало чудище и потащило Зами к столу.

Тот про себя думает: «Ну, держись! Сейчас или никогда!» И громко да твердо говорит:

— Ничего я не варил, ничего и есть не стану. Ты кашу заварил, ты и расхлебывай!

Уселось чудище к столу, кашу в миску налило и стало хлебать. Потом затопало неизвестно куда, вернулось назад со свечой, с киркой, с лопатой, бросило все к ногам пастуха и ворчит:

— А ну, подними свечу да кирку с лопатой, неси в погреб!

— Ничего я из погреба не приносил и ничего туда не понесу, — говорит Зами.

Сам же виду не подает, что боится.

Взяло чудище свечу, кирку с лопатой и прохрипело:

— Идем со мной!

— Ладно, — сказал Зами, — только ты вперед ступай!

Стало чудище вниз по лестнице спускаться. В погребе на-

чертило какой-то знак на земляном полу, ошетинилось, схватило камень величиной с кулак и растерло его в порошок, да как заорет:

— А ну, вырой яму на этом месте!

— Ничего я здесь не потерял и яму рыть не собираюсь! — смело сказал Зами и с места не двинулся.

Пришлось чудищу самому за работу приниматься. Долбило оно землю киркой, долбило, копало лопатой, копало, вдруг видит пастух — большой котел из ямы показался.

— Вытащи его наверх! — закричало чудище так, что стены дрогнули.

— Я его в яму не опускал и вытаскивать не стану! — твердо отвечает Зами.

Рвануло чудище тяжелый котел, вытащило его из ямы.

— А ну, неси его наверх! — закричало чудище.

— Я его в погреб не приносил и наверх не понесу! — храбро отвечает Зами.

Взвалило чудище котел на плечи, по лестнице в горницу потянуло да и грохнуло на пол.

— А ну, подними крышку! — рычит.

— Я котел крышкой не прикрывал и открывать не стану! — дерзко отвечает Зами.

Пришлось чудищу самому крышку поднимать. А котел-то доверху серебряными монетами набит! Захотело тут чудище да и высыпало всё из котла на стол. Потом разделило серебряные талеры на три равных доли и говорит Зами:

— Выбирай себе любую долю! Угадаешь — твое счастье! И меня от заклятья избавишь! Не угадаешь — разотру тебя в порошок, и придется мне до скончания века таким вот чудищем бродить... Одна доля здесь — твоя, другая — бедняков, которые все добро свое на этом выгоне оставили, а третья — вдов да сирот тех пастухов, которых я здесь сгубило. Выбирай теперь любую.

Не успело чудище опомниться, как схватил Зами серебро обеими руками и все три доли в одну кучу сгреб.

— Одна доля наверняка моя, а беднякам, вдовам и сиротам я сам их долю отдам, — молвил он.

Раздался тут такой грохот, что стены пошатнулись, а крыша над хижинкой вверх взметнулась. Лишь только грохот утих, видит Зами — стоит перед ним молодой красивый пастух. Улыбается он ласково и говорит:

— Ты меня от заклятья избавил. Теперь и горный выгон, и альпийский луг — твои!

Повернулся и прочь пошел.

Зами в тот же день спустился с гор в долину. Принес он с собой подойник, полный серебряных монет, и роздал их беднякам, вдовам да сиротам. Повернулось к нему счастье лицом, и зажил он припеваючи. С тех пор перестали привидения на выгоне водиться, и все в окрестных долинах вздохнули. И пошли в Альпах такие поговорки:

— Кто не боится — всегда в выигрыше останется! Смелому весь мир принадлежит!

КАК ЛЕНЦ С ЛИЗОЙ НЕУБИТОГО МЕДВЕДЯ ДЕЛИЛИ

от уж Худущую Лизу никак бездельницей не назовешь. Трудилась она рук не покладая. И на мужа своего, Ленца Долговязого, столько же работы взваливала! С утра до вечера он, бывало, мается, а работу все равно не переделать.

Только он передохнуть вздумает, Лиза ему новую задачу задает. А толку что? Заработки были у них никудышные, ни единого гульдена в кармане так и не завелось. О корове и говорить нечего, хотя думали Ленц с Лизой о ней день и ночь.

Вот однажды вечером улеглась Лиза спать. Пальцем от усталости шевельнуть не может, а мысли всякие ее донимают, уснуть не дают. Толкнула она мужа локтем в бок и говорит:

— Слышь-ка, Ленц, чего я надумала? Коли б я один гульден на дороге нашла, а один бы мне подарили, и я к ним еще один прикопила бы, да один гульден ты бы дал, я бы на эти четыре гульдена молодую корову купила.

Очень Ленцу женины слова понравились.

— Дело ты говоришь, — сказал он. — Правда, где мне тот гульден взять, который ты просишь тебе отдать? Ума не приложу! Ну, коли ты все же столько денег накопишь и сможешь на них корову купить, то-то хорошо будет! А какая радость, если корова теленочка принесет! Тогда и мне иной раз глоток молока перепадет.

— Не про твою честь молоко, — рассердилась жена, — пусть его теленок сосет; вырастет он тогда большой и жирный, и сможем мы его с выгодой продать.

— Ясное дело, — ответил муж, — только немного молока мы все же себе возьмем, это нам никак не повредит.

— И кто тебя всяким глупостям учит? — досадовала жена. — Повредит ли — нет ли, только я этого не потерплю! Хоть

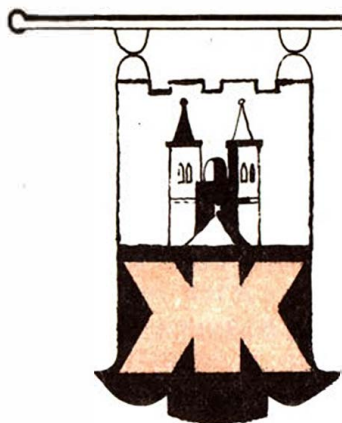
ты тресни, а не видать тебе молока ни капли! Тебе бы все слопать, что я в поте лица своего раздобыла.

— Жена, — крикнул муж, — замолчи! Не то задам я тебе взбучку!

— Что? — закричала жена. — Ты мне еще грозишь? Ах ты бездельник, ах лежебока!

Долго Лиза Ленца честила, до тех пор, пока от усталости не уснула.

А ругалась ли она еще на другой день или же вышла искать тот гульден, что найти собиралась, того мы не ведаем. Сдается мне, что она и по сей день ходит — тот гульден ищет.

ДАР ВОЛШЕБНИКА

ил-был на свете граф, у которого все дети до единого умирали.

И вот родился у него снова мальчик. Граф на радостях решил на пир одних бедняков созвать. Может, на небесах это доброе дело ему зачтется и хоть один ребенок выживет. Был среди гостей и древний старик нищий. Пришел он из дальних лесов, и говорили, будто он добрый волшебник.

Ели гости, пили, пели и плясали. Потом стали по домам расходиться, а старик графа просит:

— Дозволь с мальчиком один на один побыть.

Как остался старик с младенцем, вытащил он из кармана черный камешек, начертал на нем три тайных знака и говорит:

— Подарить мне тебе нечего. Зато все, что пожелаешь, сбудется. — И что-то мальчику на ушко прошептал.

Ушел старик в свои леса, и никто его с тех пор не видел.

А у графа был секретарь-советник. Подслушал он, что старик мальчику сказал, и даже те слова, которые тот ему на ушко прошептал. И надумал советник младенца украсть — понял, что графский сын ему разбогатеть поможет. Мало было ему денег, которые он от графа получал и у селян отбирал.

Подстерег однажды советник графиню, когда она с ребенком играла, и лишь только мать на миг отвернулась, схватил мальчика и скрылся.

Искала графиня сына, да так и не нашла. Разгневался граф, что не уберегла она младенца, и сослал ее на псарню: пусть в собачьей будке живет, вместе с собаками ест.

Советник же пришел к берегу морскому, сел с мальчиком в лодку и переправился на остров, где поджидала его жена. Раскрыл он ей тайну и велел мальчика пуще глаза беречь: ведь все, что тот пожелает, сбудется. Но не раньше, чем ему семь лет исполнится. Главную же тайну советник от жены

скрыл. Не сказал ей, что старик графскому сыну на ушко прошептал. Не знала она: чудесный свой дар мальчик не на всю жизнь получил, а только на семь лет. Как четырнадцать лет ему минет, так колдовство и кончится.

Жил мальчик на острове — ни в чем нужды не знал. А советник с женой глаз с графского сына не спускали, каждую пылинку с него сдували.

Вот прошло семь лет. Позвал советник к себе мальчика и велит:

— Повторяй все, что скажу! Я желание загадаю, а ты его за мной повторяй!

— Ладно! — согласился мальчонка и вслед за советником говорит: — Желаю в дремучем лесу. далеко-далеко отсюда очутиться! И пусть названные отец с матерью со мной улетят.

Не успели они опомниться, как уже втроем в лесу стоят. А лес такой дремучий, что ни один луч солнца туда не пробивается.

— Теперь придется тебе снова желание загадать, — велит советник. — Повторяй за мной: желаю, чтобы вырос на этом самом месте большой замок с чудесным садом и богатыми угодьями!

Не успели они оглянуться, как уже втроем за столом в роскошном замке сидят. Вокруг слуги так и бегают, любое желание графского сына и его названных отца с матерью выполняют. Живут советник с женой — как сыр в масле катаются. Ходят да распоряжаются. А мальчика холят да лелеют. Еще бы, ведь это он им власть и богатство принес, все их желания исполнил!

Так все и шло, пока графскому сыну тринадцать лет не минуло. Еще целый год оставалось ему чудесным даром владеть. Пришел как-то злодей советник к жене и говорит:

— Я уйду, вернусь к вечеру. И чтоб к этому времени мальчонки на свете не было.

Всплеснула жена руками и заплакала! Ведь она названного сына как родного полюбила. Стал мальчик допытываться: отчего это мать плачет. Но она ему не сказала. И убить его у нее рука не поднялась.

Вернулся вечером муж домой; только порог перешагнул, спрашивает:

— Ну как, извела мальчонку?

— Нет, не могу я этого сделать, — отвечает жена.

Надел тогда советник шляпу и говорит:

— Убьешь его завтра, не то быть беде.

Снова стал мальчик названую мать расспрашивать, что с ней. И снова она ничего ему не сказала; убить его у нее духу не хватило.

А вечером вернулся муж и спрашивает:

— Ну как, извела мальчонку?

— Не могу, — плачет жена.

А советник и говорит:

— Завтра к вечеру чтобы ты мальчонку похоронила, не то оба жизнью поплатитесь.

С тем и ушел.

Плачет жена, плачет, а мальчик ее все спрашивает:

— Отчего ты плачешь?

Отмалчивалась она сначала, потом призналась:

— Велено мне тебя убить и похоронить!

— Ну, коли иначе нельзя, — говорит мальчик, — спрячь меня, а отцу скажи, что убила. Он, поди, не станет меня искать.

Под вечер исчез мальчик, и никто не знал, куда он девался.

Вечером явился домой злодей советник и спрашивает жену:

— Ну, как, похоронила мальчонку?

— Да, — отвечает жена. — А теперь скажи, зачем тебе это понадобилось?

— А вот зачем. То, что мальчик графский сын и все его желания исполняются, это тебе известно. Одного ты не знаешь. Лишь только ему четырнадцать лет минет, волшебный дар исчезнет и станет мальчик как все другие дети. А тогда зачем он нам? До сих пор малый повторял за нами все, чего попросим. Но он с каждым днем все разумней становится, и как бы он на нас беды не накликать, дар свой против нас не обратил. Теперь мы богаты, и решил я от него избавиться.

Вдруг откуда ни возьмись мальчик из-под кровати вылезает. Он там прятался и все слышал. Вылез и говорит:

— Хочу, чтоб ты стал злым псом, а ты, названная матушка, прекрасной розой на моей шляпе.

Так оно и случилось. Превратился советник в злющего пса, а жена его — в прекрасную розу. И так эта роза шляпу графского сына украсила! Пожелал он в тот же миг:

— Хочу в отцовском замке очутиться!

И вот он со своим псом уже у ворот замка стоит. Отвели его к графу, и попросился мальчик к нему в ловчие.

— Хоть ты ростом не вышел, — говорит ему граф, — но я тебя в ловчие возьму, если ты стрелять умеешь. Пойди в лес и принеси зайца.

Дал граф мальчику ружье, пошел тот в лес и стал зайца искать. Ищет-ищет, а зайца нет как нет. Вспомнил тогда графский сын, что стоит ему желание загадать — оно тотчас же сбудется. И пожелал зайца увидеть. Глядь — в двадцати шагах от него заяц сидит! Подстрелил ловчий зайца, и с тех пор, бывало, граф на своего охотника не нарадуется. Добыл тот ему косулю, оленя, волка, медведя и всякой дичи без счету, и каждый раз на охоту пес с мальчиком ходил, добычу подбирал. А на шляпе его всегда роза красовалась.

Гордился граф своим ловчим и решил однажды перед соседями его добычей похвастать. Созвал он всю округу на охоту: пусть соседи полюбуются, какой у него ловчий — умелый да удачливый! Пока все вместе одного оленя травили, мальчик дюжину лесных зверей да птиц добыл. Гости только диву давались.

Устроил граф пир и ловчего к столу пригласил. Тот сперва не хотел идти. Но обещал граф любое его желание выполнить, коли он за стол с гостями сядет. Тогда мальчик и говорит:

— Пусть женщину, которая на псарне живет, тоже к столу пригласят.

Разгневался граф, да ничего не поделаешь. Дал слово — держись! Велел он графиню с псарни в замок привести, в красивое платье одеть. Села она за стол, а ловчий с ней рядом сидит и ласково на нее смотрит.

После первого блюда начали гости каждый свою историю рассказывать. И захотелось им про ловчего узнать: кто он, откуда родом.

Не заставил мальчик себя дважды просить, все гостям поведал: и как советник слова доброго волшебника подслушал, и как граф во всем графиню обвинил да на псарню сослал.

— Сын мой! — закричала графиня.

А граф побледнел и спрашивает:

— Чем ты докажешь, что правду говоришь?

Подозвал ловчий своего пса и пожелал:

— Стань снова, кем был, секретарь-советник!

Глядь — а он тут как тут! Бросился советник бежать, но догнали его и по приказу графа на псарню отвели. Пусть теперь злодей с собаками живет!

Снял охотник розу со шляпы и говорит:

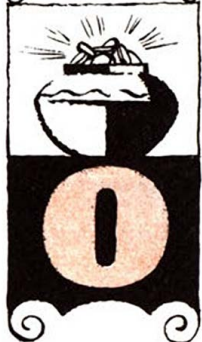
— Стань снова названной моей матушкой!

Глядь — и жена советника среди гостей сидит!

Обрадовался граф, что сын его жив, и покаялся в своей жестокости. Жену советника в замок взяли, и жила она при названом сыне до конца дней своих.

Ну, что еще? Ах, вот что! Графский-то сын тут же на пиру шутки ради гвоздь в плотника превратил, а молоток — в кузнеца. Ну и я на том пиру был, так что хочется мне всем сказать:

— До чего же там весело было!

«ПОМАЛКИВАЙ!»

тпавился однажды сапожник Баттиста из Тессина в дальние страны на заработки. А когда вернулся, от забот места себе найти не мог: все маялся, не знал, куда бы деньги понадежнее спрятать. Ведь жена у него была болтливая, сущая тре-

шотка. И ничего в тайне хранить не умела.

«Увидит жена столько денег, — подумал сапожник, — разболтает об этом по всему свету. Явятся воры и утащат мое добро».

Думал сапожник, думал и надумал спрятать монеты в пивной котел, котел же в саду зарыть. Стал сапожник на кухне котел искать. Вот жена и спрашивает:

— На что тебе пивной котел понадобился?

— Помалкивай! — отвечает муж.

Взял он котел, набил его тайком монетами и крышкой прикрыл. Жена снова спрашивает:

— А что там в котле?

— Помалкивай! — отвечает муж.

— А почему котел такой тяжелый?

— Помалкивай!

— А почему в котле что-то брякает?

— Помалкивай!

Пошел сапожник в сад, вырыл яму, опустил туда котел и землей засыпал. Жена меж тем снова за свое принялась.

— А где ты котел зарыл?

— Помалкивай, не приставай ко мне!

Пошла тогда жена по соседям и одной из кумушек нашептала:

— Мой-то Баттиста какое-то «Помалкивай!» в пивной котел сунул и в какой-то яме зарыл! Яма та тоже «Помалкивай!» называется!

Побежала кумушка к другой соседке и ей про пивной котел

рассказала. А та третьей соседке новость понесла; вскоре вся деревня только и толковала, что про Баттисту да про его «Помалкивай!». Кумушки в догадках терялись: какое добро Баттиста в саду зарыл?

Однако нашлись в округе люди похитрее. Смекнули они, что сапожник в саду спрятал деньги, которые в дальних странах заработал; отправились «умники» в сад, обошли его вдоль и поперек, видят: вроде бы в одном месте и вправду землю копали. Начали они на том месте рыть и наткнулись на пивной котел. Подняли крышку, а там блестящих серебряных монет полным-полно! Вытащили воры серебро, пустой же котел в яме бросили.

Вышла под вечер в сад болтливая жена сапожника, видит: лежит в яме пустой пивной котел. Побежала она к мужу и кричит:

— Баттиста, Баттиста! Мыши-то все твоё «Помалкивай!» слопали!

— Какое-такое «Помалкивай!»?

— Да то, что ты в пивной котел положил!

— Как же так? — удивился сапожник.

Понял он, что воры деньги украли. И все никак не мог в толк взять: откуда они про серебро прознали? Ведь он так хорошо его спрятал. Да и болтливой жене ни единым словечком о богатстве своем не обмолвился.

ЛЕСНАЯ ДЕВА И ЗЛАТОВЛАС

стародавние времена стояла в дремучем лесу маленькая хижина. Жили там пастух с женой и шестеро их сыновей. Семья была бедная, но все друг другу помогали. Вместе вырыли в лесу колодец, посадили яблони и груши.

Отец с утра до вечера стадо в горах пас, а дети носили ему на выгон свежей воды из колодца и спелых яблок с грушами из сада.

Меньшого сына звали Златовлас: волосы у него были — чистое золото. Хоть и младший в семье, был он куда сильнее братьев и ростом выше. Идут дети в горы к отцу — Златовлас с палкой в руках всегда впереди, дорогу старшим братьям показывает. Те следом за ним идут, во всем его слушаются. Отнесли однажды дети пастуху воды, яблок с грушами и домой отправились. Идут лесом, песни поют, аюкают, в прятки играют. А уж вечер настал. Вот Златовлас и говорит:

— Пора домой, уже стемнело.

— Гляньте-ка, братцы, месяц всходит, — сказал старший.

И впрямь, меж темных елей какой-то свет мелькнул, потом все небо озарилось. Поглядели дети — никакого месяца на небе нет, а светло, как днем. И вдруг увидели они замшелую скалу: на скале лесная дева сидит, лицом точно месяц светла — всю округу озаряет. В руках у нее хрустальные спицы. Плетет она золотые кружева и ими черную ночь украшает. Кивнула лесная дева Златовласу головой и запела:

Ты отыщешь чудо-птицу
И шиповник серебристый,
Из морских глубин корону
Королевскую достанешь...

Тут золотая нить ее кружев оборвалась. Смолкла дева, а лицо ее светлое, как свеча, погасло.

Поняли дети, что повстречалась им та самая лесная дева-ведунья, про которую говорили, будто она может любому человеку его будущее предсказать.

Темно в лесу стало, хоть глаз выколи. Испугались дети, кинулись врассыпную и разбежались кто куда. Один вправо, другой влево бежит. Бегут, дороги не разбирают — через скалы и валуны перелезают, через ручьи и родники перескакивают. Заблудились, друг дружку потеряли.

Шесть дней и шесть ночей Златовлас по лесу блуждал, но ни братьев, ни дома родительского так и не нашел. Только лес дремучий кругом — дерево к дереву стоит. Бродит Златовлас по лесу, малину с ежевикой собирает. Только ягодами и кормился.

На седьмой день в лесу посветлело. Вышел Златовлас из лесу на большой зеленый луг, видит — сети на лугу натянуты. «Верно, птицелов сети натянул, лесных пташек ловит и в городе продает», — подумал Златовлас.

А птицелов как раз за кустом сидел. Заметил он мальчика с золотыми кудрями и думает: «Что это за златоперая птаха? Может, она мне пригодится?»

Потянул птицелов сети, и — бац! — попался Златовлас! Лежит, не знает, как на волю вырваться.

— Вот так и ловят пташек, что из лесу прилетают, — засмеялся птицелов. — Оставайся у меня, научу тебя птиц ловить.

Недолго раздумывал Златовлас, сразу же согласился. Он давно хотел научиться ловить птиц. Взялся мальчик за дело и вскоре стал птицеловом не хуже хозяина. Но все про дом родительский день и ночь вспоминал.

Вот минуло время, и говорит птицелов Златовласу:

— Нужен мне зяблик, можно его выгодно продать. Поймай птицу, покажи, чему обучился!

Расставил Златовлас сети, и попался в них белоснежный зяблик.

— Ну и урод! — в сердцах сказал птицелов. — Что за птица такая? Ясно было сказано: зяблик мне нужен!

— Я зяблика и поймал! — говорит мальчик. — Погляди, какой он красивый. Сам беленький, зеркальца на крылышках красненькие. А как поет!

— Никакой это не зяблик! — еще пуще разозлился хозяин. — Я всю жизнь птиц ловлю, но такого не встречал. Белых зябликов на свете не бывает! Убирайся вместе со своим уродом!

Опечалился Златовлас, взял белого зяблика и в лес пошел — авось отыщет отцовскую хижину.

Дни и ночи бродил мальчик по скалам да по дремучим зарослям. Долго он блуждал, целых шесть дней напролет. На седьмой вдруг в лесу посветлело. Очутился Златовлас в диковинном саду, сад весь солнцем залит, и цветов там каких только нет! Стоит мальчик, любуется цветами, а кудри его на солнце будто подсолнух золотятся. Увидел его садовник и говорит:

— Эй, малый! В помощники ко мне пойдешь?

Недолго Златовлас раздумывал, сразу же согласился. Цветы он любил, да и садовником быть неплохо. Взялся мальчик за дело и вскоре не хуже хозяина садовничал. Однако по дому тосковал; все свободное время по лесу бродил, отцовскую хижину искал.

Вот однажды говорит садовник Златовласу:

— Сходи-ка в лес, выкопай там куст шиповника. Попробую я на том кусте садовые розы вырастить. Розы нынче в цене!

Пошел Златовлас в лес, и не успел хозяин оглянуться, как мальчик уже куст серебристого шиповника несет.

— Ну и чертополох! — говорит в сердцах садовник. — Что за цветы такие? Ясно было сказано: шиповник мне нужен!

— Я шиповник и выкопал! — говорит мальчик. — Погляди, ну разве не диво! Цветы все серебристые. А как пахнут! В королевском саду и то такого шиповника не сыщешь!

— Никакой это не шиповник! — еще пуще разозлился хозяин. — Я всю жизнь садовничаю, но такого не встречал. Серебристых цветов у шиповника не бывает. Убирайся вместе со своим чертополохом!

Опечалился Златовлас, взял серебристый шиповник и в лес пошел, отцовскую хижину искать.

Долго блуждал Златовлас, целых шесть дней напролет. На седьмой вдруг в лесу посветлело. И вышел мальчик на берег бескрайнего моря. В зеркальной глади его солнце отражается. Вода точно золото струится. А по воде корабли, флагами разукрашенные, плывут. На берегу же в простой барке рыбаки сидят. Увидели они Златовласа и кричат:

— Эй, малый, тебя-то нам и надо! Иди к нам в помощники!

Недолго Златовлас раздумывал, сразу же согласился. С детских лет хотелось ему море увидеть, да и рыбацкому ремеслу обучиться хорошо. Взялся мальчик за дело и вскоре

не хуже старых рыбаков рыбу ловил. Однако все по дому тосковал.

Долго ли, коротко ли, а вырос Златовлас и стал рослым красивым юношей. Вот однажды забросили рыбаки сети в море, но ни одной, даже самой мелкой рыбешки не поймали.

— Попробуй ты счастья! — сказал Златовласу старый седой рыбак. — Поглядим заодно, чему ты обучился.

Забросил Златовлас сети, стал их тянуть — и вдруг корону чистого золота вытащил.

— Живи и здравствуй наш новый король! — закричал старый рыбак Златовласу. — Теперь ты — наш король!

Поведали рыбаки юноше, будто старый король перед смертью бросил свою корону в морскую пучину и сказал: «Королевство унаследует тот, кто корону из моря добудет». С тех пор многие пытались ее с морского дна достать, а нашел корону Златовлас.

— Погодите, — говорит вдруг старый рыбак. — Помнится, лесная дева-ведунья предсказала, что новый король не только золотую корону со дна морского достанет, но и белого зяблика с серебристым шиповником добудет...

— Вот они! — сказал Златовлас и показал свое богатство.

— Ну, значит, ты настоящий король и есть! — обрадовался старик.

— Да здравствует наш король! — закричали рыбаки и надели на Златовласа корону.

Весть о том, что бедный рыбак золотую корону нашел, все море облетела. С корабля на корабль, с лодки на лодку ее передавали. Стали на кораблях из пушек палить, радоваться, нового короля славить.

Правил Златовлас по чести, по справедливости, но про родительский дом не забывал. Во все концы гонцов разослал, чтобы мать с отцом и братьев разыскать. И вскоре прослышал его отец про рыбака Златовласа, который стал королем. Явился старый пастух к нему в замок. Принял его молодой король ласково и сердечно. Потом братьев с матушкой к себе в замок привез. Стали они все вместе жить-поживать да добра наживать.

А белого зяблика и серебристый шиповник Златовлас как зеницу ока берег — ведь они ему счастье принесли.

ПЕГИЙ БАРАН

или-были по соседству два помещика. Бывало, дня не проходило, чтоб один из них в гости к другому не заходил.

Вот однажды сидят они рядом, о том, о сем толкуют. Начал тут один из них жаловаться:

— Все хуже и хуже теперь живется. Честные люди вовсе на свете перевелись. На слуг положиться нельзя: почем зря обманывают.

— Зачем ты так говоришь?! — рассердился второй. — Есть еще на свете славные, честные люди! И нечего их равнять со всякими лгунами и обманщиками!

— Честные люди? — кипятится первый. — Среди моей челяди ни одного честного не найдется. Может, ты мне хоть одного назовешь, за которого головой поручишься?

— Как не назвать? Иоганн — мой пастух. Честный, правдивый малый! Ни разу в жизни не солгал.

— Ладно, — говорит первый. — Бьюсь об заклад на тысячу талеров, что он уже завтра солжет и тебя обманет.

Ударили по рукам.

А у Иоганна в стаде был большущий пегий баран, любимец хозяина-помещика. Каждый раз вечером, когда Иоганн овец домой гнал, между ним и помещиком завязывалась такая беседа:

— Добрый вечер, хозяин!

— Добрый вечер, Иоганн! Как поживает мой пегий баран?

— Лучше не бывает! На лугу баран гуляет, жир и мясо набирает!

А помещик, что с соседом об заклад побился, знал про эти беседы. И решил на них сыграть. Позвал он повариху — молодую да пригожую — и говорит:

— Послушай-ка, Лене, попытай счастья, вымани у сосед-

ского пастуха пегого барана. Выгорит это дело — получишь десять талеров и пегий баран у тебя останется.

Обрадовалась Лене. Так бы ей эти десять талеров пригодились! Ведь они с Иоганном уже давно друг друга любили, но о свадьбе и думать не могли: надо было денег накопить, чтоб хозяйством обзавестись.

Вот и пошла Лене к своему жениху-пастуху. Обрадовался он, когда ее увидел.

Поздоровались они, а Лене спрашивает:

— Послушай-ка, Иоганн, хочешь мне угодить?

— Очень хочу, — отвечает молодой пастух.

— Подари мне пегого барана! До того он мне нравится!

Иоганн даже побелел от страха.

— Пегого барана? — пробормотал он. — Чего это тебе вздумалось? Ведь он не мой, а хозяйский! Был бы мой — изволь, бери. А хозяйского барана я подарить не могу.

Лене ему и говорит:

— Мне мой помещик десять талеров обещал, коли я этого барана раздобуду. Ведь ровно столько нам надо, чтобы пожениться.

Покачал Иоганн печально головой и сказал:

— Никак нельзя этого сделать!

— Можно, — отвечает Лене, — только ты не хочешь! Значит, ты меня не любишь.

Заспорил с ней Иоганн: любит он ее больше жизни, только желание своей невесты выполнить не может. Ну, слово за слово, заплакала Лене:

— Не желаю больше с тобой разговаривать! И замуж за тебя не пойду! — Сказала и пошла от него.

Бросился за ней Иоганн, догнал в три прыжка.

— Бери! — говорит.

Увела Лене барана, а у пастуха так тяжело на сердце стало... Стоит и думает: «Как теперь быть? Коли хозяин вечером спросит, где пегий баран, что ему ответить?» Знал он: с помещиком шутки плохи. -

Взял Иоганн свою пастушью палку, надел на нее старую войлочную шляпу, подошел к палке, поклонился и будто бы с помещиком здоровается:

— Добрый вечер, хозяин!

— Добрый вечер, Иоганн! Как поживает мой пегий баран?

— Хуже некуда! Волки барана догнали. В клочья его разодрали!

— Волки? Разве у нас есть волки? А ну-ка, егерь, скажи, видел ты где-нибудь волчьи следы?

«Нет, так дело не пойдет», — подумал Иоганн и начал сначала.

— Добрый вечер, хозяин!

— Добрый вечер, Иоганн! Как поживает мой пегий баран?

— Хуже некуда! Зашла в болото твоя животина, и засосала ее трясина!

— В болото? Где, спрашивается, в моих владениях болото?

«Нет, этак тоже не годится», — подумал Иоганн и стал в третий раз примериваться, как с хозяином разговаривать.

— Добрый вечер, хозяин!

— Добрый вечер, Иоганн! Как поживает мой пегий баран?

— Хуже некуда! Упал баран на дороге и протянул ноги!

— Как? Он издох? Но ты хоть шкуру с него снял?

— Нет! — вдруг громко закричал Иоганн. — Скажу-ка я правду, а там — будь что будет!

Вот гонит пастух вечером стадо домой и видит — у ворот имения оба помещика стоят, его дожидаются.

— Добрый вечер, хозяин! — говорит Иоганн.

— Добрый вечер, Иоганн! Как поживает мой пегий баран?

— Лучше не бывает! Твоего барана нет на месте. Я сегодня подарил его невесте.

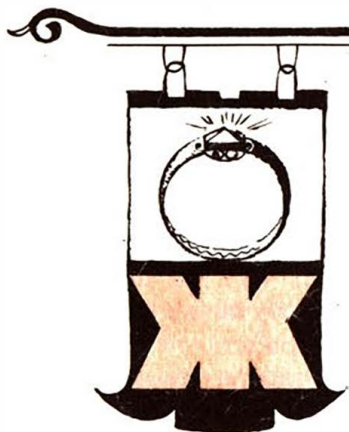
При этих словах опустил пастух голову: ждал, что на него ругань да удары посыплются.

Только ничего подобного не случилось. Хозяин его, помещик, как расхохочется! Похлопал он малого по плечу и говорит:

— Ну, так и заколите барана себе на свадьбу!

Подарил хозяин жениху с невестой тысячу талеров, что у соседа выиграл. Купили Иоганн с Лене усадьбу, поженились и до конца дней своих ни горя, ни забот не знали.

Вот так и получилось, что помещик, от которого никто никогда ничего хорошего не ждал и не видел, доброе дело сделал. И то сказать — доброе это дело ему равным счетом ничего не стоило. Деньги-то он от соседа получил и ни единой монеты из своего кармана не выложил. Он еще и в выигрыше остался: пошла о нем по всей округе добрая слава!

ВЛАДЫЧИЦА КОРОЛЕВСТВА ГЛУБОКИХ ДОЛИН

или-были на свете рыбак с женой и сыном. Как они ни трудились, никак из бедности выбиться не могли: есть в доме нечего, в кармане — ветер свистит. Вот однажды говорит рыбак сыну:

— Послушай-ка, сынок, пойдем сегодня подальше в море. Может, нам наконец повезет!

А получилось вовсе не так, как рыбаку хотелось. Заплыли они в море так далеко, что и берега не видать. Началась тут буря, поднялись волны с дом вышиной — и лодка опрокинулась. Пришлось рыбаку с сыном вплавь спасаться. Старый рыбак счастливо на берег выбрался. А сына волны все дальше и дальше от берега уносили, пока не выбросило его море на чужой берег, в незнакомую страну. Устал юноша и сразу же глубоким сном заснул. Проснулся — видит, что на лесной опушке лежит. «Как же я сюда попал?» — думает он. Вдруг подходит к нему охотник и спрашивает:

— Откуда ты? Куда путь держишь?

Рассказал тот ему, что с ним приключилось, а охотник говорит:

— Не хочешь ли ко мне в ловчие пойти?

— Я бы пошел, — отвечает сын рыбака, — только какую ты мне плату положишь?

— Всего у тебя вдоволь будет, — отвечает охотник. — Уговор такой! Вся дичь твоей будет, какую ты в воскресенье до обеда настреляешь. А если опоздаешь к обеду и я успею хоть ложку съесть — прощайся с жизнью.

«Придется пораньше вставать, — подумал про себя сын рыбака, — тогда хоть что-нибудь заработаю. Дичь-то продать можно».

Ударили они с охотником по рукам.

Охотился сын рыбака с понедельника до самой субботы. Немало дичи настрелял, а вся выручка за нее хозяину пошла.

Когда же воскресенье настало, пошел сын рыбака пораньше в лес, для себя дичи настрелять. Но сколько ни глядел — ничего так и не увидел. Как сквозь землю вся дичь провалилась. Вдруг откуда ни возьмись под самым носом у него белая олениха из лесной чащи выскочила. Прицелился сын рыбака, выстрелить собрался, глядь, а ее и след простыл. Только он ружье опустил, олениха вновь тут как тут. Все утро так она его по всему лесу за собой водила. Тут он про обед вспомнил. Поспешил к охотнику домой и чуть не опоздал. Тот уже за столом сидит, ложку в руке держит.

— Ну, много дичи настрелял? — спрашивает охотник.

— Ничего я не настрелял, — отвечает.

Стал охотник над ним насмехаться и говорит:

— Коли так охотиться станешь, быстро разбогатеешь!

Кольнули эти слова юношу в самое сердце, и в следующее воскресенье он еще раньше в лес отправился. Думал, что плохое место для охоты в прошлый раз выбрал, и пошел теперь совсем в другую сторону. И снова никакой дичи не увидел. Только белая олениха опять его все заманивала, но ни разу близко не подпустила, не дала себя подстрелить.

Спохватился вдруг сын рыбака, что ему пора домой к обеду. Закинул он ружье за спину и побежал что есть сил. Едва-едва поспел! Вбежал в дом, а охотник уж за столом сидит, ложку ко рту подносит.

— Ну, сколько дичи настрелял? — спрашивает охотник.

— Ничего я не настрелял, — пожаловался сын рыбака.

А охотник знай над ним насмехается. И поклялся тогда юноша самому себе, что уж в следующее воскресенье непременно дичи раздобудет. Пусть даже к обеду опоздает и за это десять раз с жизнью простится.

Снова воскресенье настало. Хоть сын рыбака и на новом месте охотился, никакой дичи он так и не увидел. Только белая олениха опять стала его за собой водить! И до того он умаялся!

«Догоню ее во что бы то ни стало!» — решил юноша.

Гонится он за оленихой, сквозь заросли колючего терновника продирается. Руки и ноги в кровь изодрал, платье на нем клочьями повисло, устал так, что с места двинуться не может. А когда вовсе изнемог, опустился на камень и увидел, что солнце к закату клонится. Время обеда давно прошло! Боязно ему стало. Вдруг видит — стоит рядом черноволосая девица-красавица. Спрашивает девица:

— Что с тобой? Отчего невесел? Может, чем помочь могу?

— Помочь мне ничем нельзя, — отвечает юноша.

Однако девица так ласково на него смотрела, что решил он ей довериться: поведал обо всем, что приключилось с той самой поры, как с отцом разлучился.

— Твоей беде можно помочь, — утешила его красавица. — Пойдешь со мной и сделаешь все, что велю. Счастье твое не за горами!

Взяла она его за руку и по глухой тропинке в лесную чашу повела. А там высокий замок стоит. Вошли они в пышные покои, и говорит девица сыну рыбака:

— Здесь будешь жить! Ешь-пей вволю. Наешься досыта, пойдешь в конюшню, лошадь мою накорми. Потом день-деньской можешь отдыхать. Только не вздумай вечером меж одиннадцатью и двенадцатью спать! Что бы с тобой ни приключилось, молчи!

— Ладно! — отвечает юноша.

Поел, попил он вволю, лошадь в конюшне накормил. Воротился в свои покои и стал ждать, когда часы одиннадцать пробьют. Пробили часы одиннадцать, отворились двери и вошли шестеро дюжих молодцев. Уселись они за стол, вытащили карты из кармана и стали играть.

— Эй, малый! — сказал вдруг один. — Хочешь с нами сыграть?

Прикинулся юноша глухим, будто ничего не слышит.

— Хочешь с нами сыграть? — закричали и другие.

Кричат, кричат, а он молчит. Разозлились молодцы, карты бросили, схватили юношу и давай им вместо мяча перекидываться. Швыряли они его, швыряли, пока часы двенадцать не пробили. Зашвырнули его молодцы в угол, а сами удрали. Лежит он в углу замертво.

Только они скрылись, вошла черноволосая девица. Смазала ему раны целебной мазью, и опять он жив-здоров. Похвалила его девица за твердость и говорит:

— Спасибо тебе! Потерпи еще две ночи — и награда за мной.

На другой вечер вместо шести дюжих молодцев девять объявилось. Стали они юношу спрашивать:

— Не хочешь ли в карты с нами сыграть?

Прикинулся он глухим, будто ничего не слышит.

Схватили они его тогда за руки, за ноги, стали пинать, по

полу волоком волочить. А как двенадцать пробило, зашвырнули сына рыбака в угол, точно ветошку ненужную, и убрались восвояси. Только они скрылись, в покои черноволосая девица вошла. Смазала она целебной мазью его раны, и снова юноша на ноги вскочил. Как ни в чем не бывало!

— Вот уже две ночи позади, — говорит девица. — Собирайся с силами, чтобы и завтрашнюю ночь выстоять.

В третью ночь уже не девять, а двенадцать дюжих молодцев пожаловали.

— Будешь с нами в карты играть? — трижды спросили они.

Прикинулся юноша глухим, молчит, будто ничего не слышит. Схватили его тогда молодцы и давай подкидывать. Так что не раз он головой потолок доставал. Но как его ни швыряли, как ни стукали, он будто в рот воды набрал. Думал, что все кости до единой у него переломаны. Но тут часы двенадцать ударили. Шмякнули молодцы сына рыбака об пол и исчезли.

Только они скрылись, вошла черноволосая девица, склянку с целебной мазью достала, стала юноше ноги и руки натирать. Потом полржила его на постель и вышла. А он так намаялся, что тут же заснул. Спал он, пока солнце не взошло. Открыл глаза и дивится: откуда такой яркий свет? Огляделся — видит: лежит он в королевской опочивальне с высокими стрельчатыми окнами. Вокруг — красота невиданная. Глядит — наглядеться не может.

Вдруг входит в опочивальню прекрасная девица и говорит:

— Я владычица королевства Глубоких Долин; заколдовали меня враги и в дремучем лесу в замке заточили. Пришлось мне белой оленихой по свету бродить. Ты своей храбростью и терпением волшебные чары разрушил, меня от колдовства спас. Будь моим супругом и владыкой королевства Глубоких Долин.

Как услышал юноша такие речи, вскочил быстренько на ноги, в королевское платье облачился и пошел вместе с невестой в тронный зал, а там уже все к свадьбе готово. Обвенчал их пастор, сыграли они пышную свадьбу.

Долго ли, коротко, живет сын рыбака с молодой женой в счастье да в радости.

Вот однажды и говорит он жене:

— Нет мне покоя: хочется стариков родителей проведать, узнать, как им живется.

Владычица королевства Глубоких Долин ему в ответ:

— Хоть далеко тебе к ним добираться, поезжай, я не против. Только не навлеки на нас беды. Когда домой вернешься, ваш староста станет за тебя свою дочь сватать. Коли ты хоть словечко о красоте моей обронишь, пропали мы. Так что молчи-помалкивай.

Отвечает он жене:

— Уж если я в заколдованном замке молчал, то теперь и подавно буду держать язык за зубами.

Обрадовалась владычица королевства Глубоких Долин и велела золотую карету к крыльцу подавать. А в ту карету два вороных коня впряжены. Подковы у них — чистого золота.

Сняла королева на прощанье с пальца перстень, дала его мужу и говорит:

— Стоит тебе этот перстень на пальце повернуть и пожелать где угодно очутиться, как желание твое тотчас сбудется. А коли ты перстень повернешь и обо мне вспомнишь, я в тот же миг к тебе явлюсь. Только без нужды этого не делай. Не то — быть беде!

— Обещаю ни одному человеку твою красоту не хвалить и без нужды тебя не звать, — говорит молодой король.

Взял он перстень, на палец его надел. Потом сел в золотую карету, легонько перстень на пальце повернул и пожелал:

— Хочу в сей же миг на лугу перед домом отца очутиться.

Глядь, вороные уже на лугу у отцовской хижины стоят. Выбежали рыбак с женой из лачуги. И не знают, как себя с таким знатным господином вести.

— Ну, как вам живется? — спрашивает молодой король.

— Ах, ваше величество, — отвечает старый рыбак, — хуже не бывает. Недолго мы протянем. Скоро, видать, с голоду помрем.

— А разве нет у вас сына, чтоб старость вашу покоил? — спрашивает король.

— Был у нас сын, — говорит рыбак, — да в море утонул. Рыбачка в ответ плачет-рыдает.

— Тебе это точно известно? — спрашивает рыбака король. — Нет ли у сына твоего отметины какой на теле, чтоб вы его опознать могли?

— Родинка у него на груди была, слева, — отвечает рыбака, — с виду точь-в-точь как ягода-малина.

Распахнул тогда молодой король камзол и рубашку; увидела рыбака на груди его родинку, на малину похожую.

Обрадовались родители сыну, на шею ему кинулись. Захотелось им тут с соседями своей радостью поделиться. От соседей весть, что сын рыбака в королевской короне объявился, дошла и до старосты. Решил он молодого короля к себе в гости позвать.

Было у старосты три дочери на выданье, все три молоды да пригожи. Как пришел к нему король в гости, староста про себя думает: «Что, если его в зятя взять? Как бы такого жениха не упустить!» Думал он, думал, а потом и спрашивает:

— Не желаете ли, ваше величество, одну из моих дочерей в жены взять?

Засмеялся молодой король и говорит:

— Благодарствую, только я уже женат; и любая горничная моей жены ваших дочерей краше.

Не поверил староста, усмехнулся.

Обидно стало королю, что его словам не верят. Повернул он перстень на пальце, пожелал, чтоб жена его рядом с ним очутилась. И она в тот же миг — тут как тут! И все ее горничные с нею. До того все собой хороши, что дочки старосты с ними и рядом стоять постыдились. Взяла королева мужа под руку, в сад повела. Сели они на траву, и стала королева ему волосы гладить. Гладила, гладила, пока он не заснул.

Проснулся, а жены как не бывало. Перстня на пальце тоже нет. Вместо платья, золотом шитого, на короле грязные лохмотья надеты. Рядом сапоги железные и письмо лежит; а в нем такие слова:

Железных сапог тебе не стоптать,
Моего королевства тебе не видать.
Но если износишь сапог хоть один,
Знай — ты пришел в край Глубоких Долин.

Опечалился сын рыбака. Да и стыдно ему на люди в лохмотьях показаться. Побрел он в отцовскую хижину и говорит:

— Батюшка, я жену мою обидел, слова своего не сдержал. Придется мне идти по белу свету, ее искать. Буду искать, пока не найду. Возьми карету и вороных, продай их, и вам с матушкой до конца жизни денег хватит.

Распрощался он с отцом, с матерью, железные сапоги надел и отправился по белу свету странствовать. Шел он, шел, от одной деревни к другой, от одного города к другому, по горам — по долам, по кочкам — по пням, через реки и ручьи, а королевства Глубоких Долин нет как нет.

Однажды вечером набрел сын рыбака на маленькую избушку. Там старушка древняя домовничала, богатыря-младца ужином кормила.

— Не знаешь ли, где королевство Глубоких Долин? — спросил сын рыбака у молодца.

— А что ты мне дашь, коли я помогу тебе его найти?

— Нечем мне за помощь заплатить.

— Ну, ладно, тогда даром тебе помогу. Я — Южный ветер, и пусть люди добрым словом меня поминают. Доставлю я тебя утром к моему брату — Восточному ветру, попрошу его, и он все для тебя сделает.

Обрадовался сын рыбака, отужинал вместе с Южным ветром и спать лег. А как на другое утро встал, понес его хозяин к Восточному ветру. И уже вечером постучались они к нему.

— Братец Восточный ветер, я человека принес; ищет он королевство Глубоких Долин, — говорит Южный ветер. — Не можешь ли ты дорогу туда показать?

— Я-то нет, а вот братец Западный ветер может, — отвечает Восточный. — Оставь человека у меня, завтра я его к Западному ветру перенесу.

Распрощался Южный ветер и улетел. Отужинал сын рыбака вместе с Восточным ветром, и тот его назавтра к Западному отнес. Но и Западный не знал, где королевство Глубоких Долин; отнес он сына рыбака к самому младшему из братьев — Северному ветру. Как услышал Северный ветер, куда держит путь сын рыбака, засмеялся:

— Туда-то мне как раз и надо: белье владычице королевства Глубоких Долин сушить. Завтра в полдень у нее свадьба. Коли хочешь к свадебной трапезе поспеть, лети со мной.

Отужинали они, отоспались. Утром разбудил Северный ветер своего гостя и понес в королевство Глубоких Долин. Ступил сын рыбака на землю, и железные сапоги на нем тут же и развалились. Стоптал он их, видно. Значит, правду ему королева написала:

Но если износишь сапог хоть один,
Знай — ты пришел в край Глубоких Долин.

Пока Северный ветер белье королевы сушил, пошел молодец в замок. А там в большом зале королева рядом с новым женихом сидит. Сердце у него с горя чуть не разорвалось. Однако он и виду не подал, что тяжело ему. Подозвал слугу, говорит:

— Попроси для меня у королевы ломоть хлеба и кубок вина.

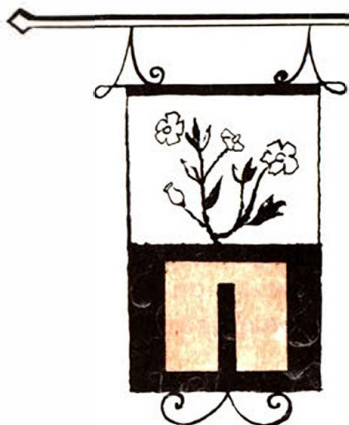
Принес ему вскоре слуга хлеба с вином. Выпил сын рыбака вино, снял с пальца обручальное кольцо, в кубок его бросил и велел слуге тот кубок королеве отнести. Увидала королева в кубке кольцо, вскочила — да к дверям! А у дверей странник стоит. И признала она в нем своего мужа. Повела королева его в свои покои, говорит:

— Ты слово свое не сдержал, потому-то пришлось мне тебя и твою любовь испытать. Раз ты путь ко мне нашел, столько дорог исходил, железные сапоги стоптал, значит, ты и есть мой супруг, любимый да единственный.

Взяла владычица королевства Глубоких Долин мужа за руку, в зал повела и своим советникам говорит:

— Вернулся мой муж-король. Одного его любила и люблю.

Пришлось другому жениху убираться восвояси. И начался в королевстве пир на весь мир. Жили сын рыбака с женой в счастье и радости. Никогда больше он ее не обижал. Потому что узнал и крепко запомнил поговорку: «Давши слово — держись...»

КАК ДЕВУШКИ В ТИРОЛЕ ЛЕН ПОЛОЛИ

ололи однажды молодые девушки лен. Было то, может, в Грауне, а может, и в Решене, где берет свое начало река Этч. Смеялись девушки, шутки друг над другом шутили, пели и славили Хульду, королеву горных дев. Сказывали,

будто Хульда первой в Тироле семена льна откуда-то добыла и там его посеяла. А лен людям счастье и достаток принес. Работают, веселятся девушки и видят вдруг горных дев над отвесной скалой, которая над долиной Ландтауфер громоздится. Летят они над скалой, парят в воздухе и расщелину в скале ищут. Хотят, верно, в ущелье скрыться, в том самом, что «Горные девы» называется. Встревожены, напуганы, как будто кто-то за ними гонится. А потом отыскиали расщелину в скале и исчезли. Скрылись в своем ущелье, и полольщицы их больше не видели.

Долго ли, коротко ли, вдруг на скалистой вершине показался могучий и грозный великан. Он-то, верно, и гнался за горными девами.

Подошел великан к полольщицам поближе, и жутко им стало! Такой он страшный, такой лохматый: весь длинными зелеными волосами оброс! Всклокоченная борода до пояса, а на плечи накинут плащ из медвежьих шкур, драгоценными камнями украшенный. Стал великан стучать да колотить по скале, горное ущелье искать. Бегает взад-вперед, рыщет, а расщелину найти не может. Полольщицы от страха словно в землю вросли.

— Не видали вы горных дев? — закричал великан громовым голосом.

— Нет, не видали, — отвечают ему в один голос полольщицы. Точно они меж собой сговорились. А одна собралась с духом и говорит:

— Оставь горных дев в покое! Иди-ка лучше сюда да по-

моги нам. Только гляди, поосторожней со льном обращайся, господин великан! Не вздумай его топтать. Знаешь, сколько со льном возни! Надо сперва поле вспахать, удобрить, а уж потом семена льна посеять. И полоть его не раз надобно! Правда, ты-то нагибаться не можешь! Тебе трудно! Спина у тебя от безделья давно не гнется!

— Еще чего скажешь: нагибаться! Я вам вовсе помогать не собираюсь! — заорал великан. — Спрашиваю: куда горные девы исчезли?

А полольщицы давай великану зубы заговаривать, над ним потешаться.

— И рвать лен до времени нельзя! — говорит другая. — Лен только тогда рвать или трепать можно, когда он поспеет.

— Волосы вам хорошенько растрепать надо! А лен трепать незачем! — кричит великан. — Я вас спрашиваю: где горные девы?

— Они на скалу взобрались и оттуда улетели, великан миленький, — начала третья. — А лен надо еще в воду положить и вымочить хорошенько. Когда же он высохнет, его мнут, треплют, чешут и прядут.

— Ах, чтоб тебя на веревке из той пряжи повесили, дерзкая ты девчонка! — зарычал великан. И давай полольщицу честить: — Разве я у тебя про лен твой спрашиваю? Лен мне твой, что ли, нужен? Пряжа твоя, что ли, мне нужна? Чтоб тебя черти вместе с твоей пряжей в мешке унесли! Где горные девы? Про это только я и допытываюсь!

— Они, верно, в белильне, — сказала четвертая. — Горные девы — ткачихи знаменитые. Ты-то не знаешь, что с пряжей делают! Ее ткут, белят и тогда уже холстом называют. Холст больших денег стоит, и он бы еще в цене поднялся, когда б у великанов был обычай рубашки носить.

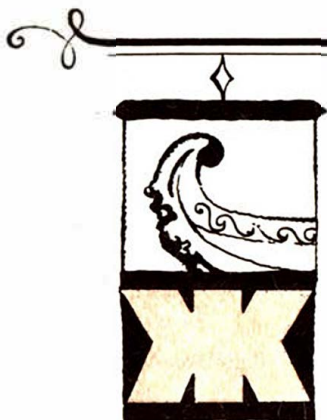
Затрясся тут великан от гнева и ногами затопал. Да так, что тут же восьмая часть поля в глубокую яму превратилась. Ее и поныне видеть можно, коли дикий ручей Карлин яму не затопил. Разбушевался великан да как заорет:

— Про холст я не спрашиваю! Дела мне до вашего холста нет! Ничего я больше знать не желаю! Вот я вам сейчас покажу! Косточек не соберете!

Испугались полольщицы, от страха на месте застыли. Но великан ничего сделать не мог, потому что у них венки из желтых роз на головах оказались. А венки те были волшебные,

их горные девы сплели, и великан не мог полольщицам вреда причинить. Только девушки того не знали. А великан увидел венки волшебные, испугался и побежал прочь, да так громко полольщиц ругал, что со всех скал камни в долину посыпались. И удрал он из долины Ландтауфер в Ледяные горы.

Вот так и удалось горным девам от злейшего их врага великана спастись. И щедро они потом полольщиц за помощь одарили; с тех пор еще лучше лен в Тироле растет, а о тамошнем холсте по всему свету слава идет.

ЧУДО-ЛОДКА

или-были на свете бедные крестьяне: отец, мать и двое сыновей. В усадьбе они все работы сами справляли: пахали, плотничали, столярничали. Сыновья своим умением на всю округу славились, особенно младший искусным мастером был.

Однажды приказал король того государства во всех городах и деревнях возвестить:

— Кто сумеет такую лодку смастерить, чтоб она по морю и по суше ходила, получит мою дочь в жены, будь он беден или богат!

Многие тут же захотели счастья попытать, стали лодку мастерить. Весь королевский двор лодками завалили. Одна лодка краше другой. Только никому так и не удалось сделать лодку, которая бы по воде и посуху ходила.

Дошла весть о королевском указе и до крестьянских сыновей. Решил старший в лес пойти, вековое дерево срубить и из него лодку смастерить. Поднялся он рано поутру, в лес отправился. Только он несколько шагов сделал, идет ему навстречу какой-то старик и спрашивает:

— Куда путь держишь? Коли скажешь правду, я тебе помогу.

— Какое тебе до меня дело! Незачем тебе правду знать, — отвечает ему старший сын. — Ну уж коли ты такой любопытный, знай: иду я в лес, надо дров нарубить.

— Ну что ж, как ударишь топором по дереву, так поленья на тебя сами собой и посыплются! — посулил ему старик.

Призадумался юноша, да уж поздно было, старика и след простыл. Зашел старший сын в лесную чащу. Только он вековое дерево выбрал, по нему ударил, как поленья на него сами собой посыпались. И так с каждым ударом топора. Набили ему поленья синяков да шишек — не счесть!

Схватил старший сын в сердцах топор и домой отправился.

Рассказал он про свои беды младшему брату, по имени Валентино, а тот и говорит:

— Теперь я в лес пойду, авось мне посчастливится чудо-лодку смастерить!

На другой день Валентино взял острый топор и отправился в лес. Полчаса не прошло, как повстречался ему тот же самый старик и спросил его, точь-в-точь как старшего брата:

— Куда путь держишь?

Рассказал старику Валентино чистосердечно, зачем в лес пришел, а старик ему совет дал:

— Как придешь в лес, увидишь на опушке вековое дерево. Твое дело — дерево повалить, потом уже никакого труда не потребует из него чудо-лодку смастерить. Будет та лодка и по воде и посуху ходить.

Обрадовался Валентино, поблагодарил старика от всего сердца и зашагал дальше в лес. Только он на опушке очутился, видит — стоит вековое дерево. Взялся юноша усердно за дело — и вот так чудо! Ударил топором раз — корма готова. Ударил другой — нос и борта. А как повалил он вековое дерево, глядь — уже чудо-лодка под парусами на земле стоит, вот-вот в путь тронется. Положил младший сын топор в лодку, сам туда влез и говорит:

Лодка, лодочка моя,
В отчий дом вези меня!
Будь послушна мне везде —
На земле и на воде!

Только он эти слова вымолвил, чудо-лодка с места сорвалась. Не успел оглянуться — она уже возле родительского дома стоит. Валентино пошел в дом, в красивое платье нарядился, с родителями распрощался, влез в лодку и говорит:

Лодка, лодочка моя,
К королю вези меня!
Будь послушна мне везде,
На земле и на воде!

Ну и дивились же люди, глядя, как мчится по дороге чудо-лодка, будто ветер ее несет, паруса раздувает!

Мчалась лодка так быстро, что вскоре Валентино и на королевский двор въехал. Видят люди такое чудо, кричат:

— Глядите, глядите, лодка-то посуху едет!

Услыхал король шум да крики, встал со своего трона и вышел во двор замка. А Валентино уже там. Спрашивает его король:

— Это ты смастерил чудо-лодку, что по воде и посуху ходит?

— Я! — отвечает Валентино.

Не поверил ему, однако, король: разве может лодка и по воде и посуху ходить? И снова спрашивает:

— Нельзя ли лодку испытать, по двору прокатиться?

— Почему ж нельзя! — весело отвечает ему Валентино.

Велел король позвать принцессу и вместе с ней в лодку уселся. А Валентино и говорит:

Лодка, лодочка моя!
По двору вези меня!
Будь послушна мне везде,
На земле и на воде!

Сорвалась чудо-лодка с места, помчалась по двору! Захлопали люди в ладоши, ну и радости было! Подъехала чудо-лодка снова к замку, вышел король с принцессой и спрашивает парня:

— Какого ты роду-племени и кто твои родители?

Отвечает тот ему разумно да толково:

— Зовут меня Валентино, роду я крестьянского, родители же мои люди бедные!

Услыхал его ответ король и говорит пажу:

— Как же мне дочку крестьянскому сыну в жены отдать?

— Вы ведь, ваше величество, обещали, что не поглядите, беден ли, богат ли суженый вашей дочери. Только бы он чудо-лодку смастерил! — отвечает паж.

Не стал король пажа слушать и говорит:

— Дочку я тебе отдать не могу; получишь вместо нее денег и всякого добра, сколько пожелаешь!

А Валентино ему в ответ:

— Честный и благородный человек, король он или нищий, должен свое слово держать! А денег мне не надо. Даю тебе на раздумье одну ночь. Я же, пока суд да дело, домой съезжу. Утром, лишь солнце взойдет, я снова буду здесь.

Распрощался он со всеми, сорвалась лодка с места и словно ветер его к родительскому дому помчала. Рассказал Валентино своим домочадцам про все, что с ним приключилось. Те только

руками разводят. Ну и храбрый же малый! С королем как разговаривал!

Подкрепился Валентино, снова в лодку сел и к волшебнику отправился. Помчалась сперва лодка вихрем, потом вдруг стала и стоит, словно в землю выросла. Явился волшебник и спрашивает:

— Что тебе надобно?

Рассказал Валентино, как король свое слово не сдержал, и дал волшебник ему такой совет:

— Не пожелает тебе король дочку в жены отдать, захочет деньгами откупиться, скажи ему:

Хорошо же,
Но смотри:
Как бы не заплакал ты!

— И еще, — добавляет старик. — Ни одного твоего желания я больше не выполню, коли совета моего не послушаешься.

Поблагодарил юноша доброго старика и отправился к королю. На небе уж утренняя заря занималась. Приехал Валентино в замок. Увидел король крестьянского сына и зовет его:

— Пойдем в замок, потолкуем.

Поднялся Валентино вслед за королем в замок. Пришли они в большой зал, а там уже четверо королевских слуг ждут. Поглядели они на юношу и думают: «Где уж тебе, бедняку, на принцессе жениться».

А король и говорит:

— Не желаю, чтоб ты на принцессе женился, денег же из казны бери сколько душе угодно.

Юноша ему в ответ:

Хорошо же,
Но смотри:
Как бы не заплакал ты!

А королю до этих слов и дела нет. Велел он слугам проводить Валентино в сокровищницу, где уже все сундуки да ларцы открыли. Взял юноша золота, добра всякого, нагрузил доверху лодку и отправился в отцовскую усадьбу. Но не радовался Валентино своему богатству. Ведь красавицу принцессу ему в жены не отдали! Полюбил он ее больше жизни, и без нее белый свет ему не мил.

Прошло несколько дней. Отправился Валентино со старшим братом на луг траву косить, и видят вдруг — кареты одна за другой по дороге катят, прямехонько к их усадьбе. А оттуда — на луг. Остановились, подходит к юноше королевский паж и говорит:

— Валентино, тебя зовут в королевский замок! Принцесса тяжело занемогла, и ты один можешь ее исцелить. Правду ты королю сказал: раскается он, раз слово свое не сдержал. Вот и наказан!

Опечалился Валентино, что принцесса заболела, но в замок не поехал и говорит:

— Приезжайте завтра!

Укатили придворные не солоно хлебавши. Помчался Валентино на чудо-лодке в лес, совета у доброго волшебника просить.

— Поëзжай завтра в замок, — говорит волшебник, — и исцели принцессу. Только сперва пусть король поклянется тебе ее в жены отдать.

Поблагодарил юноша его за совет. Поехал домой, а наутро снова к нему придворные явились.

— Совсем плоха принцесса, — плачут они, — не ровен час — умрет. Едем с нами!

Сел Валентино в чудо-лодку и помчался в королевский замок. Вошел в покои принцессы и видит: сидит король — слезы льет.

— Принцессу я исцелю, — говорит Валентино. — Только с уговором: пусть за меня замуж пойдет.

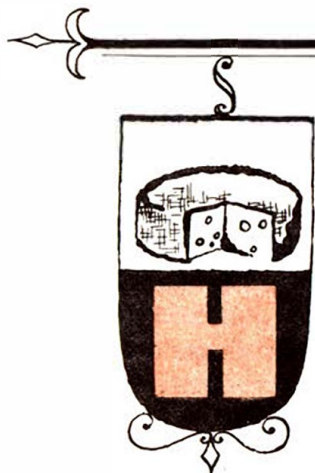
— Клянусь тебе в этом, — отвечает король.

Подошел Валентино к королевской дочери, мизинцем коснулся. Вздогнула принцесса, потом открыла глаза, встала и говорит своему спасителю:

— Через две недели мы поженимся.

Сыграли вскоре свадьбу, и вся крестьянская родня там пела и плясала.

Так Валентино на королевской дочери женился. Только как был он умельцем, так и остался. Не одну чудо-лодку с тех пор смастерил! И слава о его лодках, которые по воде да посуху ходят, по всему свету пошла. На чудо-лодках он по всему своему королевству разъезжал, как подданные его живут, смотрел, кому помочь надо — помогал.

КТО КАК СЫР ЕСТ...

адумал однажды молодой пастух жениться. И приглянулись ему три девицы, три родных сестрицы. Все три хороши собой, все три ему по душе пришлись, так что никак не мог он решить — кого из трех невестой назвать, на которой из трех жениться. Думал пастух, гадал и не знал, что делать.

Заметила его матушка, как сын мается, и говорит:

— Дам тебе добрый совет: пригласи всех трех сестер в гости, выставь сыр на угощенье, а сам гляди в оба — кто как сыр ест.

Послушался пастух материнского совета. Пригласил молодых девиц в гости, подал на стол овечий сыр, ломтями его нарезал. Сидит и смотрит, как гости сыр едят.

Глядит — первая сестрица на сыр так и набросилась! Прямо с коркой проглотила, ни единой крошки не оставила. Видать, девица жадная, обжора.

Другая — наоборот, корку срезала. Да только вместе с коркой сыру изрядный кусок отхватила. Ясно, привыкла зря добро переводить.

Зато третья, в аккурат как и подобает, корку срезала и не спеша сыр с хлебом съела. Верно, бережлива, скромна и учтивая!

Только гости ушли, рассказал пастух матушке, как кто из девиц сыр ест. А матушка ему и говорит:

— Женись на третьей. Она тебе счастье принесет. Будешь как сыр в масле кататься.

Послушался пастух матушку, сделал по ее совету. И никогда об этом не пожалел. Стала девица ему доброй женой да рачительной хозяйкой. И жили они хоть и небогато, зато счастливо. Правду ведь пословица говорит: на что и клад, когда у мужа с женой лад.

СИЛАЧ ВИЛА

авным-давно жил-был молодой король, и была у него жена — прекрасная королева. А матушка короля — хитрая и завистливая — на людях невестку хвалила, но в сердце только злобу да ненависть к ней таила.

Случилось так, что король собрался на войну. И просил матушку о молодой жене заботиться. Вот старуха о ней и позаботилась. Только не так, как сыну хотелось. Послала она однажды ловчих на охоту. Такой охоты никто в тех краях не помнил. Велено было ловчим тысячу зверей затравить, от каждого по капле крови взять и все капли в одной склянке смешать. Принес старший ловчий королеве склянку, и пригласила она невестку на ужин; себе кубок красного вина налила, а невестке — кубок звериной крови. И говорит:

— Выпьем за здоровье короля!

Выпила старуха вино, а молодая королева — кровь. Правда, она заметила, что не вино пила, но что делать? Как не выпить за здоровье мужа? ..

Вскоре у молодой королевы сынок родился, но такой уродливый, что все от него в страхе отворачивались. На лице и на теле у мальчика были кровавые пятна.

Написала тогда старуха сыну, что жена его от злости дитя изуродовала, и велел король ее судить. Созвали семерых окрестных королей на суд, и шестеро в один голос сказали:

— Смерть ей!

Только старший из королей не согласился и говорит:

— Отведите ее с ребенком в горы, в глубокое ущелье, а выход оттуда камнями завалите, пусть там погибают!

Потащили молодую королеву и дитя ее в ущелье, а выход из него скалой завалили.

Так и жили молодая мать с сыном в ущелье, травами да корнями кормились. С голоду не помирали, а дикие звери их

не трогали. Назвала мать мальчика Вилой, и рос он сильным, крепким.

Прошло много лет, и однажды сказал Вила королеве:

— Матушка, хотелось бы мне из ущелья выбраться.

— Ах, дитя мое, не хватит у тебя сил такой огромный камень убрать.

Не послушался Вила королеву и попытался скалу с места сдвинуть. А та не шелохнется.

Стал тогда Вила каждый день счастье пытаться. Через год скала у него под руками зашевелилась, а на другой год — раскачалась. Как третий год к концу подошел, Вила скалу легко с места сдвинул и говорит:

— Ну, матушка, накопил я сил. Хочу на службу наняться.

— Что ж, ступай, только меня не забудь! А я здесь останусь. Завали опять проход камнем, чтоб ни одна живая душа меня, горемычную, не отыскала.

Не стала королева сыну рассказывать, какого он рода. Боялась, что отыщет он отца своего — короля, а свекровь Вилу вовсе изведет.

Распрощался юноша с матерью, снова проход скалой закрыл и пошел по белу свету — службу искать. Был он таким силачом, что самую высокую ель в лесу с корнем вырвал и вместо палицы приспособил. А дышал Вила так, что все на пути сметал. Однажды крикнул он во всю мочь, и деревья с кустами вокруг в прах рассыпались.

Идет Вила по дороге, а навстречу ему какой-то король к невесте спешит, свадьбу играть. Преградил ему путь силач Вила да как гаркнет:

— Не нужен ли тебе слуга?

Выглянул король из окошка кареты, а как Вилу увидел, испугался и глаза руками закрыл. Ведь все лицо и тело у него кровавые пятна изуродовали. Вот король и говорит:

— Нет, не нужен!

Велел король кучеру дальше ехать. А силач Вила просит короля:

— Возьми меня к себе! Служить тебе буду верой и правдой. — А потом и спрашивает: — Отчего ты так дрожишь?

— Тебя боюсь, не хочу такого уroda на службу брать, — отвечает король, — и люди мои разбегутся, стоит им тебя увидеть.

— Держи меня взаперти, — говорит Вила.

Понял король: никак ему от Вилы не отделаться.

— Ладно, — говорит, — только дождись меня здесь, пока я свадьбу сыграю и назад вернусь.

— Хочется и мне на свадьбе побывать, — сказал Вила. — А если кто меня испугается, залезу я в погреб, и никто больше меня не увидит.

— Ну, так и быть, поехали! — согласился король.

Прибыли они в невестин замок, и силача Вилу в погреб отвели. Оставили ему еды, питья вволю, а дверь заперли.

Сел король с невестой за свадебный стол, а гости диву даются: невеста весела и прекрасна, светла лицом, а жених печален и мрачен: словечка на пиру не вымолвил. Не знали гости, что это тот самый король был, который на войну отправился, а матушка его тем временем невестку извела. Вернулся он с войны и ни жены, ни сына не нашел. Ведь он сам приказал судить королеву. И думал, что она и сын давно умерли. Много лет прожил король бобылем, а теперь решил жениться. Вот и свадьбу играют, но невесел король. Сидит, первую свою жену вспоминает.

Сыграли свадьбу, а назавтра вдруг беда случилась. Зане-

могла молодая королева и умерла. Хоть она и раньше хворала, все же подозрение на жениха пало: может, он ей отраву дал либо колдовством извел. Судили короля, а на другое утро и приговор вынесли:

— Замуровать в башню!

Сказано — сделано. Приговор тотчас же исполнили, короля в башню заточили. А Вила в своем погребе все-все слышал. И решил короля спасти. Но пусть за это король на матушке его женится. Хватит ей в ущелье маяться! Однако хотелось ему короля прежде испытать, посмотреть, что он за человек!

Лишь время к ночи подошло и тихо кругом стало, вдохнул Вила изо всех сил воздух. Дверь погреба с петель и сорвалась! Вышел Вила на волю и воздух выдохнул. Стена вокруг замка тут же надвое раскололась, и смог он к башне подойти, где король томился. Окликнул Вила короля, и от голоса его, который точно гром гремел, стена башни треснула. Отозвался король, а Вила спрашивает:

— Хочешь, я тебя из башни вызволю?

— Конечно, хочу. Проси за это у меня что угодно.

— Ничего мне не надо, — отказался Вила. — Исполни только мое желание: женись на моей матушке!

— А что она, как и ты, страшна? — спрашивает король.

— В тысячу раз страшнее, — отвечает Вила.

— Тогда мне лучше остаться здесь и умереть! — говорит король.

Ушел Вила, но вскоре назад воротился.

— Ну как, не надумал?

— Лучше умереть! — снова отвечает король.

Ушел Вила, но снова назад вернулся. И в третий раз спрашивает:

— Ну как, решил на матушке моей жениться?

Король вдруг ему говорит:

— А нравом твоя матушка добра?

— Добрее не сыщешь, — отвечает Вила.

Поразмыслил король: доброта-то с красотой поспорит. И что важнее — неведомо.

— Ладно, — отвечает он, — возьму твою матушку в жены, только надо мне сперва домой съездить, все к свадебному пиру приготовить.

— Ну, это проще простого, — говорит Вила. — Я с тобой отправлюсь.

Открыл тут Вила рот да как крикнет!

Пошатнулись стены башни и рухнули. Вышел король и с Вилой домой поехал. Увидели королевские слуги Вилу и все со страху разбежались. А старая королева стоит, глаз с юноши не сводит.

Кликнул король слуг и рассказал им, какая с ним беда стряслась, как Вила его спас и как он ему за это на его матушке жениться обещал. Хоть матушка его спасителя в тысячу раз страшнее сына, зато добра! Да и Вилу бояться не следует. Лицом он, правда, уродлив, зато разумен и смел. Охают королевские домочадцы, а пуще всех старая королева. Чует сердце ее недоброе! Стали все короля уговаривать:

— Изведи Вилу тайком, не надо будет тогда на его матушке жениться.

Говорит король в сердцах:

— Раз обещано, значит, обещано, слово свое я сдержу!

Велел король домочадцам к свадьбе готовиться, а сам с Вилой за невестой отправился. Прошли они дремучий лес, вышли к ущелью, отодвинул Вила скалу. Король от страха весь дрожит, ждет, какое ему страшилище явится. И видит вдруг женщину невиданной красоты.

— Нет, быть не может! — закричал король. — Жена моя!

А королева ему говорит:

— Смотри, это твой сын!

И поведала она королю, как старая королева ее извести задумала, как получилось, что тело и лицо королевского сына кровавыми пятнами покрылись.

Разгневался король и говорит:

— Едем домой!

Прибыли они в замок, а слуги стоят, глаза руками закрывают, чтоб уродливой невесты не видеть. Одна только старая королева сквозь пальцы на невесту глядела. Только она красавицу увидела, как тотчас же в ней жену сына признала.

— Ох, ох! — вскрикнула она и рухнула на землю.

Подумали слуги, что королева уродства невесты испугалась, кинулись они старой королеве помочь, подбежали, а она бездыханная лежит. В тот же миг спали волшебные чары. Исчезли кровавые пятна на лице и на теле Вилы, и стал он не только самым сильным, но и самым красивым на свете. Слава его по всей земле пошла. Жили с той поры король с королевой да с сыном своим Вилой в радости и счастье.

УМНЫЕ ГОЛОВЫ

оли уж ты у моря живешь, так чуда в том никакого нет, если ты как рыба плаваешь!

Так и жители Бюзума. Деревенька-то их на берегу моря стояла, и во всей округе знали: лучше их пловцов не сыщешь.

Однажды в воскресенье стали девять умных голов из Бюзума море переплывать. Плыли они, плыли, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, только оборачивается вдруг старший из них и говорит:

— Надо мне вас всех пересчитать. А то, может, кто ненароком захлебнулся да и утонул. Поглядим, все ли тут?

Стал он дружков пересчитывать:

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Ну, я и есть я... Я не в счет... Да, восемь. Так оно и есть! Один, значит, утонул!

— Дай-ка я посчитаю, — сказал другой. Стал он дружков пересчитывать: — Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... Ну, я и есть я. Я не в счет... Да, восемь! Так оно и есть! Один, значит, утонул.

Опечалились дружки, назад к берегу поплыли, стали повсюду девятого искать. А старший снова их пересчитывает:

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь...

Смотрят, идет по дороге путник. Чего с ним разговаривать? Ведь в округе, кроме умников из Бюзума, одни дураки живут! Однако увидел путник голых дружков и спрашивает:

— Вы чего тут делаете?

Рассказали те ему:

— Стали мы вдвоем море переплывать, потом пересчитали всех — видим: нас всего восемь. Стало быть, одного не досчитались. Не иначе — утонул.

Подумал незнакомец и говорит:

— Дам я вам совет. Суньте носы в песок, а потом ямки

в песке пересчитайте. Сколько ямок в песке найдете, столько вас всего и есть!

Обрадовались умные головы: теперь-то уж они точно сосчитают. Сунули носы в песок, потом давай ямки считать.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять... Девять!

Ну и радости было! Девять ямок насчитали! Значит, никто не утонул! Натянули умники платье и в деревню отправились. Рады-радехоньки!

Вот какие умные головы в Бюзуме живут!

КАТЛЬ, ГРЕТЛЬ И УРШЛЬ

богача крестьянина был большой выгон в горах, где летом его стадо паслось, и приходилось крестьянину нанимать работниц — коров доить, сыр варить, масло сбивать. И было у крестьянина три дочери — Катль-Гордячка, Гретль-Лентяйка и Уршль-Добрая душа.

Но вот однажды не захотели работницы на выпас ходить. Спустилась одна из них с гор и говорит хозяину:

— Не останусь я на выгоне, ноги моей там не будет. Ходишь, бродишь до полуночи, скотину ищешь, а найти не можешь. Ухожу от тебя!

С тем и другая работница с гор вернулась, за ней и третья. Послал тогда крестьянин в горы сперва коровницу, потом служанку, под конец — повариху. Но все они с выгона сбежали.

Разгневался крестьянин и стал старшую дочку кликать:

— Катль! Катль!

— Чего еще? — гордо спросила Катль и к отцу даже головы не повернула.

— На горный выгон в пастушки пойдешь!

— Я? В пастушки пойду? Я — старшая твоя дочка?! — отвечает Катль.

— Тогда и дом в наследство не получишь, — пригрозил отец.

Делать нечего, пришлось ей идти.

— Ладно, пойду! — говорит. А сама думает: «Ничего, стану хозяйкой, никто меня никуда гонять не будет».

Взяла Катль из кладовки еду разную — сыр, масло, хлеб — и на выгон отправилась.

Два часа она в горы поднималась, а как пришла, уселась за стол в пастушеской хижине, платок расстелила и за сыр да за хлеб с маслом принялась. Когда же вечер настал и стемнело, стала она скотину прямо из окошка хижины звать!

— Коровки! Коровки! Идите сюда!

Но ни одна корова так и не показалась. Вышла тогда Катль из хижины, стала по выпасу бродить, скотину высматривать. Ходила же она, по своему обыкновению, задрал нос.

Шлеп! Споткнулась об камень, упала и увидала на мягкой земле несметное множество коровьих следов. Пошла Катль по этим следам; идет и слышит, неподалеку кто-то стонет:

— Ох, горе мне, притомился я, умаялся, и некому мне помочь!

Вышел тут из лесу человечек — скрюченный весь, беззубый, тощий, горбатый. Подошел к Катль-Гордячке, протянул руку и говорит:

— Вот и девчоночка сюда пожаловала! Помоги мне, дай на твою руку опереться.

Увернулась от него Катль:

— Я тебе не служанка! Убирайся откуда пришел!

В тот же миг исчезла Катль с лица земли. Словно ее и не бывало.

Ждал крестьянин старшую дочку неделю, ждал другую. Надоело ему дожидаться, и кликнул он среднюю дочку:

— Гретль! Гретль!

— Чего еще? — лениво спросила Гретль.

— На горный выгон пойдешь стадо караулить.

— Так ведь в горах Катль, а мне и здесь хорошо! — отвечает Гретль.

— Тогда и тебе дом в наследство не достанется, — угрозил отец.

Делать нечего, пришлось ей идти.

— Ладно, пойду! — говорит. А сама думает: «Ничего, стану хозяйкой, отосплюсь вволю».

Взяла Гретль из кладовки каравай хлеба и на выгон отправилась. Каждую минутку она присаживалась — отдыхала, так что и четырех часов не прошло, как девушка до хижины добралась. Пришла на выгон, на стог сена повалилась и отдыхает. До того умаялась! Отдыхала, пока солнце зашло.

Встала тогда Гретль, стала скотину высматривать и кричать:

— Коровки, коровки! Где вы?

Но ни одной коровы так и не увидела.

Идет Гретль по выгону, а глаза у нее от лениности сами собой закрываются.

Шлеп! Споткнулась об камень и грохнулась наземь. Открыла Гретль глаза, увидела коровьи следы и по этим следам отправилась. Идет и слышит вдруг неподалеку стоны:

— Ох, горе мне, притомился я, умаялся, и некому мне помочь!

Вышел тут из лесу человечек — скрюченный весь, беззубый, тощий, горбатый. Подошел к Гретль-Лентяйке, протянул руку и говорит:

— Вот и девчоночка сюда пожаловала! Помоги мне, дай на твою руку опереться.

Увернулась от него Гретль:

— Сама не меньше тебя умаялась. Убирайся откуда пришел!

В тот же миг исчезла и Гретль.

Ждал крестьянин среднюю дочку неделю, ждал другую, надоело ему дожидаться, и кликнул он младшую дочку:

— Уршь! Уршь!

— Чего тебе, батюшка? — ласково спросила Уршь.

— На горный выгон пойдешь, дел там немало накопилось.

— Так ведь в горах и Катль, и Гретль. Но коли вам, батюшка, угодно, и я к ним на подмогу пойду.

Взяла она из кладовки ломоть хлеба, чуть маслом его помазала и пошла в горы. По отвесным скалам и то бегом взбиралась! Прыг-скок, гоп-топ, прыг-скок, гоп-топ! Часу не прошло, как Уршь уже в хижину на выгоне пришла. А грязи в хижине — по колено! Трава прямо на пороге растет, пол весь черный! Срезала Уршь траву, пол и стены вымыла, выскребла. Так трудилась, что про ужин и не вспомнила.

Меж тем вечер настал, а Уршь не до еды — пора коров доить. Но куда они девались?

— Коровки, коровки! — закричала она. — Я вас ищу, доить хочу!

А коров все нет и нет. Бегает Уршь по выгону.

Шлеп! Споткнулась об камень и упала. Увидела Уршь коровьи следы, по следам отправилась и слышит вдруг — неподалеку стонет кто-то:

— Ох, горе мне, притомился я, умаялся, и некому мне помочь!

Вышел тут из лесу человечек — скрюченный весь, беззубый, тощий, горбатый. Подошел к Уршь — Доброй душе, протянул руку и говорит:

— Вот и девчоночка сюда пожаловала! Помоги мне, дай на твою руку опереться!

— Изволь! — сказала девушка и руку старичку протянула. Повис бедняга у нее на руке и говорит:

— Идем!

Хоть он ее вел, но Уршль старика больше на себе тащила, из сил выбивалась. Вдобавок еще дождь полил, гром загремел и молнии засверкали. Уршль со стариком до нитки промокли.

— Нет ли где домика от ненастья укрыться? — спросила Уршль.

— Домик мой в горах, мы туда и поднимаемся, — ответил старик.

— А скотину, коровок моих, не видали?

— В лесу видел.

Наконец добрались они к домику. Смотрят — дверь настежь распахнута, крыши нет. Стоят в горнице кровать под балдахином, две лавки, а дождь их так и поливает. В углу — очаг.

— Изжарь мне яичницу. Два яйца в корзинке найдешь, а с корзинкой рядом сковородка стоит. В очаге еще огонь теплится. Я же в кровать лягу, зябко мне, — говорит старик.

Отыскала Уршль и яйца в корзинке, и сковородку, и угли в очаге, но ни кусочка жира ей нигде найти не удалось. Сняла тогда девушка масло со своего ломтя хлеба и яичницу на нем изжарила. Отнесла она ее старику с ломтем своего хлеба в придачу. Поел старичок, а девушке ни яичницы, ни крошки хлеба не досталось.

Погода, меж тем, все хуже и хуже становилась. Гром гремел так, что жутко было!

— Поди сюда! — позвал Уршль старичок. — Боязно мне чего-то.

— Не бойся, — утешала его Уршль и гладила старичка по седой голове.

Вдруг молния как сверкнет, гром как ударит! Упала Уршль без памяти на пол. А когда очнулась, видит — лежит она на золотой кровати, шелковым одеялом прикрыта. А горница до того красивая, что таких Уршль и не видела. Оглядывается она по сторонам, стены да потолок рассматривает, и вдруг девушка в белом переднике входит.

— Не желает ли ваша милость искупаться? — спрашивает она.

Смотрит Уршль: может, кроме нее, еще кто в горнице есть?

Но никого там не было. Три раза повторила девушка свой вопрос, и поняла Уршль, что это к ней служанка обращается.

— Да нет, — ответила она, — сейчас схожу в ручье искупаюсь.

— Что вы, что вы, — испугалась девушка, — пожалуйста сюда!

Вымылась Уршль в беломраморной ванне и еще краше стала.

Повела ее служанка в красивый зал, где на столе золотые тарелки стояли, золотые ложки лежали. Села Уршль в кресло, красным бархатом обитое. Отворились тут двери — и вошли в зал разные дамы и господа. А впереди всех молодой, статный принц идет. Показалось девушке, будто он на вчерашнего старичка похож.

— Послушай, Уршль, что я тебе расскажу, — молвил принц. — Разгневался на меня некогда злой волшебник, замок мой в лачугу превратил, меня — в хворого старика, придворных моих — в стадо коров. И попало это стадо к твоему отцу. Бродил я по горам, места себе не находил, а придворные все с горного выгона бегали, меня искали. Спасти нас могла только доброта человеческая. Ты всех нас от колдовских чар избавила, заклятье добротой своей сняла. Ты меня вела, когда я устал. Ты меня накормила, когда я был голоден. Ты мне помогла, когда я испугался. Правду говорят: не ищи красоты, ищи доброты. А ты к тому же и собой хороша.

Подошел он поближе к девушке и спрашивает:

— Скажи, Уршль, хочешь стать моей женой и королевой?

— Да, очень хочу! — простодушно ответила Уршль и тоже спрашивает: — А где мои сестры?

Отвечает ей принц:

— Они отцовское стадо пасут, которое я твоему батюшке вместо заколдованного отвести велел. Авось труд с Катль-Гордячки спесь собьет, а у Гретль-Лентяйки сонливости побавит. Пусть коров караулят, это им на пользу пойдет. Когда же сестры твои исправятся, выдадим их замуж за хороших людей.

Сыграли Уршль с принцем свадьбу. И хоть про Катль с Гретль ничего более неизвестно, зато Уршль с принцем жили долго и счастливо.

ОТКУДА В АЛЬПАХ ЭДЕЛЬВЕЙСЫ ПОШЛИ

ила-была в альпийской деревушке бедная девочка, по имени Мария. Матушка ее умерла, а отца она даже не помнила. Пришлось девочке в люди пойти. Хозяева ее, богатые крестьяне, так Марию тиранили, так ею помыкали! Трудилась она на них от зари до зари.

Только и слышно было в усадьбе с утра до вечера:

— Ах ты, бездельница! Ах лентяйка!

Ни одного доброго слова девочка не слышала, лишь побои на ее долю доставались.

Молчала Мария, терпела, слезами обливалась и втихомолку думала: «Где моя матушка? Только бы дорогу к ней отыскать».

Однажды не вынесла девочка брани и побоев, да и убежала в слезах из дому в горы. На дворе стояла лютая зима, и брела Мария по колени в снегу. А ветер, будто филин, ухал:

— Ух, ух, ух!

Уже смеркалось, на небе большая яркая звезда зажглась. Девочка совсем с ног сбилась и с трудом ковыляла по белому, скрипучему снегу. Проголодалась она, устала, замерзла. И вдруг видит: стоят неподалеку две высоких ели. Насилу добрела до них Мария и рухнула в снег.

— Сейчас придет матушка, меня к себе заберет, — тихо прошептала она.

Стало ей тепло, уютно, и она задремала.

Сказывают, прилетели тогда добрые горные духи и девочку к себе унесли. Стала она принцессой в горном королевстве.

А на том месте под елями, где Мария лежала, снег вскоре растаял. И вырос на проталине ласковый белый цветочек. Назвали его эдельвейс, что значит «благородный белый цветок».

С тех пор в Альпах эдельвейсы на крутых горных склонах растут, и сорвать цветок может только самый смелый, самый ловкий человек.

Дороже эдельвейса для девушки-невесты подарка нет. Перед свадьбой отправляется жених в горы за цветком эдельвейсом и приносит его невесте. Это значит, что парень ловкий, храбрый, сильный и крепко любит девушку. За такого можно смело замуж идти!

ДАРЫ МАЛЕНЬКОГО НАРОДЦА

родили однажды портной да золотых дел мастер по белу свету, работу искали. Вот как-то вечером, только солнце село, слышат они—вдали за горами музыка играет. Так она зазывно, так весело играла, что путники про усталость за-

были и снова вперед зашагали.

Месяц уже на небе поднялся, когда они к какому-то холму подошли. А на том холме махонькие человечки—мужчины и женщины—хороводы водят, пляшут и поют. Так хорошо они поют—сердце замирает!

Посреди хоровода старичок сидит, ростом, пожалуй, всех других повыше. Камзол на нем пестрый, седая борода до пояса.

Застыли странники как вкопанные, чуду дивятся. Во все глаза на хоровод глядят и думают: «Что за народец такой маленький?!» Кивнул старичок головой, разомкнули малыши хоровод, чтобы путников в свой круг впустить.

Золотых дел мастер похрабрее был, так он сразу в хоровод вошел. Стоит, малышей разглядывает. Портной же поначалу оробел. А как увидел, до чего весело маленький народец пляшет, собрался с духом и за дружкой пошел.

Сомкнулся хоровод. Запели человечки песню и в пляс пустились. Портной с мастером тоже с ними пляшут и поют.

Старичок же взял нож, что на поясе у него висел, и стал его точить. Наточил он нож и подошел к портному и к золотых дел мастеру. Те опомниться не успели, как схватил старичок мастера за руку, остриг его наголо, потом бороду ему обрзал. В шутку, видно.

То же и с портным сделал. Как управился старик со своей работой, похлопал он путников по плечу, словно хотел сказать: «Молодцы, что мне не перечили».

Потом указал им старичок на угли, что на земле валялись,

и знак подал: «Набейте карманы потуже». Послушались странники старика, хоть и невдомек им, что с этими углями делать. Наполнили карманы и распрощались. Идут, на ночь приста- нища ищут. Как спустились в долину, слышат — на колокольне в ближнем монастыре полночь ударило. Смолкло в тот же миг пение вдали. Все исчезло, остался лишь холм в поле да месяц в небе.

Отыскивали странники постоянный двор, там на соломенные тюфяки улеглись, кафтанами прикрылись.

Наутро проснулись они от страшной тяжести. Схватились за кафтаны и глазам своим не верят: карманы-то не углями, а чистым золотом набиты. Волосы же и бороды у странников снова выросли.

Стали теперь бедняки богачами. Рад портной, радешенек. А золотых дел мастер всегда жадным был, так что и углей он куда больше дружка набрал. И золота у него оказа- лось не в пример больше, чем у портного. Только прав- ду говорят: чем богаче, тем скупее. Вот мастер портному и предлагает:

— Давай-ка вечером еще раз к малышам сходим. Раздо- будем у старика новых углей.

Не захотел портной с ним идти и говорит:

— Хватит с меня! Я и этим доволен-предоволен. Заведу свое дело, женюсь на хорошей девушке и буду счастлив. Но коли хочешь, останусь здесь еще на денек, тебя дождусь.

Вечером повесил золотых дел мастер две котомки себе на спину и отправился тотчас же по дороге к холму.

Пришел он к подножию холма — видит: как и вчера, на- родец маленький пляшет да поет.

Подошел к мастеру старичок и снова ему волосы догола остриг, а бороду обрезал. Потом знаками показывает: «Бери угли!»

Положил гость в свои котомки углей столько, сколько влезло. Да еще карманы битком набил. Воротился он благо- получно на постоянный двор, лег спать и кафтаном при- крылся.

— Пусть золото меня даже задавит, — стерплю! Это мне только в радость!

Не успел он утром глаза открыть, как сразу начал котомки ощупывать и карманы выворачивать. Ну и удивился же он, когда ничего, кроме углей, не нашел. Сколько котомки ни

тряс, сколько карманы ни выворачивал, никакого золота там не было.

«Невелика беда, — подумал мастер. — Ведь у меня еще золото с прошлой ночи есть». Смотрит и глазам не верит: вчерашнее золото снова в уголь превратилось.

Опечалился золотых дел мастер, провел рукой по голове, а голова его такая же безволосая да гладкая, как и подбородок. Остался он без бороды и без волос.

Но это еще не все: на спине у него горб вырос.

Понял тогда бедняга, что это ему в наказание за жадность, и громко-громко заплакал.

Услыхал его плач портной, проснулся и как мог стал горемыку утешать. Был портной человек добрый, вот он и говорит:

— Ты со мной вместе по проселкам бродил, со мной и теперь будешь, а своим богатством я с тобой поделюсь.

Сдержал портной слово. Однако остался золотых дел мастер на всю жизнь лысым, безбородым и горбатым. Понятно?

САДОВЫЙ НОЖ

ила-была бедная девушка. Родители ее умерли и оставили дочери в наследство одни лохмотья. И никому до нее дела не было. Пришлось ей из деревни уйти. Пошла она куда глаза глядят — голодная и оборванная.

Вот идет девушка дремучим лесом, где прежде часто малину да грибы собирала, плачет и думает: «Коли люди меня покинули, может, хоть звери приют дадут». Шла она шла и все дальше и дальше в лесную чащу забиралась. Уже вечерело, и от сосен и елей ложились на землю страшные тени. Такой тут страх на сироту напал, что она еще пуще заплакала. И капали ее слезы на вереск да на мягкий мох. Казалось, будто это роса на них выпала.

Вдруг предстал перед девушкой старик охотник в зеленом камзоле и спрашивает:

— Чего ты плачешь, дитя мое?

— Как же мне не плакать? Разута я, раздета, есть хочу, а в лесу так страшно.

И она еще горше заплакала.

— Не плачь! — просит охотник. — Твоему горю можно помочь. Пойдем со мной, не пожалеешь.

Послушалась девушка и пошла за стариком. Идет он, ни словечка не вымолвит, а ее все глубже и глубже в дремучий лес заводит. И вдруг остановился охотник перед могучим, поросшим серым мхом дубом. Совсем седым дуб казался!

— Вековой дуб, откройся! — велит старик.

Отворилась невидимая дверца, а внутри дуба все так и заблестело, засияло, засверкало! Чего только там не было! И золотые монеты, и драгоценные камни, и платья, золотом да серебром шитые.

Девушка от удивления себя не помнила; спрятала она руки

под передник, рот открыла и во все глаза на сокровища глядит, наглядеться не может.

— Это все твое, — сказал охотник, — можешь брать отсюда что душе угодно. Да только уговор: богатством пользуйся разумно, а про дуб ни одной живой душе не проговоришься. Храни в тайне, что в лесу со мной была, и еще одно: запомни мое имя! Люблю я в саду работать, и зовут меня «Садовый Нож».

Обрадовалась девушка и думает: «Ну, уж имя твое я вовек не забуду!»

— Садовый Нож! — прошептала девушка; хотелось ей лучше запомнить диковинное имя.

— Через семь лет я вернусь, а до тех пор можешь брать из дуба все, что пожелаешь. Но помни: коли через семь лет имя мое забудешь, накличешь на себя беду.

Хотела девушка охотника поблагодарить, но он уже исчез. Дверца дуба закрылась, и стоял дуб как ни в чем не бывало, так же спокойно, как все деревья в лесу. Только порой ветерок в ветвях его шелестел. Девушка не знала, что и думать: привиделось ли ей все, что случилось, или было наяву.

— Вековой дуб, откройся! — прошептала она.

И глядь — невидимая дверца отворилась, а внутри дуба все так и заблестело, засияло, засверкало. Взяла девушка золотую монету, дверца закрылась, и стоял дуб снова так же спокойно, как все деревья в лесу.

Уже начало смеркаться, и девушка подумала: «Здесь, в лесу, мне ночевать нельзя, не то явятся медведь или волк и меня съедят». Глянула она еще раз на дерево, хотела хорошенько его запомнить, и пошла в ту сторону, где в лесу просвет виднелся. Но не успела она сделать несколько шагов, как очутилась на ровной проселочной дороге. Идет по дороге и вполголоса повторяет:

— Садовый Нож! Садовый Нож!

И вдруг видит: стоит она у ворот красивого замка. Собралась девушка с духом, вошла во двор и поднялась по лестнице на кухню. А там кухарка как раз ужин готовила, и на плите все жарилось, варилось, кипело — только пар шел! Подошла девушка к кухарке и робко ее спрашивает:

— Не пустишь ли меня переночевать?

Оглядела кухарка девушку с ног до головы и говорит:

— Убирайся отсюда! Не нужна нам в замке грязная нищенка!

Испугалась девушка, заплакала и спрашивает:

— Куда же мне деваться? Может, для меня в замке работа какая найдется?

Так она горько плакала, что злое сердце кухарки смягчилось и она проворчала:

— Ну, коли тебе некуда деваться, пойдешь в птичницы. Только вставать придется с петухами, ложиться поздно и ночевать в птичнике. Но если хоть один цыпленок потеряется, тебя из замка выгонят!

Обрадовалась девушка, что ее на службу берут, и пошла лугом в птичник, легла на солому и заснула. Рано утром выгнала она птиц на лужок, ходит вокруг них, глаз не спускает, а сама всё повторяет:

— Садовый Нож! Садовый Нож!

Караулила она птиц с утра до позднего вечера, потом в птичник их загнала и на соломе заснула. Так прошла неделя. Жилось девушке не худо, но она то и дело вспоминала седой дуб и охотника в зеленом камзоле.

Настало воскресенье, стали молодые девушки с парнями на гулянье собираться. У птичницы даже сердце защемило: веселятся все, пляшут на зеленой лужайке перед замком. Лучшие свои платья надели! Одна она в старой блузе да серой юбчонке! А переменить нечего. И вдруг ей седой дуб снова на память пришел: побежала птичница в лес, волшебное дерево отыскала и робко так шепчет:

— Вековой дуб, откройся!

И хоть голос ее дрожал, а говорила она тихо-тихо, отворилась в дубе дверца; видит девушка: прямо перед ней платья висят, такие красивые, что хоть весь мир обойди, подобных не сыщешь. Выбрала птичница желтое платье — самое простое, самое скромное, и то оно будто солнце в полдень сияло. Умылась птичница в прозрачном ручье, солнечное платье надела и поспешила на лужайку. Шла и сама не знала, до чего собой хороша!

Как увидели ее люди на лужайке, так сразу расступились и впустили в свой круг. А там молодой граф, хозяин замка, стоит, гордый такой, ни на кого не глядит. Но вдруг заметил он девушку в солнечном платье, и показалась она ему такой прекрасной, глаз не отвести.

Плясала птичница вместе со всеми, веселилась. Но только стали люди с гулянья расходиться, помчалась она словно лань и исчезла в лесу. Сняла солнечное платье, старую блузу да серую юбчонку надела и снова в замок бедной птичницей воротилась. Ходит, птицу на лужке караулит.

Граф же покоя себе не находил. Был он с воскресенья сам не свой и даже самому себе признаться боялся, что полюбил незнакомую девушку. Часами он у окна просиживал, глаз с дороги не спускал. Все казалось ему: вот-вот она явится! Но она не приходила, и граф никак не мог дожидаться воскресенья. Правда, попадалась ему во дворе бедная птичница, на ту красавицу чем-то похожая. Хотелось графу с ней заговорить, да гордость не позволяла.

Но вот настало воскресенье. Собрались все на гулянье, а девушка снова в лес отправилась, волшебное дерево нашла и говорит:

— Вековой дуб, откройся!

Отворилась в дубе дверца, и увидела птичница такие красивые платья, что даже глаза зажмурила. Потом все же выбрала светлое платье — попроще да поскромнее — и то оно будто луна на ясном ночном небе сияло. Умылась птичница, лунное платье надела и побежала на лужайку.

Заметил граф девушку в лунном платье и решил на сей раз узнать, кто она такая. Подозвал он слуг и велел им за незнакомой девицей пойти, выследить, откуда она.

Снова плясала птичница, велелилась. Но только гулянье кончилось, помчалась она словно лань в лес. Однако не удалось ей убежать: слуги от нее ни на шаг не отставали. Вытащила тогда птичница из кошелька золотую монету, что когда-то взяла, и бросила на дорогу. Кинулись жадные слуги за монетой и давай драться: кому золото достанется. А девушка к седому дубу подбежала, лунное платье сняла, старую блузу да серую юбчонку надела и снова бедной птичницей стала.

Граф же с тех пор и вовсе покой потерял. Часами простаивал он у окна, все вдаль глядел.

Как-то он снова во дворе с бедной птичницей повстречался и совсем было собрался с ней заговорить, да гордость не позволила.

А в воскресенье девушка снова в лес отправилась и просит волшебное дерево:

— Вековой дуб, откройся!

Отворилась в дубе дверца, и увидала девушка такие красивые платья, что глаза у нее разбежались. Выбрала она на этот раз голубое платье — вроде бы попроще и поскромнее других — а было все платье по голубому полю золотыми звездами заткано. И сверкали они точь-в-точь как звезды на вечернем небе. Чудилось, будто они даже мерцают. Умылась птичница в прозрачном ручье, звездное платье надела, несколько золотых монет в кошелек сунула и поспешила на лужайку.

Как увидел девушку молодой граф, все на свете позабыл. Сердце его смягчилось, снял он перстень и ей на руку надел. И снова велел граф слугам про незнакомую девушку разузнать.

Только гулянье к концу подошло, помчалась птичница словно лань в лес, а слуги за ней. Вытащила она из кошелька несколько золотых монет и швырнула на дорогу. Разодрались слуги меж собой! А девушка к седому дубу побежала, звездное платье сняла, старую блузу да серую юбчонку надела и снова в бедную птичницу превратилась.

Граф же день ото дня чахнуть стал. Созвали лекарей со всей округи, но не смогли они его излечить: средства от его болезни не было.

Решили тогда веселый пир устроить, развеселить графа. Съехалось на этот пир немало знатных людей. На кухне было столько дела, что и птичницу помогать позвали. А кухарка как раз пироги пекла. Захотелось и бедной девушке пирог испечь. Попросила она об этом кухарку, но та только фыркнула и не позволила.

— Очень хочется мне пирог испечь, — попросила еще раз птичница.

Надоело кухарке ее слушать, и она согласилась:

— Ладно, вот тебе остатки теста, пеки.

Никак кухарка не думала, что пирог этот на графский стол попадет!

Обрадовалась девушка, тесто разделала и пирог на противень положила. Но еще прежде сунула она в тесто графский перстень. Испекся пирог, и повариха так и ахнула. До того он поднялся, до того вырос, что даже на блюде не поместился! Ни одного такого пышного пирога на кухне не было. Решила кухарка его гостям подать. Положили пирог на особое золотое блюдо и в залу понесли. Обрадовались гости: что за

чудо! Разрезал граф пирог и замер: в пироге его перстень лежит!

— Позвать сюда кухарку! — говорит граф.

Пришла кухарка, стоит ни жива ни мертва.

— Кто пирог пек? — грозно спрашивает граф.

Задрожала кухарка от страха и говорит:

— Птичница меня так долго упрашивала, что позволила ей из остатков теста пирог испечь. А он поднялся на диво, так что не стыдно было его и к графскому столу подать.

— Пусть птичница сюда придет! — приказал граф.

Услыхала птичница про графские слова, умылась у колодца, побежала на птичник и переоделась. Надела платье розовое, как утренняя заря. Еще вчера она его из лесу принесла и под соломой спрятала. Вошла девушка в зал, гости все разом встали, красотой ее любят. Один граф в ней птичницу узнал. Недаром она ему казалась на лесную красавицу похожей.

Подошел он к девушке, взял за руку, усадил рядом с собой и говорит:

— Это моя невеста!

Начался тут свадебный пир, и в тот же день обвенчались граф с бедной птичницей.

Стали они в замке жить-поживать. Об охотнике и о седом дубе она и думать забыла. Вскоре дочка у нее родилась. Радуются граф с графиней, с дочки глаз не сводят.

Но вот однажды вспомнила графиня охотника в зеленом камзоле. Ведь это ему она своим счастьем обязана! Замерло у нее сердце — имя охотника она забыла! Что делать? Никак не вспомнить! Перестала молодая женщина радоваться и веселиться. День и ночь думала о беде, которая ей, мужу и дочке грозила.

Однажды вечером сидела графиня у открытого окна и глядела в сад, где сыновья садовника работали. И до того было ей тоскливо! Ведь завтра семь лет минет, а ей имя охотника никак не вспомнить! Сидит она, думает, думает и вдруг смотрит — сыновья садовника свои грабли да лопаты собирают. Кончили они работать и уходиться собрались; потом один вернулся — видно, забыл что-то. Поднял он с земли садовый нож и кинул в корзинку.

Как увидела это графиня, засмеялась.

— Садовый Нож! — шепчет. — Садовый Нож!

Прибежали ее муж со служанками и понять не могут, с чего это она развеселилась.

На другой день, только графиня гулять собралась, как охотник в зеленом камзоле явился. Поблагодарила она его и назвала по имени:

— Садовый Нож!

Засмеялся он, приложил палец к губам: знай, мол, молчи, ни одной живой душе обо мне не проговорись — и исчез навсегда.

Историю эту дед рассказал отцу, отец — мне. И оба говорили, что это истинная правда, тому, будто бы, немало у них свидетелей. Теперь-то и дед, и отец, и свидетели умерли. Так что придется сказку на веру принять.

ВОЛШЕБНАЯ ШЛЯПА

ил некогда в тихой горной деревушке молодой крестьянин. Выбрал он однажды из стада двух самых тучных коров, повел их на ярмарку и продал, а выручку в кошелек из кошачьей шкурки спря-

тал и в карман сунул. Немалые деньги крестьянин заработал. Кроме коров он и сыр продал — еще денег прибавилось.

Ярмарка была неподалеку от города, и захотелось крестьянину город посмотреть. Никогда прежде он там не бывал. Слышать же — немало слышал.

Пришел крестьянин в город, по улицам бродит, всякие лавки, богатые дома да экипажи разглядывает. Во все глаза по сторонам смотрит.

Вдруг подходит к нему какой-то незнакомец. Молодой, одет по-городскому, и говорит:

— Здравствуй, добрый человек! Нравится тебе здесь?

— Еще как нравится! — отвечает крестьянин. — Только я здесь в первый раз, и куда идти — не знаю.

— Так и быть, — говорит незнакомец. — Придется мне тебе город показать.

— Вот спасибо! — обрадовался крестьянин.

Пошел он со своим провожатым по улицам. Идет, дивится всему.

Побродили они по улицам, а горожанин ему и говорит:

— До того пить хочется, не зайти ли нам в кофейню?

Зашли они в кофейню. Незнакомец незаметно с хозяином за кофе расплатился. Только они уйти собрались, горец кошелек свой вытащил.

— Я плачу! — говорит.

— Я уже заплатил! — сказал незнакомец. — Глянь, как просто это делается. Эй, хозяин! — крикнул он и обеими руками шляпу на голове приподнял. — Мы в расчете?

— Да, любезный! Спасибо! — отвечает хозяин.

С тем они и ушли.

Мудрено крестьянину понять, как это в городе расплачиваются. Вот он и говорит:

— Диковинная у тебя шляпа! Приподнимешь — и платить ничего не надо. И я бы не прочь такую завести. Сколько она может стоить?

— Да немало, — отвечает горожанин.

Между тем пробило двенадцать.

— Я как волк голодный, — пожаловался незнакомец.

— Я тоже, — сказал горец.

Зашли они в трактир, и горожанин велел подать обед на двоих. Пока крестьянин за обе щеки уплетал, подошел незнакомец незаметно к трактирщику и по счету заплатил.

Поели они, собрались уходить, а горожанин и говорит:

— Теперь гляди в оба, учись расплачиваться! Эй, хозяин! — крикнул он и приподнял шляпу. — Мы в расчете?

— Да, любезный, спасибо! — отвечает хозяин.

Горец пуше прежнего дивится и спрашивает:

— Что это за шляпа такая? Не иначе — волшебная! Мне б такую!

Пошли они дальше, город осматривать, а под вечер расстались. Ночевал крестьянин на постоялом дворе, и снилось ему, будто волшебную шляпу незнакомец ему отдал, будто разбогател он несметно. И прикатил в родную деревню на четверке лошадей.

На другое утро встретились новые дружки на городской площади и снова до полудня город осматривали. Как двенадцать пробило, пошли обедать в другой трактир, побогаче. Ел крестьянин вволю, и вина горожанин не жалел, все подливал да подливал.

Пообедали они, незнакомец говорит:

— Эй, хозяин! Мы в расчете?

— Да, любезный! Спасибо! — отвечает хозяин.

Еле горожанин крестьянина из трактира увел — так тот захмелел, что не знал, на каком он свете. Идет, повторяет:

— Ну и диковинная у тебя шляпа! Продай ее мне!

— Так ведь она уйму денег стоит!

— Ну сколько?

— Две тысячи франков.

Полез горец в карман, кошелек из кошачьей шкурки вытащил и отдал горожанину все свои деньги, а взамен — волшеб-

ную шляпу получил. Снял крестьянин старую, кинул ее в канаву и новую на голову нахлобучил. Распрощались они, однако сговорились на завтра встретиться вновь.

Настал вечер, и отправился горец на постоянный двор, который ему новый дружок показал. Наелся, напился вволю, а потом спать лег. На другое утро подали ему завтрак. Поел он, шляпу на голове приподнял и говорит:

— Эй, хозяин! Мы в расчете?

— Да, любезный! Спасибо!

Обрадовался крестьянин. Не знал он, что горожанин за ужин и за завтрак вперед за него заплатил. Идет горец по улицам, знай одно твердит:

— Ну и удачлив же я! Вот счастье-то привалило! Шляпа и впрямь волшебная! Что захочу — все мое! Как бы мне горожанина отблагодарить?

Побродил крестьянин по городу и снова на постоянный двор завернул. Подали ему обед, ест он, пьет и думает: «Чего желать? Не все ли равно, сколько я съем, чем дороже обед, тем лучше. Стоит шляпу на голове приподнять — и за все заплачено».

Наелся, напился крестьянин за двоих и говорит:

— Эй, хозяин! Мы в расчете?

— Ты что, рехнулся? — разозлился хозяин. — Тымне еще не платил.

— Как так не платил? — испугался крестьянин. — Ты что, знака моего не понимаешь?

Стал он снова шляпу на голове приподнимать. Собрались слуги, хохочут, за животики хватаются. Никак в толк не возьмут: чего это парень делает? Рехнулся, видать, деревенщина, не иначе!

Хочешь не хочешь, пришлось горцу тридцать франков за обед заплатить. И осталось у него денег — всего ничего. Понял простак крестьянин, как подло его обманули, и побежал по улицам да площадям обманщика искать. Но того и след простыл.

Пришлось горцу ни с чем домой воротиться. Обеднел он с тех пор еще хуже прежнего. Так оно и бывает: за большим погонишься — малое потеряешь.

КАК ПТИЦЫ КОРОЛЯ ВЫБИРАЛИ

стародавние времена все вещи на свете могли разговаривать. У каждой был свой язык и свой голос. А уж о зверях и птицах толковать нечего: все они на собственном языке говорили и хорошо друг друга понимали.

Вот однажды решили птицы короля себе избрать. Не хотелось им дольше без правителя жить. Да только — кого? Как-то весенним утром слетелись они все из лесов и полей на совет: орел и зяблик, ворона и сорока, жаворонок, воробей и петух — всех и не счесть.

Даже кукушка, и та прилетела, не говоря уж об удоде и филине. Те раньше всех на совет явились. И сова прилетела. Сидит, с филином о чем-то шепчется. Только и слышно: «ух» да «ух»! И еще совсем маленькая птичка прилетела — крапивник. Такой он был невзрачный, все-то в крапиве прятался, и никто не знал, что его крапивником зовут.

Курица — так та и не ведала, что короля избирать будут. Видит, все куда-то спешат. Вот она и прибежала да диву дается: отчего столько птичьего народу слетелось? А как узнала, что короля выбирать будут, так и раскудаhtалась:

— Ко-ко-ко! Отчего меня не известили? Ко-ко-ко! Почему меня не пригласили?

Успокоил петух свою любезную несущку, рассказал ей, как дело было: дозваться ее с огорода не могли.

Стали птицы думать, кого владыкой избрать. Все сошлись на одном:

— Нашим королем будет тот, кто выше всех взлететь сумеет!

Решили в то прекрасное весеннее утро все птицы до одной в небо подняться, силами померяться.

Подали знак, и целая туча птиц взмыла в воздух. Крыльями хлопают, кричат.

Маленькие пташки — те скоро отстали и лететь уже не смогли. Большие выдержали дольше.

Однако никто с орлом сравниться не мог. Поднялся он в такую высь, что солнцу мог бы своими когтями глаза выцарапать. А как увидел, что другим птицам за ним не угнаться, подумал: «Зачем еще выше лететь, ведь все равно я уже король». Начал он на землю спускаться. И все птицы тотчас закричали:

— Ты — наш король, никому выше тебя не подняться.

— Кроме меня! — закричал крапивник.

Он-то в перьях на груди орла спрятался и с ним вместе в поднебесье взлетел. В такую высь! Но ничуть не устал. Когда же орел обратно на землю ринулся, крапивник еще выше поднялся, до самых туч. Сложил тут крылышки, вниз спустился и тонким писклявым голоском возвестил:

— Я — ваш король! Я — ваш король!

— Ты — наш король? — рассердились птицы и давай крапивника корить: — Коли б не твоя хитрость, не лукавство, ни за что бы тебе так высоко не залететь.

Сошлись тогда птицы на одном: тот королем станет, кто глубже всех в землю зароется.

Гусь широкой грудью оземь шлепается!

Петух клювом землю ворошит, ямку роет!

Хуже всех утке пришлось. Прыгнула она в ров, ножку подвернула и к ближнему пруду заковыляла, идет, с боку на бок переваливается.

А крапивник мышиную норку отыскал, шмыг туда и тонким писклявым голоском кричит:

— Я — ваш король! Я — ваш король!

Еще пуще птицы разгневались.

— Думаешь, твои хитрости да лукавство даром тебе пройдут?!

Поймали птицу-самозванца и решили до тех пор его в норке томить, пока он с голоду не помрет. А то еще суду предать. Пока же суд да дело, приставили к крапивнику в карульные совы, сторожить плутишку. Пусть глаз с него не сводит!

Лишь только настал вечер, улеглись птицы спать. Умаялись, когда в небо поднимались. Одна сова у мышинной норки на страже стоит, крапивника караулит. Глаз с норки не спускает.

Однако устала и она. Сидит — думает: «Ну уж один-то глаз

прикрыть можно. И одного глаза хватит, укараулю злодея!» Прикрыла один глаз, а другим на мышиную норку глядит — не отрывается.

Высунул крапивник головку из норки и хотел улизнуть, но сова ближе подступила, и он снова в норку спрятался.

Тогда сова снова один глаз открыла, другой закрыла. Так она и хотела целую ночь прокараулить — один глаз спит, другой смотрит. Но вот в какой-то миг смежила она один глаз, а другой так и не открыла, заснула. Крапивник тотчас это приметил и улетел. Только его и видели!

С той самой поры не дозволяется больше сове на белый свет глядеть. И как появится она днем, другие птицы за ней сразу гонятся да ее клюют. Потому-то она только в ночную пору летает. И мышей ненавидит. Ведь это они малую птичку — крапивника — в свою норку пустили!

А крапивник-пройдоха тоже неохотно на белый свет показывается. Бойтся, как бы птицы его не поймали. Он, как и прежде, больше в крапиве прячется или в щели заборов забивается, а когда думает, что кругом никого нет и никто его не видит, кричит:

— Я — ваш король!

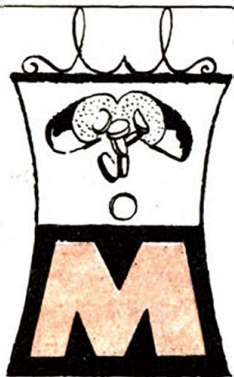
Теперь и другие птицы узнали, где он живет. Оттого-то дразнят его и в насмешку кричат:

— Эх ты, крапивник! Крапивник, крапивник! Подзаборный король! Крапивник!

Так за ним это имя и осталось: крапивник.

Но никто так не радуется, как жаворонок, что ему не надо крапивнику подчиняться. Только утром солнце выглянет, взмывает жаворонок ввысь и поет:

— Ах, до чего ж утро дивное! Дивное! Дивное! Дивное!
Ах, до чего ж утро дивное!

ХОРОШИЙ СОВЕТ ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

ного-много лет тому назад слушал бедняк крестьянин церковную проповедь. Вот пастор и говорит:

— Кто господу богу в долг даст, тому он стократ воздаст!

Обрадовался бедняк и, недолго думая, все, что у него было —

одну-единственную монету — в кружку у церковных ворот и бросил. Поверил: за одну монету бог ему целую сотню пошлет. Стал он ждать богатства. Год ждет, другой. Не дождался и решил по белу свету пойти: авось с богом встретится и о долге ему напомнит.

Оставил крестьянин дома жену, детей и отправился в путь. Шел он, шел и увидел большой сад. Остановился крестьянин у ограды, начал диковинные цветы да деревья разглядывать. И видит вдруг, что человек в саду, не жалеючи, тонкие деревца подрезает. Хоть не до смеху ему было, а расхохотался бедняк: до чего садовник бестолковый! Услыхал хозяин сада, что прохожий у ограды смеется, и спрашивает:

— Что смеешься?

— Как же не смеяться, — отвечает бедняк, — если люди так садовничают!

— Ты лучше умеешь? — спрашивает хозяин.

— Слишком долго прожил я на свете, так что знаю толк в этом деле, — отвечает крестьянин.

— Ну, может, зайдешь, свое искусство покажешь?

Не заставил себя бедняк дважды упрашивать. «На бога надейся, а сам не плошай, — подумал он. — Пошлет мне бог сотню монет, не пошлет — никто не знает. А тут, может, на работу наймут». Вошел он в сад, взял нож, да так ловко все деревца подрезал, что подивился хозяин его умению.

— Может, пойдешь ко мне в садовники? — спросил он.

— Отчего ж не пойти, — ответил бедняк, — если хорошую плату положишь да сытный харч.

— За этим дело не станет, — пообещал хозяин.

Взял он крестьянина в садовники и ни разу об этом не пожалел: очень бедняк старался, много сил на работу тратил. Расцвел сад всем на диво. Радуетса хозяин, гордится садом и садовником дорожит. А тому и труд его, и сад такое счастье приносят, что не замечает он даже, как время летит. Прошло несколько лет; садовник и не думает дальше идти. Однако заела его тоска по жене и по детям, по родной стороне, и решил он домой отправиться. Вот и говорит хозяину:

— Поработал я — и хватит. Отдай мне жалованье, какое положено, и распростимся.

Не хотелось хозяину его отпускать, ведь такого умелого да работающего садовника больше не найти! Садовник, однако, на своем стоит:

— Дорог мне сад и труд мой, только пора домой возвращаться.

Видит хозяин — ничего не поделаешь — и говорит:

— Ну что ж, ступай. Жалованья не жди. В награду за твое умение и за труд ничего я тебе не дам, кроме трех добрых советов. Во-первых, если не будешь знать, какую дорогу выбрать — старую или новую, непременно старой иди. Во-вторых, никогда в чужих домах не спрашивай: почему это так, а не этак, или же, что бы то или это значило. В-третьих, никогда ничего сгоряча не делай. Остынь сперва да послушай, что скажут.

Вечером завязал садовник свои пожитки в узелок и пришел к хозяину проститься. А тот ему большой пирог подает и говорит:

— Вот тебе от меня пирог на память. Только смотри, не разрежай его, пока не настанет для тебя миг самой великой радости.

— Благодарствую! — отвечает садовник.

Попрощался он и домой отправился. В карманах ни гроша, в котомке — пирог, на уме — советы хозяйские. И снова забота, как семью прокормить.

Не успел садовник шагу ступить, как его пышная карета нагоняет, а из кареты какой-то господин окликает и спрашивает:

— Не хочешь ли со мной поехать?

— Спасибо, — отвечает садовник и садится в карету.

Проехали они немного, и дорога на две разделилась. Заме-

тил садовник, что кучер по новой дороге ехать собирается, и дает совет:

— По старой дороге езжай!

Не захотел кучер по старой дороге ехать. Тогда садовник просит его:

— Останови лошадей. И спасибо!

Остановил кучер лошадей, вылез садовник, по старой дороге отправился. Шел он, шел, видит вдруг — старая дорога снова с новой сходится, а на перекрестке постоялый двор стоит. Вот он хозяина и спрашивает:

— Не проезжала ли здесь карета?

— Нет, не проезжала.

Не успели они словом перемолвиться, смотрят: лошади с оборванными постромками мчатся. Пошли они взглянуть, не приключилась ли беда какая, и тут же на дороге нашли господина, который в карете ехал. Лежит — весь израненный.

— Разбойники на карету мою напали, кучера убили, меня ограбили и изувечили, — рассказал он.

Обрадовался садовник, что первого совета послушался, и решил впредь хозяйским советам следовать. «Уж не волшебник ли он?» — подумал садовник про хозяина сада. На другой день отправился он дальше в путь, а вечером на одинокий трактир набрел и попросился там заночевать. Как же он, однако, испугался, когда выглянул в окошко и увидал, что во дворе человеческие руки и ноги повсюду валяются. Только было решился он трактирщику вопрос задать, как вдруг второй совет вспомнил. Слова у него на устах так и замерли! Ночью садовник от страха глаз не сомкнул. Чуть свет поднялся с постели и хотел было за постой заплатить, а трактирщик его спрашивает:

— Не чудно ли тебе показалось, что на дворе человеческие руки да ноги валяются?

Отвечает садовник:

— Не привык я в чужие дела соваться.

— Молодец! — хвалит его трактирщик. — Если бы ты меня спросил, тоже бы без руки или без ноги остался.

«Спасибо тебе за совет!» — поблагодарил про себя бедняк хозяина сада. Распрощался с трактирщиком и снова в путь отправился. Шагал он теперь вдвое быстрее, потому что родная его деревня была уже неподалеку. Пришел он в деревню и сперва на постоялый двор завернул. А постоялый двор как раз против его лачуги стоял. Выглянул садовник в окошко и видит: солдат в лачугу входит. Рассердился садовник. Еще бы! Жена его чуть ли не на шею солдату кидается! Хотел было он напрямик с постоялого двора в свою лачугу ринуться да солдата проучить. Но третий совет вспомнил.

Спрашивает он хозяина постоялого двора:

— Кто этот молодой солдат?

Хозяин ему в ответ:

— Брат вдовы той, что в лачуге живет. Домой он вернулся. Муж-то ее давно без вести пропал. Вот и радости у нее теперь только дети и брат родной.

Услыхал садовник эти слова и снова хозяина сада про себя поблагодарил: «Спасибо тебе за совет!»

На другой день был праздник. Устроили в деревне пир. И садовник вместе со всеми за большим столом сидел, но никто его не узнал. Пьют гости, едят, веселятся. Встает вдруг незнакомец и спрашивает:

— Неужто все меня забыли? Неужто никто меня не узнает? Даже ты, любезная моя женушка? Даже вы, дорогие мои детки?

Как закричат тут жена и дети в один голос:

— Ох, муженек мой любезный вернулся! Ох, батюшка наш дорогой вернулся!

Обнимает садовник жену и детей, а сам думает: «Радостней этого мига в моей жизни не будет. Послушаюсь я хозяина, разрежу пирог».

Достал он пирог из котомки, на стол поставил и резать стал. Но пирог оказался таким твердым, что ни один нож его не берет. Наконец разломился пирог на две половинки. И вот чудо! Покатились из пирога золотые монеты. То было жалование за садовничью службу. Обрадовались все. А садовник самому себе говорит: «Да, верно люди толкуют: «Хороший совет дороже золота». Мои же руки умные — и того дороже».

ХРУСТАЛЬНЫЙ КОЛОДЕЦ

ила-была в горах в старинном замке молодая девица. Красавица была, только уж больно горда. Сколько к ней женихов ни сваталось, всем отказывала. Да к тому же еще с насмешкой.

В один погожий летний день явился в замок юноша. Понравился он девице, однако не позволила ей гордость в том признаться. Чего он только не делал — и драгоценными подарками ее осыпал, и сказки сказывал, и песни пел — она всякий раз ему в своей руке отказывала. Как ни молил он ее, как ни просил, не хотела она стать его невестой, всякий раз одно лишь слово твердила:

— Нет!

Однажды вечером пошли они в лес к роднику — родник из-под скалы бил. И сказала девица:

— Знаю, что ты можешь мне ко дню свадьбы трон княжеский подарить. Только этого мало. Хочу, чтоб вместо скалы у родника ты воздвиг бы мне колодец из драгоценных камней. Тогда я стану твоей невестой. Но камни должны быть чисты, прозрачны, как вода родниковая.

На том и расстались.

А матушка того юноши могущественной волшебницей была. Рассказал он ей, чего девица от него требует. Взмахнула она волшебной палочкой, и в ту же ночь колодец из драгоценных камней у скалы появился. Переливался колодец всеми цветами радуги. И называли его в народе — Хрустальный.

На другое утро говорит девица юноше:

— Ничего не скажешь, хороший колодец ты по велению моему воздвиг. Только есть у меня еще одно желание. Колодец без сада мне не нужен, так что придется тебе вместо леса да колючего терновника в горах сад посадить. Тогда пойду за тебя замуж.

Рассказал юноша своей матушке, чего девица от него тре-

бует. Взмахнула волшебница палочкой — и все вокруг расцвело!

Как вечер настал, пришла девица к роднику. Села у Хрустального колодца, огляделась — кругом фиалки да розы алые распустились, дремучий лес цветущим садом обернулся. Покрылась земля цветами, в кустах птички запели. То-то красота!

У девицы сердце от радости так и затрепетало. Подошел к ней юноша, и захотелось ей невестой его назваться, но тут вдруг увидела она свой замок, и показался он ей до того старым, до того неказистым рядом с дивным садом и с драгоценным колодцем. Вот она и говорит:

— Хорош этот сад. Только есть у меня еще одно желание: хочу я вместо старого замка новый, да не простой, а весь из рубинов и жемчугов. Тогда пойду за тебя замуж.

Рассказал юноша своей матушке, чего девица от него требует. Разгневалась волшебница, палочкой своей взмахнула, и в один миг прекрасный сад как сквозь землю провалился. Вокруг снова дикие лесные заросли поднялись. И колодец вновь лесным родником стал.

Каждый вечер к лесному роднику прекрасная девица приходила, в тоске суженого своего ждала. Но он так и не вернулся. Поняла она: прихоти до добра не доведут. И если девица еще от тоски не умерла, так и поныне сидит у колодца, все ждет его. Только вряд ли дождется!

ДОМОВЫЕ

ил-был сапожник. Работящий он был, мастер хоть куда. Но пришли тяжелые времена, и так сапожник обеднел, что осталось у него кожи всего на одну-единственную пару башмаков.

Однажды вечером скроил он из остатков кожи башмаки, а утром собирался их сшить. Совесть его не мучила, лег он в постель и спокойно уснул.

Наутро собрался было сапожник за работу сесть. Глядь — стоят на столе два башмака из кожи, которые он вчера вечером скроил! Новехоньких, только-только сшитых! Подивился сапожник, не знает, что и думать. Взял он в руки башмаки, стал их рассматривать. До того ладно были они сшиты, ни один шовчик нигде не покривился. По всему видно: рука мастера их работала.

Вскоре к сапожнику покупатель явился. Так ему башмаки по ноге пришлись, что дал он за них хорошую цену. Сапожник на эти деньги кожи еще на две пары башмаков купил. Скроил он их с вечера, а поутру собирался за шитье взяться. Но и на этот раз не пришлось ему башмаки шить. Встал он, видит — башмаки уже готовы.

И покупатели не заставили себя ждать. Заплатили они сапожнику столько, что он на эти деньги кожи еще на четыре пары башмаков купил. Скроил мастер башмаки, а утром смотрит — уже четыре пары готовы. Так с тех пор и повелось. Скроит он с вечера башмаки, утром они готовые стоят. Был теперь у сапожника верный кусок хлеба, стал он жить в достатке.

Однажды вечером, под самый Новый год, собрался мастер спать ложиться и говорит жене:

— Что, если нам нынче ночью не ложиться да поглядеть, кто нам так помогает?

А жена его любопытная была. Зажгла она свечу, на стол

ее поставила, сама же с мужем в углу горницы за платями спряталась. И стали они караулить.

Только полночь пробило, выскочили откуда ни возьмись два пригожих маленьких голеньких человечка, уселись на столе, раскрытую кожу к себе придвинули и стали тачать. Крохотные их пальчики так и бегают, так и бегают; то ловко да быстро иголкой работают, то молотком стучат. Дивятся сапожник с женой, глаз от человечков отвести не могут. Ни минутки те не передохнули, пока башмаки не сшили. Стоят башмаки на столе, красуются. Вскочили вдруг человечки и исчезли неизвестно куда.

На другое утро жена и говорит:

— Человечки эти, верно, домовые. Они нам разбогатеть помогли. Надо бы их за доброту отблагодарить. Знаешь что, сошью-ка я им рубашечки, кафтанчики, безрукавки и штанишки. И каждому по паре чулочек свяжу. Ты же им по паре башмачков стачай, вот и приоденем их.

Муж ей в ответ:

— Хорошее дело придумала.

К вечеру у них все было готово. Положили сапожник с женой на стол вместо раскрытой кожи подарки, а сами спрятались. Хотелось им поглядеть, как домовые подарки примут.

В полночь откуда ни возьмись выскочили домовые и собрались тотчас за работу приняться. Но никакой раскрытой кожи на столе не нашлось. Зато видят — лежит там одежда разная, башмачки. Подивились домовые, а потом так обрадовались, сами не свои от счастья стали! Сапожник с женой оглянуться не успели, как натянули они на себя чулочки да башмачки, рубашечки да штанишки, жилетики да кафтанчики и запели:

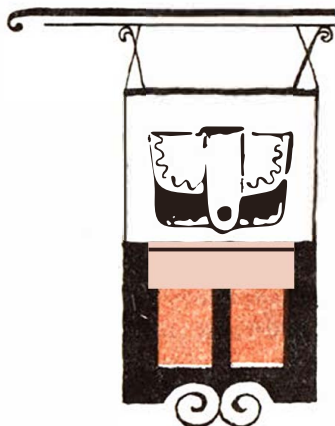
Ну разве не пригожи мы в нарядах даровых?

Никто не скажет «голые» теперь про домовых.

Стали домовые словно дети играть, веселиться и плясать. Потом поклонились в пояс и сказали:

— Спасибо этому дому, пойдем помогать другому.

Выскочили во двор и исчезли. Только их и видели. Ни разу больше не приходили. Однако зажил с тех пор сапожник припеваючи. И до конца дней своих домовых добром поминал.

КАК ПОДМАСТЕРЬЕ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЬ ГУЛЬДЕНОВ ДОБЫЛ

ришел однажды молодой парень к сапожнику в подмастерья наниматься.

— Много вас тут таких ходит, — говорит мастер. — На словах сапожники хоть куда, а как до дела дойдет, ничего не умеете.

— Испытай меня, — просит парень.

— Ладно, — согласился сапожник, — поглядим, умеешь ли ты сапоги тачать.

Сшил парень сапоги — загляденье. Обрадовался мастер и говорит:

— Работа у тебя спорится.

Ударили они по рукам, и нанял сапожник парня в подмастерья.

Вечером показал ему мастер каморку под самой крышей, где тот будет жить. Вошел подмастерье в каморку и дверь за собой запер. Разобрало сапожника любопытство, стал он в замочную скважину подсматривать. И видит — встал парень на колени, поклонился и говорит:

— Ну, господи, скажешь наконец, сколько мне еще молиться? Молюсь, молюсь, а все без толку. Никак у тебя девяносто девять гильденов не выпросить!

Сказал, поднялся с пола и спать лег. Мастер к себе пошел.

На другой вечер подглядел сапожник снова, как подмастерье на коленях стоит, кланяется, с богом беседует.

— Ну, господи, скажешь наконец, когда я от тебя сто гильденов получу?!

Решил сапожник с парнем шутку сыграть. Влез он на другой день на крышу и пробил дырку прямо в каморку, где подмастерье жил. Вечером снова слышит, как подмастерье у бога деньги просит. Взял тогда мастер кошелек, вышитый жемчугом, положил туда девяносто девять гильденов и опустил его в дырку. Упал кошелек на пол, а подмастерье и говорит:

— Поглядим, что там упало. Может, это господь бог наконец расщедрился.

Взял он кошелек, открыл его, стал деньги считать. Насчитал девяносто девять гульденов и ворчит:

— Эх! Хоть ты и господь бог, однако нечестный. Просил я у тебя сотню гульденов, а ты мне всего девяносто девять послал. Впрочем, кошелек, вышитый жемчугом, гульден стоит, так что, почитай, мы в расчете.

Сапожник всю ночь не спал: любопытство его разбирало — как подмастерье себя поведет?

Подмастерье засел с утра за работу, сапоги тачает, поет, насвистывает. Про деньги не вспоминает. Досадно стало мастеру, не выдержал он и говорит:

— Получил ты вчера вечером девяносто девять гульденов? Да еще кошелек, вышитый жемчугом?

— Верно! — отвечает подмастерье.

— Знаешь, откуда эти деньги?

— Знаю, от господа бога!

— Вовсе нет! — говорит сапожник. — Деньги эти от меня. Отдавай их теперь назад.

— Еще чего! — ухмыльнулся подмастерье. — Я богу молился, деньги выпрашивал, вот они на меня с неба и свалились.

— Отдавай деньги! — кипятится мастер.

— Ни за что! — ухмыляется парень.

— Я на тебя в суд подам! — грозит хозяин.

— Ну, напугал! — смеется подмастерье.

Мастер и вправду в суд отправился и сговорился с судейскими подмастерья своего разорить.

Позвали парня в суд. Подошел он к стряпчему и спрашивает:

— Может, знаешь какое средство, чтоб кошелек у меня остался?

— Поделишься со мной, дам хороший совет! — отвечает стряпчий.

— Ладно! — обещает парень.

Стряпчий был хитрюга. Знал он, что мастер с судейскими в сговоре, и решил над парнем посмеяться.

— Начнет тебя судья расспрашивать, — говорит он ему, — а ты знай себе посвистывай да правой рукой усы поглаживай!

Подмастерье совет его запомнил. Позвали парня в зал, и судья его спрашивает:

— Получил ты кошелек, вышитый жемчугом, и девяносто девять гульденов?

Парень в ответ только посвистывает да правой рукой усы поглаживает.

Бился с ним судья, бился, да все попусту. Устал он и говорит:

— Видать, этот подмастерье тронутый. Ничего с ним не поделаешь.

И как крикнет на него:

— Убирайся отсюда!

Не заставил подмастерье эти слова дважды повторять и выскочил из зала. А за дверью его уж стряпчий-плут догоняет. Он и сам не ждал, что работнику повезет, но решил за совет деньги получить.

— С тебя половина приходится! — говорит стряпчий.

Подмастерье в ответ лишь посвистывает да усы правой рукой поглаживает.

— Ах ты плут! — заорал в сердцах стряпчий. — Я тебе покажу!

Но парня уж и след простыл. Идет, радуется. Ловко же он двух плутов вокруг пальца обвел!

КТО ЛУЧШЕ СОВРЕТ

хал однажды помещик на прогулку, карету его упряжка вороных коней везла. Видит помещик — крестьянин поле пашет, и плуг его упряжка серых в яблоках коней тащит. Приглянулись помещику эти красавцы кони, и спрашивает он хозяина:

— Не поменяешься ли со мной? Твои кони куда больше к моей карете подходят, а мои — к твоему плугу!

— Может статься, — отвечает крестьянин. — Только мне мои кони хороши, твоих мне не надо.

Помещик не отстает, знает бубнит:

— Давай меняться, не то худо будет!

Наседал он, наседал. Надоело крестьянину слушать, он и говорит:

— Давай так сделаем: кто из нас лучше совет, тот чужих коней получит. Вместо одной, собственной упряжки станет у него две.

Обрадовался помещик, решил, что уж в этом-то деле он над крестьянином верх возьмет. Врать-то он был мастак!

— Тебе первому начинать, — говорит крестьянин.

Стал тут помещик рассказывать:

— У батюшки моего было семь табунов кобылиц. И столько они молока давали, что на молоке этом вместо воды семь водяных мельниц вертелись и все зерно в стране смалывали.

— Может статься, — отвечает крестьянин. — А у моего батюшки столько пчелиных ульев было, что он и сам им счет потерял. Проживи батюшка на свете пятьсот лет — и то ему их не сосчитать. Вот велел он мне как-то его пчел покараулить. А одна пчела вечером в свой улей не вернулась. Заметил это батюшка и послал меня пчелу искать.

«Пока пчелу не найдешь, домой лучше не возвращайся», — говорит. Бродил я по всему белому свету, пчелу искал, но нигде ее найти не мог. Собрался я тогда с духом, на небо

полез и все небесные ульи обыскал. Только нашей пчелы нет как нет. «Ну, — думаю, — не иначе она в аду». Спустился в ад, да снова попусту, и там пчелы нет. Опечалился я и обратно на землю поднялся. Иду по лесу, и как вы думаете, кого я там на лесной дороге увидал?! Мою пчелу! Запряг ее какой-то крестьянин в телегу вместо вола. Вола-то его волк задрал! Вот и заставил он мою пчелу телегу с хворостом тащить! «Эй, добрый человек! — закричал я. — Зачем ты мою пчелу в телегу запряг?! Ну-ка, выпрягай ее скорее!»

Послушался крестьянин, слова дурного не вымолвил. Видно, боялся, что достанется ему! Ну, взял я пчелу и вижу: натерли постромки ей рану на спине. Присыпал рану землей, и рана тут же зажила.

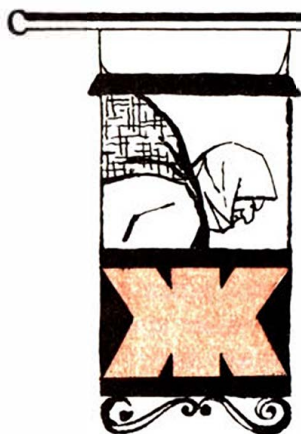
Увидал батюшка пчелу, до того обрадовался. И говорит: «Расскажи-ка, что ты на небе и в аду видел». — «Ну и диковин я там насмотрелся, — сказал я. — Поглядел бы ты, какие на небе порядки! Крестьяне за длинными столами сидят да сладкое вино попивают. Ну, а в аду помещики разгуливают, и черт их на вертеле по очереди поджаривает».

Не выдержал тут помещик и как закричит:

— Врешь! Врешь!

— Этого только мне и надо! — расхохотался крестьянин. — Значит, вороны — мои!

Досталась крестьянину упряжка помещичьих коней. А помещику пришлось самому в карету впрягаться и ее на себе домой тащить.

ДЕВИЦА У КОЛОДЦА

ила-была на свете старушка. Жила она в маленьком домике в горной глуши, пасла на вересковой пустоши гусей и, как могла, кормилась. А ту глухомань со всех сторон лес обступал. Каждое утро брала старушка клюку и ковыляла

в лес. В ее-то годы трудилась она там не покладая рук: траву для гусей косила, дикие груши да яблоки для себя собирала. Возвращалась старушка всегда с тяжелой ношей за плечами. Люди только диву давались: как это бабушка может столько нести?! А коли встретится ей кто по дороге, она приветливо с ним поздоровается:

— Добрый день, дорогой земляк! Хороша нынче погодка! Ты, поди, дивишься, что я траву на себе тащу. Так ведь у каждого свое бремя. Своя ноша не тянет!

Однако люди не очень-то любили с ней толковать. Как завидит ее кто, лучше изрядный крюк в сторону сделает, окольной дорогой пройдет, чтобы с ней не встретиться: ведьмой ее считали.

Однажды утром шел по лесу юноша. Солнышко светит, птицы поют, листву прохладный ветерок перебирает... Хорошо утром в лесу! Шел юноша, шел, и ни один человек ему по пути не встретился. Вдруг видит — стоит на коленях старушка, серпом траву срезает. Котомка у нее уже битком набита. А рядом с котомкой две корзинки стоят с дикими грушами да яблоками.

— Матушка, — подивился юноша, — как ты все это унесешь?

— Приходится носить, сударь! — отвечает старушка. — Детям богачей, ясное дело, этим заниматься не надо. А крестьяне-бедняки говорят: «С детства к ноше свой горб приучай!» Ты мне не поможешь? — спрашивает старушка. — Спина-то у тебя еще прямая, ноги молодые, ноша тяжела тебе не будет.

И домик мой недалеко отсюда. Вон за той горой, на вересковой пустоши. Не успеешь оглянуться, как туда придем.

Пожалел юноша старушку:

— Хоть с детства меня к труду и не приучали, однако я тебе с радостью помогу.

— Коли так, — отвечает старушка, — хорошо. Придется тебе часок по горам со мной побродить. И груши с яблоками на себе потаскать.

Как услышал молодец, что до старушкиного дома час пути, призадумался. Но старушка ему и опомниться не дала: взвалила котомку на спину, а обе корзинки в руки дала.

— Видишь, это совсем не тяжело, — говорит.

— Ну, и не легко, — отвечает он. Лицо его сразу сморщилось точно от боли. — Котомка так спину давит, словно она песком набита; яблоки и груши тоже, как камни. Едва дышу.

Юноша хотел бросить ношу, но старушка не позволила.

— Скажи-ка на милость, молодой не желает нести то, что столько раз на себе древняя старуха таскала. На слова-то все вы мастера, а как до дела доходит, так в сторону! Что стоишь, как истукан, ну-ка, пошли! Никто с тебя котомку не снимет.

Пока юноша по ровной дороге шагал, еще куда ни шло. Но только они к горам подошли и стали вверх карабкаться, вдруг у него из-под ног полетели вниз камни, покатались, будто живые. Вот тут-то он не выдержал.

— Матушка, — взмолился юноша. — Невмоготу мне больше. Хочу немного отдохнуть.

— Нечего болтать. Отдохнешь, когда к дому придем, — отвечает старуха. — А теперь — вперед. Кто знает, может, муки твои добром обернутся.

— Нет у тебя жалости! — говорит юноша.

Хотел он котомку с плеч скинуть, но сколько ни пытался, не смог, словно навечно она к спине его приросла. И вертелся он, и крутился, то так, то этак — не избавиться ему от котомки, и все тут!

А старуха над ним смеется:

— Не сердчай, сударь. Когда сердишься, лицо у тебя кровью наливается, как петушиный гребень. Не ровен час — лопнешь. Наберись-ка терпения. Домой придем — добрую награду получишь.

Что тут делать? Пришлось ему со своей судьбой смириться. Набрался он терпения, за старухой поплелся. Бредет по лесу,

и чудится ему, будто старуха все проворней да проворней бежит, а ноша его все тяжелей да тяжелей становится. Вдруг старуха подпрыгнула да на котомку сверху и уселась. И хоть была она сухонькая, точно хворостинка, а весила больше любого толстяка. Подкосились у парня ноги, задрожали колени. Поднялся он, но с места двинуться не может. Старуха же знай прутом да жгучей крапивой его по ногам нахлестывает, погоняет. Вздыхает юноша, охает, стонет, но ничего не поделаешь, надо вперед идти. Тащился он в гору, тащился и добрался наконец до старухиного домика. С ног чуть не падает, вот-вот сердце разорвется. У домика гуси ходят, гогочут, с ноги на ногу переваливаются.

Увидали гуси старуху, крыльями захлопали, шеи вытянули, ей навстречу бегут, гогочут:

— Га-га-га! Га-га-га!

За гусями следом женщина идет, хворостинку в руках держит. Сама уже в летах, рослая, сильная, а лицом как смерть страшна.

— Госпожа моя матушка! — говорит она старухе. — Приключилось с вами что по пути? Долго вы в горах задержались!

— Упаси бог, доченька, — отвечает старуха. — Ничего дурного со мной не приключилось. Скорей даже хорошее. Любезный господин всю мою кладь на своей спине принес. Подумать только! Притомилась я в пути, так он и меня на спину взвалил. И дорога нам долгой не показалась. Все мы разговаривали да шутили.

Спрыгнула старуха наконец на землю, котомку со спины юноши сняла, корзины взяла. Взглянула милостиво и говорит:

— Садись-ка на лавку у дверей, отдохни. Ты свою награду честно заслужил, а уж награда себя долго ждать не заставит.

Обернулась старуха к дочери:

— А ты домой ступай! Не годится тебе с молодым господином с глазу на глаз оставаться. Как бы он в тебя не влюбился!

Юноша сам не знал: то ли плакать, то ли смеяться. «Ну и «красавица», — подумал он про старухину дочку. — Будь она даже на тридцать лет моложе, и то я бы на нее не взглянул».

Старуха, меж тем, гусей гладит, ласкает, точно детей малых. Потом вместе с дочерью в дом пошла. А юноша лег на лавку под дикой яблоней. Теплынь, воздух свежий; вдали зеленый

луг простирается. Журчит прозрачный ручеек, в воде солнце отражается. Белые гуси в воде барахтаются.

— До чего хорошо! — сказал юноша. — Однако устал я, глаза сами собой закрываются, посплю-ка немного.

Поспал он, пока не явилась старуха и не растолкала его.

— Ну-ка, вставай! — сказала она. — Здесь тебе оставаться нельзя. Правда, рассердился ты на меня, зато получишь обещанную награду. Денег да добра тебе не надо, а вот возьми на память.

С этими словами сунула она юноше в руку изумрудную коробочку.

— Храни ее, — добавила старуха, — она тебе счастье принесет.

Вскочил юноша с лавки, будто и не устал он вовсе. Поблагодарил старуху за подарок и пустился в путь. На старухину дочку даже не взглянул. И еще далеко-далеко в горах слышал, как весело гогочут гуси.

Три дня, три ночи юноша в диких горах блуждал, пока на дорогу не выбрался. Пришел он в какой-то большой город. Никто его там не знает, и повели его в королевский замок, где на троне сидели король с королевой. Опустился он на колени, достал из кармана изумрудную коробочку и положил ее к ногам королевы. Повелела королева ему встать, взяла изумрудную коробочку, открыла, заглянула в нее и на пол упала. Лежит будто мертвая. Схватили юношу королевские слуги, хотели его в темницу бросить, но открыла королева глаза и воскликнула:

— Отпустите его и оставьте нас с глазу на глаз. Нам надо поговорить.

Как остались королева с юношей одни, стала она горько плакать.

— Живу я в роскоши. Да что толку в этом? Ведь каждое утро в тоске-печали просыпаюсь! Было у меня три дочери; самая меньшая такая красавица, что все ей, как чуду, дивились: бела как снег, румяна как яблоня в цвету, а волосы точно солнечные лучи! Когда ж заплачет, из глаз вместо слез жемчужины роняет. Вот минуло ей пятнадцать лет, и велел король всем трем дочерям пред троном предстать. Вошла меньшая дочь, будто солнце взошло. И молвил король:

— Дочери мои! Того не ведаю, когда мой смертный час придет. Потому хочу нынче же определить, что каждой из вас

после моей смерти достанется. Все вы меня любите, но та из вас, кто больше всех меня любит, самое богатое наследство получает.

— Я тебя больше всех на свете люблю! — говорит старшая.

— И я тебя больше всех на свете люблю! — вторит ей средняя.

— И я тебя больше всех на свете люблю! — повторяет меньшая.

А король им в ответ:

— Желал бы я услышать, как каждая из вас меня любит. Тут я ваши мысли и узнаю.

Старшая молвила:

— Батюшка мне любого заморского кушанья дороже!

Средняя сказала:

— Батюшка мне самого красивого платья дороже!

Меньшая промолчала.

Тогда отец ее спрашивает:

— Ну а ты, дитя мое, скажи, как ты меня любишь?

— Не знаю, — отвечает меньшая. — Не могу я любовь свою ни с чем сравнить.

Однако пришлось и ей слово сказать:

— Без соли самое лучшее кушанье невкусно. Потому-то ты, батюшка, для меня будто соль.

Услыхал такие речи король, разгневался:

— Коли я тебе точно соль, пусть наградою тебе тоже соль будет. Насолю я тебе так, что вовек не забудешь.

Поделил он королевство меж двумя старшими дочерьми. Младшей же велел мешок соли на спину привязать. А двум слугам — ее в дремучий лес отвести.

— Все мы за меньшую дочь молили да просили, — вспоминала королева. — Но никак нельзя было государев гнев смягчить.

Когда настал час нас покинуть, заплакала дочка, зарыдала. Всю дорогу в лес жемчужины усыпали. Вскоре, правда, раскаялся король в своей жестокости и велел по всему свету несчастное дитя искать. Только никому нашу дочь найти не удалось. Как подумаю, что дикие звери ее растерзали, от горя сама не своя. А порой себя надеждой тешу: может, она еще жива, может, где-нибудь в пещере укрылась либо у сердобольных людей защиту нашла. Когда я твою изумрудную коробочку открыла, вижу — в ней жемчужина лежит, похожая на

те, что дочь моя из глаз своих роняла. Сердце мое так и зашлось. Скажи, откуда у тебя эта жемчужина?

Рассказал тогда юноша о старухе, которая ему жемчужину подарила. Со старухой той дело нечисто, она, должно быть, ведьма. Королевской же дочери он не видел и ничего про нее не слышал.

Надумали тогда король с королевой старуху в лесу отыскать. Раз у старухи такая жемчужина оказалась, может, она и про их дочку знает.

Однажды вечером сидела старуха за прялкой и прядла при свете очага. Вдруг за дверью послышался шум: вернулись с выгона гуси. Вскоре в горницу старухина дочка вошла. Подсела она к старухе, взяла свою прялку и стала прядь, да так проворно, будто молодая. Трудились мать с дочерью два часа, словечком друг с другом не перемолвились. Вдруг над окном захлопали крылья — и два огненных глаза заглянули в горницу. То была старая сова. Трижды сова проухала:

— Ух, ух, ух!

Старуха чуть веки приподняла и говорит:

— Пора тебе, доченька, идти, настало твое время.

Поднялась дочка, вышла из горницы и пошла. Куда же она отправилась? Шла она по лугам, по полям, все дальше и дальше, пока не пришла в долину, к колодцу. А возле него три вековых дуба росли. Над горами уже ясный месяц поднялся, стало так светло, что хоть иголки собирай!

Подошла старухина дочка к колодцу, холодной водой умылась и такой красавицей стала! Вместо седой косы — золотые кудри по плечам рассыпались, словно лучи солнечные отсвечивают. Такие длинные, что прикрыли ее всю будто плащом. Глаза красавицы точно звезды в небе блестят, а щеки — будто яблоневый цвет. Только, видно, невесело было у нее на душе. Набрала красавица ковш колодезной воды, села на траву и горько заплакала. Слезы одна за другой из глаз на землю покатались. Так она, верно, долго бы еще просидела, но вдруг ветви ближнего дерева затрещали. Вскочила она, ковш с водой схватила и исчезла, будто огонек, что ветер задул.

Бежит она по дороге, как осиновый лист дрожит, а старуха ее у дверей избушки поджидает. Хотела было девушка рассказать, что с ней у колодца приключилось, а старуха засмеялась и говорит ласково:

— Я все знаю!

Повела она дочку в дом, зажгла лучину, но за прялку больше не села. Достала метлу и стала горницу подметать.

— Матушка, — подивилась девица, — зачем вы в такой поздний час за работу принялись? Что вы такое задумали?

— А ты знаешь, какой нынче день и час? — спрашивает старуха.

— Еще полночь не ударило, — отвечает девица, — но одиннадцать уже пробило.

— Разве ты запомнявала, — продолжала старуха, — что сегодня ровно три года минуло с того дня, как ты ко мне явилась? Больше нам вместе не быть. Нельзя!

Испугалась девица и говорит:

— Ах, милая матушка, неужто и вы меня гоните? Куда же я пойду? Нет у меня ни друзей, ни родного дома. Ведь я всегда вас слушалась. Не гоните меня.

— Мне тут, милая, жить не дольше твоего осталось, — говорит старуха. — И раз я отсюда уйду, чистоту навести надо. Так что не мешай мне. О себе не печалься, крыша над головой у тебя будет. Ну, а платой за службу останешься довольна.

— Скажите мне, матушка, какая судьба меня ожидает? — спрашивает девица.

— Толкую тебе, толкую — не мешай работать. Пойди в светелку, умойся колодезной водой, шелковое платье надень, то, что на тебе было, когда ко мне явилась. Сиди у себя в светелке, пока не позову.

Теперь настала пора снова про короля с королевой рассказать. Отправились они вместе с юношей старуху на вересковой пустоши искать... Однако молодец ночью от них в лесу отбился, и пришлось ему дальше одному идти. Не стал он короля с королевой дожидаться. Хотелось ему поскорее королевскую дочку найти, ведь о красоте и доброте ее слава по всему свету шла.

На другой день показалось ему, будто он верно дорогу отыскал. Шел, шел, пока темно стало. Видит, забрался он в дикие лесные дебри. И только подумал, что никак ему отсюда не выбраться, как видит — колодец. Взобрался тут юноша на вековой дуб и решил до утра подождать. Лишь только месяц всю окрестность осветил, увидел молодец, как кто-то с горы спускается, и тотчас же старухину дочку узнал.

«Ну вот, — подумал он. — Одна ведьма явилась, значит, и другая близко».

Как же он удивился, когда она подошла к колодцу, умылась — и золотые кудри у нее по плечам рассыпались. Таких красивых волос он в жизни своей не видывал. Сидит юноша на дереве — не дышит. Только шевельнулся, ветки затрещали, девица и исчезла. Спустился он с дерева — видит: у колодца жемчужины рассыпаны. Понял он, что девица эта и есть королевская дочь.

Стало светать; видит юноша — по лугу бредут король с королевой. Рассказал он, что с ним случилось, и поспешили все к старухиному домику.

Подходят — вокруг домика гуси сидят; спрятали головы под крылья, спят. Ни один не шевельнется. Заглянули путники в окошко — старуха за прялкой сидит. А в горнице так чисто, будто там неземные духи живут, те, что ни пылинки на ногах принести не могут. Но старухиной дочки в горнице нет. Постучались путники тихонько, однако старуха тотчас услышала, словно их поджидала.

— Ну, заходите, заходите. Знаю я, кто ко мне в окошко стучится, — говорит.

Вошли король с королевой в горницу, а старуха им:

— Не пришлось бы вам в такой дальний путь пускаться, в глушь забираться, коли б вы свое родное дитя не обидели. Беды с вашей дочкой не случилось, вреда-то вы ей никакого не причинили. Три года пришлось ей гусей пасти. А чтобы злые люди красоте ее не завидовали, пришлось в дурнушках походить. Зато сердце ее добрым осталось, и теперь она еще краше станет. Вы же в наказание три года в страхе да в раскаянии жили!

Подошла старуха к дверям светелки, кликнула:

— Выходи, доченька!

Двери открылись — и вышла из светелки королевская дочка. Платье на ней шелковое, кудри золотые на плечи падают, глаза как звезды на небе.

Подошла девушка к отцу с матерью, бросилась к ним на шею со слезами; и они от радости плачут. Как увидела она, что юноша рядом с ними стоит, зарделась, точно роза. Отчего — сама не знает.

— Дитя мое любимое, королевство свое я все роздал и подарить мне тебе больше нечего, — говорит король.

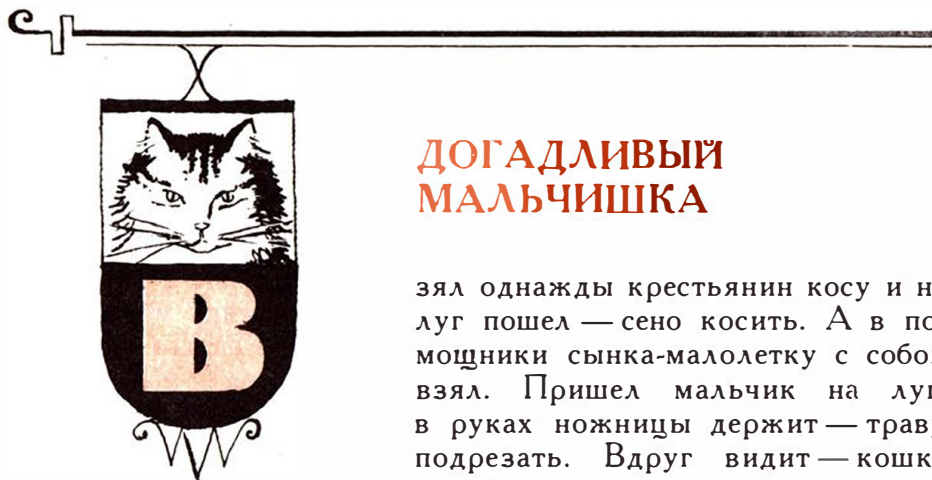
— Ничего ей не надо, — отвечает за девушку старуха. — Подарю я ей слезы; названная моя дочь их из-за вас запла-

кала. Слезы эти — жемчужины, и они дороже всего вашего королевства. А в награду за верную службу отдам ей свой домик.

Сказала и исчезла. Затрещали тут стены домика, и превратился он в королевский замок; там уж и стол в зале накрыт, и слуги туда-сюда снуют, вино-мед в кубки разливают.

Сказка была бы длиннее, только бабушка моя, которая мне ее поведала, слаба памятью стала. И что дальше — забыла. Наверное, повенчались прекрасная девица с тем юношей, да и остались в старухином замке навсегда, и жили долго и счастливо. А белые гуси прекрасными девушками обернулись и служанками молодой королевы стали. Старуха же вовсе не ведьмой была, а волшебницей, мудрой и доброй.

Королева больше никогда не плакала и жемчужин из глаз не роняла. Да и то сказать, коли бы так в мире повелось, что вместо слез у людей жемчужины падали, так и бедняков бы давно на свете не было.

ДОГАДЛИВЫЙ МАЛЬЧИШКА

заял однажды крестьянин косу и на луг пошел — сено косить. А в помощники сынка-малолетку с собой взял. Пришел мальчик на луг, в руках ножницы держит — траву подрезать. Вдруг видит — кошка на обочине; она из дому за ним увязалась. И захотелось мальчику кошке усы подстричь. Схватил он ее и примеривается, как бы половчее их отхватить. Увидал отец, что сынок делает, кинулся к нему, ножницы из рук выхватил, да и говорит:

— Ах ты дрянной, негодный мальчишка! Баловник ты этакий! Не смей этого делать! Коли кошке усы отрежешь, она мышей ловить не сможет.

Мальчик отцовские слова крепко запомнил.

Вскоре собрался крестьянин в город и сынка с собой захватил. А навстречу им усатый монах идет. Увидел его мальчонка, да как закричит:

— Глянь-ка, отец, глянь-ка! Вот он, видать, мастер мышей ловить!

ХИТРОУМНЫЙ ПОРТНЯЖКА И МЕДВЕДЬ

ил-был на свете злой и жестокий король. По всему миру молва о его злодеяниях шла. Решила однажды добрая и справедливая волшебница короля наказать и сказала ему:

— За твои грехи будет наказана твоя дочь! Только она за

порог замка выйдет, глаза у нее сами собой закроются — и она ослепнет. И будет слепой до тех пор, пока кто-нибудь из жителей страны не отгадает, какие два особых волоска у принцессы на голове растут. Но это еще не все. Если отгадает кто загадку, придется ему ночь в клетке со страшным медведем провести. Тогда лишь я заклятие с принцессы сниму.

Не поверил король волшебнице. Но все получилось так, как она говорила. Выйдет, бывало, принцесса из замка и тут же слепнет. Так что под конец перестала она покидать свои покои. В замке-то принцесса хорошо видела. Издал тогда король такой указ:

— Кто загадку отгадает, кто грозного медведя одолеет, быть тому мужем принцессы и королем всего государства.

Стали отовсюду смельчаки в замок являться. Однако никому было загадку не отгадать. А если б кто и отгадал, навряд ли осмелился с медведем один на один в клетке остаться.

Жили в той стране три брата — бедные портные. Решили они счастья попытать. Особенно младшему хотелось стать королем. Ростом он не вышел, да и лицом был некрасив. Странствовал портняжка по свету, счастья искал, голодал, холодал.

— Уж ты-то и не пытайся, — разозлились двое старших. — Ума у тебя — кот наплакал!

Все же пошли они втроем в королевский замок, и провели их к прекрасной принцессе. Увидала она портняжек и давай хохотать! Многие доблестные рыцари счастье пытали, но никому не удалось ее руку получить. На что же эти-то три уродца

надеются? Смотрит принцесса на них во все глаза. Верно ведь говорят: замуж выходи — в оба гляди.

— Прочитай загадку! — сказала она своему пажу.

Тот начал читать:

— Кто из вас может отгадать, какие два особых волоска на голове у принцессы растут?

Слово взял самый храбрый из портняжек.

— Один волосок — рыжий, другой — черный!

— Нет! — расхохоталась принцесса.

Настал черед второго портняжки:

— Один волосок русский, другой — льняной.

— Ну нет! — засмеялся паж.

Вышел тут вперед младший и говорит:

— Один волосок — золотой, другой — серебряный.

Поблуднела принцесса, на ноги вскочила.

— Теперь ступай к медведю в клетку! — велит она.

— Ведите меня к медведю, — расхрабрился портняжка. — А чтобы время скоротать, захвачу я с собой скрипку и орехи.

Завидно стало братьям: ведь младший загадку отгадал! Вот они и позлорадствовали:

— Не спасут тебя от медвежьих зубов ни орехи, ни скрипка.

Заперли портняжку в клетку к медведю. А он на медведя и не глядит. Сидит себе, орехи пощелкивает. Разобрало медведя любопытство, он и спрашивает:

— Ты чего это, человеке, делаешь?

— Орехи ем, хочешь угоститься?

— А они вкусные?

— Еще бы!

— Давай сюда! — зарычал медведь.

Только портняжка ему вместо орехов пригоршню мелких камешков протянул. Стал медведь изо всех сил камни зубами щелкать, да все зубы до единого и обломал. Радуетя портняжка и думает: «Не удастся тебе меня загрызть».

Ну и рассвирепел медведь! Как же это так? Он да орехи не разгрызет! Зарычал медведь и наступает на портняжку. Схватил тот свою скрипку и заиграл. Да так славно, что остановился медведь, заслушался и спрашивает:

— Что это у тебя, человеке, в руках?

— Скрипка, любезный друг-медведь!

— Покажи, как ты играешь?

— Очень просто, глянь-ка!

Посмотрел медведь и спрашивает:

— А плясать под твою скрипку можно?

— Еще как можно! Ну-ка, попробуй!

— Ладно! Только играй погромче!

Заиграл портной, а медведь на задние лапы встал и пустился в пляс. Плясал, плясал, пока от усталости не свалился.

— Послушай-ка, человек, притомился я, научи меня теперь играть.

— Да нет, ничего у тебя не выйдет!

— Как это ничего у меня не выйдет? Коли ты, такой хилый да слабый, играть выучился, так я и подавно сумею!

— С такими длинными когтями, как у тебя, играть не выучишься, — говорит портной. — Погляди, какие у меня короткие ногти!

— Ну, так отрежь мне когти, дурень! — злится медведь.

— Сейчас, ножницы только достану, — обещает портняжка.

И прикинулся он, будто ножницы в кармане ищет. Искал он ножницы, искал, пока медведь от усталости не заснул. Обра-

довался портняжка и тоже спать улегся. Правда, от медведя подальше.

Рано поутру открывает королевский паж дверцу в клетку и видит: спят и портняжка и медведь крепким сном.

Как узнала принцесса, что портняжка жив-здоров, горько заплакала. Не хотелось ей за маленького да уродливого портняжку замуж идти. Правда, радовалась она, что может теперь из замка выйти, на белый свет посмотреть. Радовалась и тому, что портняжка, хоть собой и неказист, оказался таким хитроумным да смелым. Сыграли они свадьбу.

Стал портняжка правителем мудрым и добрым. А как нарядили его в красивое платье, видят — молодец молодцом. Тут полюбила его принцесса.

Ну, а что с медведем случилось? Вот что. Когда стал портняжка королем, велел он медведя в большую клетку посадить. Каждый день давали медведю пригоршню орехов, а слуги их ему кололи. И скрипач ему не меньше двух часов в день на скрипке играл.

ГЕЙНЦ-ЛЕНТЯЙ

ыл Гейнц такой лентяй, что лишнего шагу ступить не хотел. А уж собственную козу на лугу пасти — хуже работы ему и не придумаешь. Так он вздыхал, так стонал, когда после дневных трудов домой возвращался!

— Ну и трудно же, — говорил он, — из года в год с ранней весны до поздней осени козу пасти! Добро бы на выпасе поваляться и поспать можно было. Так нет, гляди в оба, чтоб проклятая скотина молодые деревья не объела, через живую изгородь в сад не пролезла или вовсе не удрала. Нет, тут не до покоя! И жизнь не в радость!

Уселся однажды Гейнц на лавку, с мыслями собрался и стал раздумывать, как бы ему от такого тяжелого труда избавиться. Думал, думал и придумал!

— Теперь я знаю, что делать! — закричал он. — Женюся-ка я на толстухе Трине, пускай она вместе со своей козой и мою пасет, тогда мне больше мучиться не придется.

Поднялся Гейнц, потянулся и поплелся напрямик, где поближе. Ни к чему себя утруждать! Постучался он в домик, где жили родители толстухи Трине, и говорит:

— Хочу я вашу дочь в жены взять. Такая она работающая, такая скромная.

Не стали родители толстухи Трине мешкать и тут же свое согласие дали, побоялись, как бы Гейнц не раздумал. «Рыбак рыбака видит издалека», — подумали они.

Стала теперь толстуха Трине женой Гейнца-лентяи и каждое утро на лужок обеих коз выгоняла. Гейнц же как сыр в масле катался: отдыхал он теперь не от трудов, а разве что от безделья.

Раздобрел Гейнц, в дверь с трудом пролезает. Правда, случалось порой и ему за порог дома выходить. Но всегда он при этом говорил:

— Стоит потрудиться, как отдых потом еще приятней будет! А не то, не ровен час, и охоту к нему потеряешь.

Только и впрямь были Гейнц-лентяй и толстуха Трине два сапога — пара. Она-то ничуть не меньшей лентяйкой была. Вот и надоело ей коз пасти, пока Гейнц дома лежит да прохлаждается.

— Милый муженек, — говорит она. — С какой это стати нам без нужды молодые годы отравлять, жизнь работой укорачивать? Не лучше ли обеих наших коз соседу отдать? Как начнут они поутру мекать, так сна будто и не бывало. А по утрам сон всего слаще. Мы соседу коз отдадим, он нам за них — улей пчелиный. Поставим улей за домом на солнышке и ни беды, ни забот знать не будем.

— Разумом ты не обижена, — важно молвил Гейнц. — Хорошо придумала! Да и мед куда вкуснее козьего молока, и хранится он дольше.

Пошли Гейнц-лентяй с толстухой Трине к соседу, тот им за двух коз пчелиный улей отдал. Пчелы, знай себе, с утра до вечера взад-вперед летают, мед собирают. Так что к осени оказался у Гейнца целый кувшин душистого меда.

Поставили муж с женой кувшин на полку над кроватью. Боялись, как бы кто мед не украл, или как бы мыши его не съели. Вот и завела толстуха Трине на всякий случай большую ореховую палку — воров да мышей отгонять. Поставила она ее рядом с кроватью, чтобы легче дотянуться и коли придется непрошенных гостей проучить. Теперь-то и толстуха Трине целый день бока себе пролеживала. Стала она вдвое толще прежнего и едва ноги переставляла.

Гейнц-лентяй, так тот до обеда с кровати не поднимался.

— Рано вставать, — говаривал он, — добро терять.

Однажды, когда на дворе уже ясный день был, а Гейнц еще на перине валялся, говорит он жене:

— Женщины все — обжоры известные, да и ты не прочь медком полакомиться. Лучше его продать, а на вырученные деньги гуся с гусенком сторговать.

— Только прежде чем птиц заводить, — строптиво сказала толстуха Трине, — нужен нам подпасок-мальчишка, чтобы гуся с гусенком пасти. Стану я с гусями мучиться да силы попусту тратить! Как же, жди!

— Неужто, по-твоему, мальчишка станет гусей пасти? — спрашивает муж.

— Ничего, — отвечает жена. — Пусть только посмеет меня не послушаться. Возьму хворостину да так его огрею! Глянь-ка, муженек, как я его тресну!

Схватила она ореховую палку, которой собиралась воров да мышей отгонять, и как размахнется! Только на беду ударила толстуха Трине кувшин с медом, ведь он на полке над кроватью стоял. Разбила кувшин, и разлетелись черепки во все стороны, а весь мед на пол вылился.

— Вот тебе и гусь с гусенком! — сказал Гейнц. — И пасти их не надо. Повезло, однако, что кувшин мне на голову не свалился. Радуйся!

И вдруг увидел он в одном черепке остаток меда, потянулся за ним и говорит веселый да довольный:

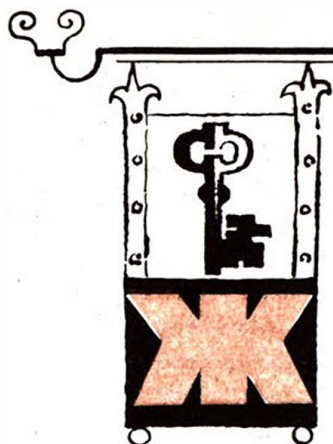
— Полакомлюсь-ка я остатком меда — и на боковую. После такого переполоха и отдохнуть не грех. Беды не будет, коли я нынче чуть попозже встану. День-то куда какой длинный!

— Да, — отвечает толстуха Трине. — Спи, все равно спешить некуда!

Что же дальше с этими двумя лентяями случилось? Да ничего особенного. Работать они не желали, день-деньской спали да отдыхали. Проели они все, что у них было, а потом с протянутой рукой по миру пошли.

Иные же толкуют, будто до того они оба от безделья растолстели, что в свиней превратились. Ходят по двору да хрюкают:

— Хрю-хрю, работать не хочу! Хрю-хрю, поваляться в луже хочу!

ТАИНСТВЕННОЕ ПОДЗЕМЕЛЬЕ

ил-был в давние времена кузнец, и служил у него в подмастерьях бедный сирота. Бранил его кузнец чуть не каждый день: то не так, это не так. Потом и вовсе от места отказал и прогнал со двора.

— Собирай свои пожитки и убирайся! Ты мне больше не нужен!

Подмастерье ни слова хозяину не сказал: знал, что с кузнецом не поспоришь. Собрал он после обеда все свои немудреные пожитки, а когда с узелком из дому выходил, увидел, что перед кузницей шпага лежит. Шпагу эту кузнец одному солдату чинил. Не понравилась солдату его работа, и бросил служивый шпагу. Думает подмастерье: «Чего она тут зря валяется? Возьму-ка я ее с собой, шпага всегда пригодится»..

Взял он шпагу, пошел по белу свету бродить, ходит и спрашивает:

— Нет ли работы?

Но работы нигде не было. А если добрые люди на пути не встречались, то и с пустым кошельком да на голодный желудок шел.

Вот однажды, когда подмастерье снова про работу спрашивал, указали ему люди графский замок на горе и сказали:

— Попробуй туда сходить. Пастух им требуется. Авось счастье тебе улыбнется. Только знай, не очень сладко пастухам в том замке живется. Выгон на горе заколдованный, и никто графское стадо пасти не берется..

Не стал подмастерье больше слушать, пошел к графу в пастухи наниматься. Принял его граф ласково и рассказал, что на горном выгоне у него будто бы привидения водятся и многие пастухи от службы отказались.

— Коли ты ко мне в пастухи наймешься, — говорит, — я тебя щедро отблагодарю. Только смотри, гляди в оба, ско-

тину на заколдованный выгон не пускай! Пусть рядом на лугу пасется.

— Ладно, — соглашается подмастерье, — пойду в пастухи.

Уговорились с графом о плате, и на другой день погнал подмастерье в первый раз стадо на пастбище. Пошел с ним слуга и показал тот луг, где можно скотину пасти. А дальше уже заколдованный выгон начинался! Непривычное дело для подмастерья — коров пасти: одна налево бежит, другая — направо, знай поспевай за ними. В беготне день быстро пролетел; к вечеру умаялся пастух так, что еле ноги волочил.

На другой день — не лучше того. Не захотела скотина на лугу пасти: трава там низкая, жесткая — и попыталась украдкой на заколдованный выгон перебежать, где трава высокая да сочная. Только и дела теперь у пастуха скотину на заколдованный выгон не пускать. День-деньской метался он с одного края пастбища на другой и к вечеру совсем с ног сбился. И думает: «Да, ничего себе работенка! У кузнеца тоже ремесло не из легких, но уж лучше день и ночь по наковальне молотом стучать, чем в таком месте скотину пасти». На ночь глядя, собрал пастух стадо и домой погнал. Рад-радехонек до постели добраться и отдохнуть.

На третий день все было так же. На четвертый, когда пастух за скотиной набегался, надоело ему все до смерти, и подумал он: «Ну что такого на том выгоне? Трава там густая, никого не видно. Пушу-ка я туда голодную скотину. Наедятся коровы досыта, сами назад прибегут!» Только пастух кнут в сторону отложил, как все стадо на заколдованный выгон перебежало. Не успел оглянуться, как коровы уже в высокой траве пасутся, а потом одна за другой на землю улеглись; быстро на тучном пастбище наелись!

Растянулся и пастух на солнышке, делом занялся: из дерева дудочку вырезал.

Вдруг загремели, зазвенели бубенчики да колокольчики. Оглянулся пастух, видит: бежит стадо, а за ним страшный дракон летит. Спрятался пастух за ближней сосной и шпагу свою вытащил. Пропустил он стадо мимо, но только страшный дракон к нему приблизился, замахнулся пастух и одним ударом дракону голову отсек. Грохнулось чудище оземь, так что все вокруг задрожало.

Поглядел пастух на дракона и видит: на шее у него железный ключик привязан. Взял ключик, в надежный тайник

спрятал. Дракона же в пропасть сбросил, чтобы никто о нем не узнал.

Пригнал пастух стадо домой, запер в хлев, сам спать улегся и никому про дракона ни словечком не обмолвился.

На другой день снова погнал он стадо на пастбище. Пустил скотину пастись где хочет, а сам в траве разлегся, на дудочке играет. Когда вечер настал, услышал пастух вдруг снова, как загремели, зазвенели бубенчики да колокольчики. Видит — стадо его с горного выгона бежит, а за стадом дракон о двух головах летит. Спрятался пастух за сосной, шпагу свою вытащил, пропустил стадо мимо, но только страшный дракон к нему приблизился — замахнулся и одним ударом обе головы ему отсек. Видит пастух: на шее дракона серебряный ключик привязан. Взял ключик и в надежный тайник спрятал. Дракона тоже в пропасть столкнул.

На третий день все то же случилось. Заиграл пастух на дудочке, и стадо на заповедный выгон побрело. Как вечер настал, видит пастух — мчатся коровы с пастбища наперегонки. Бубенчики гремят, колокольчики звенят, за стадом дракон о трех головах гонится. Спрятался пастух за сосной, шпагу свою вытащил. Пропустил стадо мимо, но только страшный дракон приблизился, замахнулся и одним ударом все три головы дракону отсек. Смотрит на шее дракона золотой ключик привязан. Спрятал пастух и этот ключик в надежный тайник. Дракона же в пропасть сбросил, чтобы никто о нем не узнал.

На четвертый день привел пастух скотину на выгон и пустил кормиться, где ей захочется. День прошел спокойно, и вечером погнал пастух стадо домой.

Так с той поры и повелось. Каждый день стадо на заповедном выгоне паслось! Стала скотина тучной, рослой; люди только диву давались. И жил пастух припеваючи! Лежал на травке под сосной да на дудочке играл.

Вот однажды лежит пастух под сосной, видит — из земли какая-то железка торчит. «Что бы это значило?» — думает. Стал землю раскапывать и вдруг железную дверцу увидал. «Как же эту дверцу открыть?» — думает пастух. Вспомнил он тут про три ключика и вытащил их из тайника. Вставил сперва в скважину золотой ключик, дверца не отворилась. Вставил серебряный — опять не отворилась. Только он железный ключик в скважину вставил, дверца так и отскочила.

Смотрит — подземелье. Спустился пастух в подземелье, а там большой зал. А у кормушки конь в железной сбруе стоит. Рядом на стене железные рыцарские доспехи висят.

Прошел пастух в самый конец зала и увидел там серебряную дверцу. Вытащил он золотой ключик, хотел было дверцу отворить, но не подошел к замку золотой ключик. Достал серебряный. Серебряный сразу дверцу отворил. За дверцей — большой зал. А у кормушки гнедой конь в серебряной сбруе стоит. Рядом на стене серебряные рыцарские доспехи красуются.

В самом конце этого зала отыскал пастух дверцу из чистого золота. Отворил он ее золотым ключиком. Переступил порог и очутился в зале. А у кормушки там белый конь в золотой сбруе стоит. Рыцарские доспехи на стене тоже чистого золота.

Оглянулся пастух по сторонам, все как следует разглядел и решил назад вернуться. Дверцы одну за другой запер, и с тех пор частенько в заветное подземелье наведывался, но ни единой душе про него не рассказывал.

А у хозяина-графа была красавица дочка. В гости к нему всё князья да рыцари наезжали ее руки просить. И не знал он, кому дочку в жены отдать. Велено было тогда по всей стране возвестить: кто на графской дочери жениться хочет, должен ее на рыцарском турнире завоевать. И день турнира назначили.

Услыхал про это пастух и думает: «Может, и мне счастье выпадет?»

В назначенный день съехались в замок рыцари. Кони и доспехи у всех — загляденье. А один рыцарь в железных доспехах на вороном коне прискакал.

Вышла графская дочь из замка, на высокий помост встала, в руках букет цветов; так чтобы все красоту ее видели. Затрубили герольды и возвестили:

— Пусть рыцари по кругу скачут, и кто до букета первым дотронется, тот невесту домой увезет!

Поскакали рыцари. Но вороной конь быстрее других бежал. Так что сумел рыцарь в железных доспехах букет из рук невесты взять. С завистью другие рыцари на счастливицу глядели. А он дал коню шпоры и прочь ускакал: это был графский пастух. Вернулся он на горный выгон, коня в стойло отвел, железные доспехи снял. Вечером стадо домой погнал, будто ничего и не случилось.

Букет пастух тайно графской дочери отдал, однако не сказал, откуда он его взял.

Так неделя за неделей шла, а жених-победитель все не объявлялся. Ждал граф, ждал — и велел повсеместно возвестить, что снова будет турнир. Снова в назначенный день немало рыцарей-красавцев в замке собралось — счастье и умение попытать. Среди них один в серебряных доспехах на гнедом коне красуется. Вышла графская дочь из замка с букетом цветов в руках и снова на высокий помост встала. Начались скачки, и впереди всех рыцарь на гнедом коне мчался. Выхватил он букет из рук девушки и прочь ускакал. Вернулся пастух (а это, ясно, он был) на горный выгон, коня в стойло отвел, серебряные доспехи снял. И снова стадо до вечера пас.

Букет пастух опять тайно графской дочери отдал, однако и тут не обмолвился, где он его взял.

Ждал граф, ждал, что победитель объявится. Но и на этот раз жених за невестой не явился. Решил тогда граф третий турнир устроить. На этот раз среди других красавцев рыцарей явился и рыцарь на белом коне в золотых доспехах.

Встала прекрасная девушка с букетом в руках на помост и дала знак, что можно турнир начинать. Рыцарь в золотых доспехах впереди всех мчался и цветы из рук ее выхватил. Ускакал он прочь, и никто ведать не ведал, откуда он взялся. А пастух (это он был) вернулся на горный выгон, коня в стойло отвел, золотые доспехи снял. Вечером опять стадо домой пригнал.

Букет пастух и на этот раз тайно графской дочери отдал и ничего не сказал.

Снова граф напрасно ждал, что жених явится. Ну и гневался он! Победителя последними словами честил! Вдруг узнал граф, что дочери его всякий раз цветы назад возвращают. Позвал ее к себе и спрашивает:

— Кто тебе букет назад отдавал?

— Да пастух, батюшка, всякий раз цветы мне приносил. До чего же он хорош собой! Очень он мне понравился!

Как услышал граф слова дочери, разобрало его любопытство. Велел он пастуха позвать и спрашивает:

— Признавайся, от кого ты букеты для моей дочери получал?

— Никто мне цветы не давал, я сам всякий раз их на честном турнире добывал.

— Почему же ты ко мне не пришел? — спрашивает граф. Пастух ему в ответ:

— Ведь не может графская дочь женой простого пастуха стать. Не хотел я, чтоб она силой за меня шла. Хотелось мне, чтоб она меня полюбила.

Говорит ему граф:

— Не по душе мне дочь за пастуха отдавать, но слово свое сдержу. — Ты — жених моей дочери. И ей ты по сердцу!

У пастуха словно гора с плеч свалилась. Он девушку ведь с первого взгляда полюбил.

Стали в замке к свадьбе готовиться, немало гостей созвали. Вот и день свадьбы настал. Пируют гости за столом и спрашивают жениха:

— Где же ты взял такие дорогие доспехи и таких скакунов?

Рассказал им пастух про трех драконов, про ключики, которые нашел, про потайное подземелье. После свадебного обеда повел бывший пастух графа и гостей к заветной сосне, железную дверцу отворил, впустил всех в подземелье. Вошли они в первый зал, где все было из железа. Тут вдруг вороной конь графу говорит:

— Я прадед твой и горный выгон у прадеда этого пастуха оттягал, за это и наказан.

Вошли они во второй зал, где все было из серебра. Заговорил гнедой конь:

— Я дед твой и с прадедом заодно был.

Вошли они в третий зал, где все было из золота. Тут белый конь графу и говорит:

— Я отец твой, хоть правду знал, да молчал. Не хотелось мне горный выгон законному хозяину отдавать.

Исчезли все три коня, а граф с женихом и гостями в замок воротился. Сколько времени они там еще пировали, про это я не знаю. Одно известно: когда граф умер, хозяином в замке стал пастух. Был он добрым, справедливым, и все в округе его почитали.

ЖАДНЫЙ ПАСТОР

ил-был некогда на свете пастор, И было у него полей, лугов и лесов не счесть сколько! В пасторских свинарниках полно жирных свиней, в коровниках — молочных коров, а на конюшне — рослых коней. Жить бы пастору да радоваться!

Но нет, был он такой жадный, что все ему мало! Все на чужое добро зарился, другим людям завидовал! Ни один работник, ни одна служанка долго у него в доме не заживались.

Неподалеку от пасторской усадьбы стояла лачуга бедного крестьянина. И было у него земли так мало, что никак крестьянин и его три сына не могли прокормиться. Пришлось старшему службу искать. А в ту пору пастор опять работника прогнал и стал старшего сына крестьянина к себе в усадьбу нанимать.

— В обиде не будешь, — говорит ему пастор. — Плату получишь хорошую. Только уговор такой: не ворчать и не жаловаться, а не то плакали твои денежки!

Пастор был не только жадный, но и хитрый. И уговор такой он придумал, чтобы работникам ни единого талера не платить.

Принялся парень за дело. Работал он день-деньской не покладая рук, а как вечер настал, умаялся, проголодался, сил нет! Только он сел ужинать, встает вдруг младший пасторский сынишка и говорит:

— Хочу погулять!

Пастор крестьянскому сыну и велит:

— Погуляй с ним! Даром я тебе, что ли, деньги плачу!

Делать нечего, пришлось работнику с младшим пасторским сыном гулять идти. Только они назад вернулись, среднему сыну гулять захотелось, а потом и старшему. Нагулялись они наконец вволю и домой вернулись. Глядь — на столе ни крошки хлеба нет. Пришлось парню голодному спать ложиться.

На другой день послал его пастор свиней пасти. Пасет работник свиней, а сам ждет не дождется, когда его обедать позвонят или на выпас обед принесут. Но не тут-то было! Уж и солнце село, а никто за ним не приходит. Вечером только он ужинать уселся, как пасторские детишки снова гулять захотели. И на этот раз работнику поужинать не довелось. На третий день его опять ни завтраком, ни обедом не накормили. Не выдержал он, стал ворчать да жаловаться. Прогнал его пастор со двора и ни единого талера не заплатил.

Вернулся парень домой и все отцу рассказал. Не поверил сыну старый крестьянин и давай его ругать:

— Ах ты, обжора! Избаловался дома на даровых харчах!

И послал к пастору среднего сына. Но и с тем то же было. Через три дня прибежал он домой. Отругал парня отец и послал к пастору третьего сына. А звали его Ганс. Все-то Ганс по-своему делал, никого не слушался и часто попадал впросак. Потому-то люди и прозвали его Ганс-Простофиля.

Обрадовался Ганс, что из дому вырвется и станет сам себе хозяином. Отец же от него толку не ждал. Думал, что младший сын в первый же день от пастора сбежит.

Пастор, понятное дело, пытался Ганса, как и старших братьев, перехитрить. Да не на такого напал! Ганс был куда хитрее. Прежде чем вечером с пасторским сынишкой гулять пойти, он миску едой набил и с собой ее захватил. И со вторым и с третьим сынишкой, когда они гулять попросились, все так же было: наелся Ганс досыта.

А утром, перед тем как пойти свиней пасти, отправился Ганс на кухню, набрал хлеба с колбасой, масла с ветчиной столько, что еще и с другими работниками на выгоне поделился.

Сидят они на лугу, пируют, а мимо мясник идет, да и спрашивает Ганса:

— Не продашь ли свиней?

— Отчего не продать, — отвечает Ганс, — если хорошую плату за них положишь.

— По рукам! — говорит мясник.

Отдал он Гансу кошелек, битком набитый талерами, и только хотел свиней с собой увести, как Ганс его спрашивает:

— Можно, я хвостик от самой жирной свиньи себе оставлю?

— Ладно! — отвечает мясник.

Отдал он Гансу свиной хвостик и погнал свиней к себе домой.

Не успел мясник скрыться из виду, как Ганс подошел к песчаной яме, да там хвостик и зарыл. Один лишь кончик из ямы торчит. Оглядел Ганс свою работу и вдруг поднял такой шум и крик, словно черти его на вертеле жарили.

Прибежал на шум пастор да и спрашивает:

— Чего орешь? Что с тобой стряслось?

— Ох, хозяин! — кричит Ганс, надрывается. — Свиньи-то все в песок зарылись! Глянь-ка, ни одной не видать! А от самой жирной свиньи лишь кончик хвоста остался.

Кинулся пастор к песчаной яме, а Ганс ему вслед кричит:

— Осторожней, хозяин! Смотри, хвостик не оторви!

Но было поздно: схватился пастор за хвостик и вытащил его из ямы. Стоит и разглядывает. Сам от злости весь трясется. Хвостик-то есть, а свиньи не видать!

— Теперь прощай! — говорит пастору Ганс. — Свиней у тебя больше нет, и делать мне у тебя нечего. Помнишь наш уговор? Парень я веселый, не ворчу, не жалуюсь. Так что подавай мне плату за верную службу.

Ничего тут не поделаешь. Пришлось пастору выложить Гансу деньги. Отправился тот домой рад-радехонек!

— Нет, гляньте-ка на этого плутишку! — удивился старый крестьянин. — Неужто он жадного пастора вокруг пальца обвел и деньги с него получил?! Ну и ну! С этого дня никто моего младшего сына больше не будет звать Гансом-Просто-филей.

Так оно и было!

КАК ДОЧЬ КОРОЛЯ ВСЕ ВОКРУГ ВИДЕЛА

ила-была в горном замке прекрасная королева. И был в том замке высоко-высоко под самой кровлей зал с двенадцатью окошками. Не простые были те окошки, а волшебные. Из первого окошка ви-

дела королева лишь малую часть своего государства, из второго — чуть побольше, из третьего — еще больше, из четвертого — еще и еще... Зато из двенадцатого она видела все-все, что творится в ее королевстве — на земле и под землей.

Вот однажды прочитали глашатаи на площади такой указ:

— Королева выйдет замуж за того, кто ловко спрятаться сумеет. А если она жениха отыщет, он за это головой заплатится!

Немало нашлось охотников счастья попытать. Но никому не удалось спрятаться. Девяносто семь молодцов голову сложили. А королева рада-радешенька! Не хотелось ей замуж идти!

И вот явились в замок три брата, сыновья одного крестьянина. Первым спрятался старший. Влез он в яму под высоким дубом. Но королева его из самого первого окошка заметила. Велела слугам вытащить юношу из ямы и жизни лишить.

Средний брат в подвале замка спрятался. Но и его королева из самого первого окошка увидала. Кликнула она слуг, схватили те молодца и тут же жизни лишили.

Настал черед младшего брата прятаться.

Вошел он к королевне, статный да пригожий. И стал ее просить:

— Любезная королева, дай мне один день сроку. Надо подумать хорошенько, где спрятаться. И подари мне жизнь дважды! Ну, а если и в третий раз не посчастливится, не стану я жизнью дорожить!

Был младший брат так хорош собой, что сердце ее смягчилось.

— Будь по-твоему! — говорит.

А сама думает: «Все равно ничего у тебя не выйдет!»

Настал день, который королева младшему брату на раздумье подарила. Но как он голову ни ломал, так ничего придумать и не смог. И не знал, куда ему лучше спрятаться.

Взял тогда парень ружье и пошел в лес на охоту. Увидел на дереве ворону, прицелился и хотел курок спустить. А ворона ему:

— Не стреляй, я тебе отслужу!

Послушался парень и дальше пошел. Шел, шел и на озеро набрел. Видит — рыба огромная, плавает по озеру, плещется! Прицелился парень, хотел курок спустить. А рыба ему:

— Не стреляй, я тебе отслужу!

Послушался парень и дальше пошел.

Шел, шел и встретил лиса, который на переднюю лапу припадал. Прицелился парень и хотел курок спустить. А лис ему:

— Иди-ка лучше сюда, помоги мне колючку из передней лапы вытащить!

Послушался парень и вытащил у лиса из лапы колючку. Видит лис, что парню хочется его убить, шкуру с него содрать, и говорит:

— Не убивай меня, я тебе отслужу!

Послушался парень и дальше пошел. Ни разу в тот день так и не выстрелил!

На другой день настал его черед от королевы прятаться, а куда — не знает. Пошел он в лес к вороне и просит:

— Дай совет! Куда мне спрятаться, чтобы дочь короля меня не нашла?

Думала ворона долго-долго и наконец прокаркала:

— Пр-р-р-идумала! Сп-р-р-р-ячу-ка я тебя в яйцо!

Вытащила ворона яйцо из гнезда, на две половинки его разломала и туда парня спрятала. Потом снова обе половинки вместе сложила, яйцо в гнездо спрятала, сама сверху уселась.

Подошла дочь короля к первому окошку. Глянула — ничего не видать! Ко второму подошла — ничего! К третьему, четвертому — ничего! Тут она испугалась! И в пятом, шестом, седьмом, восьмом, девятом, десятом окошке так ничего и не увидела. А в одиннадцатое глянула и увидела парня в вороньем гнезде.

Приказала королева ворону убить, яйцо из гнезда до-

стать, парня оттуда вытряхнуть. Предстал он перед ней, а она ему и говорит:

— Дарю тебе жизнь в первый раз!

На другой день пошел парень в лес, к озеру, кликнул рыбу и просит:

— Дай совет! Куда мне спрятаться, чтобы дочь короля меня не нашла?

Думала рыба долго-долго и наконец рот разинула:

— Придумала! Спрячу-ка я тебя к себе в брюхо!

Проглотила его рыба и глубоко-глубоко на дно озера опустилась.

Стала королева во все окошки по очереди глядеть. Только и в одиннадцатом она парня не увидела. Испугалась, кинулась к двенадцатому окошку, глядь — он на дне озера.

Приказала королева рыбу убить, а крестьянского сына из брюха ее достать. Предстал он перед ней, а она ему и говорит:

— Дарю тебе жизнь во второй раз! Но берегись! В третий не пощажу. С головой простишься!

Опечалился парень, пошел в последний раз к лису и просит:

— Дай совет! Куда мне спрятаться, чтобы дочь короля меня не нашла?

Покачал лис в раздумье головой и говорит:

— Задал ты мне задачу! Но погоди! Придумал. Иди за мной!

Пошли они к волшебному роднику. Нырнул лис в воду и обернулся торговцем, что зверюшек да птиц продает.

— Теперь ныряй ты! — велит.

Нырнул парень в воду и обернулся сурком золотистым. И сказал ему лис, что дальше делать. Направились они в город, и стал торговец на площади зверюшек да птиц продавать. Только никто на них и не смотрел, всем хотелось на сурка поглядеть. Народу сбегалось тьма-тьмушая. Королева тоже пожаловала и решила сурка купить. Согласился торговец и сурку шепчет:

— Не забудь же, как королева к двенадцатому окошку подойдет, в косу к ней спрячься!

Унесла королева сурка в замок. И вспомнила, что пора ей крестьянского сына искать. Подошла она к первому окошку, ничего не увидела, разгневалась, ногой топнула да так

створкой окошка хлопнула, что только стекла посыпались! Подошла ко второму окошку и тоже ничего не увидела. Разгневалась она, ногой топнула да так створкой окошка хлопнула, что осколки далеко-далеко полетели. Все окошки переколотила, одно двенадцатое осталось. Испугалась королевна: вдруг и в двенадцатом ничего не увидит?! Прощай тогда ее девичья свобода!

Пошла королевна к двенадцатому окошку, а сурок не приметно в косу к ней спрятался. Но и в двенадцатом окошке королевна парня не увидела. Хлопнула она тогда створкой так, что замок весь содрогнулся, а изо всех окошек тысячи осколков посыпались.

Вдруг видит: в косе у нее сурок прячется! Схватила его королевна, да как об пол в сердцах швырнет, как закричит: — Прочь с глаз моих долой!

А сурку только того и надо было. Побежал он к торговцу, и поспешили они оба к волшебному роднику. Нырнул торговец в воду — и снова в лиса превратился. Нырнул сурок — и снова парнем обернулся. Поблагодарил он лиса и говорит:

— Куда вороне и рыбе с тобой тягаться!

Обрадовался лис, что добрый молодец его хвалит, и спрашивает:

— Неужто ты на такой злюке королевне женишься?

А парень хотел было в замок пойти, да раздумал: зачем ему такая жена?

— Ни за что на королевне не женюсь, — отвечает он.

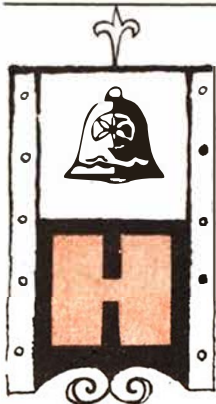
Лис ему и говорит:

— Помогу тебе еще раз. Вот золотое зерно. Посеешь его и каждый год будешь со своей земли урожай богатый собирать. Только не ленись, работай в поле на совесть. Земля труд любит.

А парню крестьянский труд не в новинку, работающий он был. Вернулся домой, засеял с отцом свое маленькое поле, а урожай такой сняли, что сразу разбогатели, да еще земли прикупили.

Выбрал парень себе невесту по сердцу — пригожую, добрую да работающую — и зажили они счастливо.

А королевская дочь и до сих пор жениха не нашла. Ходит от окошка к окошку, все вокруг высматривает. И до того тоскливо ей на свете живется! Охотников жениться на ней все нет как нет!

КОБОЛЬД

а постоялом дворе в Альпах служил один работник, бездельник и гуляка. Послал его однажды хозяин в деревню, овец пригнать. Идет тот, вдруг — глядь: лежит на дороге блестящий овечий колокольчик. Стал работник в колокольчик изо всех сил звонить. И такой переливчатый, серебряный звон услышал! Тут из-за скалы седой горный человечек, кобольд, явился и печально так спрашивает:

— Чего тебе надо? Чего ты меня вызваниваешь, глупец ты этакий?

Но парень не из робкого десятка был. Он тут же и отвечает:

— Ступай откуда пришел, а меня оставь в покое! Я тебя не звал и ничего мне от тебя не надо!

Однако кобольд от него не отставал; он все бежал и бежал за ним следом. Наконец устал и говорит:

— Знаешь что? Подари мне твой колокольчик!

Не хотелось работнику колокольчик старичку даром отдавать.

— А что я за него получу?

— Я тебе клад покажу, сокровища несметные! — обещает кобольд.

— Только покажешь? Ну, нет! И отдашь тоже! — потребовал парень.

— Ладно! — согласился кобольд и повел его в глубь гор.

Видит парень — шахта, а рядом с ней — другая. В шахте — камни какие-то лежат.

— Одна шахта — моя, другая — твоя! Из твоей можешь унести домой камней сколько захочется. Но никому ни слова об этом, — велит кобольд.

— Да это ж обыкновенные камни! — заартачился работник.

Кобольд ему в ответ:

— Камни эти с серебряными прожилками; покажи их сведущим людям, по-другому заговоришь!

Набил парень карманы камнями и пошел в плавильню. А там говорят:

— Вовсе это не камни, а руда, богатая серебром!

И отсчитали ему за камни двадцать гульденов. Воротился работник к шахте и отдал кобольду колокольчик, а тот, не долго думая, колокольчик в шахту бросил. Услыхал работник серебряный звон, подивился, что хозяин шахты так колокольчиком распорядился, и спрашивает его:

— Отчего же ты такой драгоценный колокольчик в шахту бросил? Ведь ты мне за него дорого заплатил.

Кобольд ему в ответ:

— Чтоб дурак и бездельник, вроде тебя, его не нашел. У кого в руках этот колокольчик, тому я должен служить. Так что радуйся награде; тебе она даром досталась. Мои камни тебя обогатят. Но только запомни поговорку: «Ешь пироги с грибами, да держи язык за зубами!»

Вымолвил кобольд эти слова и исчез в шахте.

Стал работник украдкой камни из своей шахты таскать. Таскал, таскал, пока не сделался самым богатым человеком в округе. Но никогда никому не рассказывал, откуда его богатство взялось. Крепко-накрепко запомнил он поговорку кобольда.

Оттого что богатство работнику легко досталось, не пошло оно впрок. Пуще прежнего стал он разгульную жизнь вести, бражничал, дебоширил, и понеслась о нем дурная слава. Когда же он жениться надумал, ни одна, даже самая бедная, девушка не захотела за него замуж выйти.

Напился он однажды с горя и выболтал все одному другу: и про колокольчик, и про кобольда из горной шахты. Вдруг слышит — где-то вроде серебряный колокольчик звенит. Да так чисто, так звонко! Испугался работник, хмель с него будто рукой сняло. Побежал он к своей шахте, но там и крошки руды с серебряными прожилками нет. И шахта кобольда тоже исчезла.

Неоткуда было больше парню драгоценные камни брать. Работать он не умел и вскоре в нищету впал. И то сказать: редко бывает, чтоб незаслуженное богатство счастье приносило.

ОСЕЛ И МЕЛЬНИК

днажды сидели два нищих на обочине проселочной дороги. Устали они, притомились. Ведь шли издалека, да еще на спине по мешку орехов, что им добрые люди дали, тащили.

Видят они — идет по дороге какой-то старик, толстый, краснолицый, на поводке за ним ослик бежит. Старик тот был мельником, а на мельнице без осла не обойтись. Вот и купил мельник на ярмарке в соседнем городке осла.

Нищие, что у дороги сидели, знали: мельник хитрец, плут, за помол большие деньги берет, да еще крестьян обвешивает. И надумали его проучить. Вот один нищий и говорит:

— Глянь, как этот обманщик по дороге шагает. Идет, даже не оборачивается. А что, если поводок обрезать и осла увести?

— Хорошо бы, — отвечает ему другой. — Это только справедливо будет. Отомстим ему за бедняков, которых он на мельнице обирает. Давай сделаем так: я обрежу поводок и уведу осла. Ты же за обрывок поводка ухватишься, и когда мельник тебя заметит, такие небылицы начнешь плести, что другому и не приснится. Кто-кто, а ты это умеешь.

Сказано — сделано! Минуты не прошло, а дружки уже поводок обрезают и осла увели. Уцепился один нищий за обрывок поводка и затрусил по дороге вслед за мельником. Через полчаса устал нищий и пошел чуть медленнее. Обернулся мельник и хотел было ослика хлыстом огреть, чтоб тот побыстрее двигался. Но вот так чудо! Видит мельник, что тянет он на поводке вместо купленного осла какого-то оборванца. От удивления у него глаза на лоб полезли.

— Это еще что такое? — кричит он. — Вот чудеса!

— Ясное дело, чудеса! — смеется нищий. — Послушай-ка, любезный, я тебе расскажу, как все это получилось.

Уселись нищий с мельником на травку, и нищий начал:
— Тому уже несколько месяцев, как приключилась со мной беда. За мои грехи превратил меня один волшебник в осла. Но нынче настал срок моего избавления, и я снова человеком обернулся.

— Избави бог от такого наказания, — говорит мельник. — Я и ведать не ведал, что такие наказания за грехи бывают. Ты уж прости меня, любезный друг! Ведь я тебя несколько раз хлыстом стеганул, когда на ярмарке купил, а ты упирался, не хотел за мной идти.

— Ничего, всякое бывает, — отвечает ему нищий. — Стало быть, таково мне наказание за вину.

На том они и расстались. Отправился нищий восвояси, а мельник домой пошел.

Идет — сам не свой от злости: ведь деньги, что он за осла отдал, пропали!

Меж тем нищий к дружку вернулся. Тот его уже давно с ослом и двумя мешками орехов дожидался. Взяли нищие мешки ослу на спину и отправились в ближайшую деревню.

По пути встретили они крестьянина, остановились и завели с ним беседу. Предложили нищие крестьянину их осла дешево купить. И хоть осел крестьянину был вовсе ни к чему, ударил тот с нищими по рукам. Уж больно выгодной сделка ему показалась!

Вернулся крестьянин с ослом домой, а наутро повел его на ярмарку. Не успел крестьянин оглянуться, как осла у него барышник сторговал. И заработал крестьянин на этой сделке немало.

Нищие тем временем выручку за осла меж собой поделили. Смеялись они до слез, радовались, что мельника-ворюгу проучили!

Спустя две недели отправился мельник снова на ярмарку. На мельнице-то без осла — прямо зарез! Видит мельник — стоит барышник, а рядом с ним — осел. И до того этот осел похож на того, который в нищего превратился.

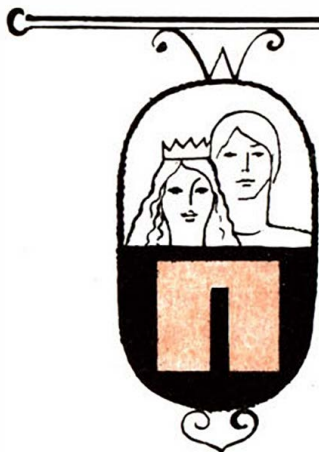
Подивился мельник: неужто так бывает, чтоб два осла были как две капли воды друг на друга похожи? Подошел мельник к ослу, оглядел его со всех сторон. Верно: тот самый, собственный его осел и есть! Хлопнул его мельник ласково по спине и прошептал на ухо:

— Что, снова ослом обернулся? Опять нагрешил? Ну и греховодник же ты, как я погляжу!

Ослик не привык, чтоб ему ухо щекотали, и замотал головой.

А мельник ему говорит:

— Нечего головой мотать да отнекиваться. Ведь я правду сказал. Нет, уж теперь дудки, любезный! Больше тебя ни за что не куплю. Второй раз меня не проведешь!

ТРИ СВИДЕТЕЛЯ

равил некогда в одном королевстве король, и были у него сын с дочерью. А в том же королевстве жил бедный старьевщик, и был у него один-единственный сын. Такой умный, что весь белый свет обойди, другого такого не сыщешь. И за-

хотелось ему отцовское дело забросить и стоящему ремеслу выучиться. Но никто его в ученье не брал, все только отговаривались:

— На что он мне? Отец его тряпье собирает, доходы у него никудышные: еще задолжает мне за ученье.

Случилось так, что сын короля захворал и умер. Опечалился старый король, стал дочери жаловаться:

— Нет у меня наследника! Кому государство передать, когда глаза закрою?

— Что ты говоришь, батюшка! — разобиделась принцесса. — Я-то жива! И могу не хуже брата государством править.

— Ты-то можешь, — молвил король, — только ничего из этого не выйдет. Нет, я знаю средство получше: выдам тебя замуж, и пусть твой муж после мой кончины будет королем.

— Меня замуж выдашь? — закричала, заплакала принцесса. — Неужели ты думаешь — я за того пойду, кого ты выберешь?!

— Не плачь, дитя мое, — говорит король, — не стану я тебя неволить, выберешь себе жениха сама!

— Хорошо, отец! Только уговор такой: жених должен быть не глупее меня.

— Будь по-твоему, — сказал король.

— Но это еще не все, — продолжала принцесса. — Будь он хоть семи пядей во лбу, не пойду за него, коли он трех свидетелей не выставит, что он и по рождению мне ровня.

— Согласен! — говорит король.

И издал король указ: «Кто умом и рождением моей дочери ровня, тот ее в жены возьмет и станет королем всего государства». По всей стране глашатаи королевскую волю возвестили. Услыхал сын старьевщика королевский указ и говорит отцу:

— Сыт я по горло твоим ремеслом. Бегаешь день-деньской с мешком по домам, а вечером выручку подсчитаешь и увидишь — на кусок хлеба и то не заработал. Нет, надоела мне такая жизнь! Пойду-ка посватаюсь к королевской дочери.

— Да ты никак ума лишился! — испугался старьевщик. — Она тебе такое скажет, что у тебя в ушах зазвенит — и придется тебе подобиру-поздорову из замка убираться.

— Напротив, батюшка, ума мне не занимать, и я это докажу.

— А толку? Кого ты в свидетели призовешь, что ты ей по рождению ровня?

— Это уж моя забота!

Собрался юноша и отправился в своем старом, рваном платье в королевский замок.

Остановили его у замка караульные и спрашивают:

— Кто такой? Чего надо?

А он в ответ:

— Ступайте к принцессе и доложите: явился один человек, хочет ее в жены взять.

Созвал король весь свой двор и приказал ввести жениха.

Ну и зашумели, ну и зашумукались придворные, когда увидали сына старьевщика в его рваном платье. Но тот прикинулся, будто ничего не замечает.

Подвели юношу к трону, поклонился он королю, а принцессе чуть головой кивнул.

Задело это ее, усмехнулась она и говорит:

— Видать, хозяин твой не знает, каковы обычаи при королевском дворе. Такого неотесанного слугу в замок послал! Обхождение твое ничуть твоего камзола не лучше.

— Мой камзол дороже твоих роскошных платьев и твоего драгоценного убора!

— Как так?

— Чтобы купить это тряпье, я три недели в поте лица трудился. А сколько трудилась ты, чтобы купить свои шелковые платья, золотые браслеты и алмазные перстни?

Потупилась принцесса, сидит — глаз не поднимает. И никак понять не может, что ж такое получилось? Ведь это она

должна была нищему старьевщику вопросы задавать! Так почему же он ее спрашивает? Не стала она на вопрос его отвечать, только молвила:

— Мог бы быть поучтивей!

Он же ей в ответ:

— Чистосердечие дороже учтивости!

— Коли ты такой чистосердечный, скажи: отчего ты моему отцу ниже, чем мне, поклонился?

— Ну, — отвечает юноша, — кто хочет девушку в жены взять, не должен раньше времени ей голову под каблук подставлять.

— Как ты смеешь моей любви добиваться?

— Любви я буду добиваться потом, сейчас я добиваюсь твоей руки.

— Сдавайся! — закричал король дочери. — Он умнее тебя! Принцесса от злости даже покраснела.

— Будь он хоть в сто раз умнее, — говорит, — все равно пусть докажет, что он мне по рождению ровня. Не то не видать ему меня, как своих ушей. Ведь я королевская дочь!

— Это ровно ничего не значит! — ответил он. — А я — сын старьевщика!

Совладала с собой принцесса, поглядела спесиво на юношу и говорит:

— Как же ты собираешься доказать, что сын старьевщика достоин дочери короля?

— Я трех свидетелей привел.

Расхохоталась тут принцесса: ведь этот бессовестный парень один пришел, рядом с ним никого нет, кто бы мог ему помочь!

— Свидетелей? — переспросила она. — А где же они?

— Мои свидетели здесь в зале. Честные, правдивые свидетели, которые ни разу в жизни не солгали. Это — солнце, воздух и земля.

— Ладно! — согласилась королевская дочь. — Признаю их свидетельства. Пусть солнце начинает.

Подошел юноша к высокому окну тронного зала и раздвинул тяжелые шелковые занавеси. Солнечные лучи в зал так и хлынули! Попросил сын старьевщика принцессу рядом встать, показал ей на их тени на белом мраморном полу, и сказал:

— Вот что говорит солнце: «Будь королевская дочь достой-

ней сына старьевщика, я бы ее тень куда ярче и красивей нарисовало. Но ее тень ничуть от его тени не отличается».

— Ладно, пусть теперь воздух скажет, — приказала принцесса.

Влез парень на лавку, потом на пол прыгнул. И просит принцессу тоже на пол прыгнуть. Дочь короля, известное дело, к такому не приучена. Прыгнула она и упала.

Усмехнулся юноша, помог принцессе встать и сказал:

— Вот что говорит воздух: «Будь королевская ддчь достойней сына старьевщика, я бы поднял ее ввысь — и полетела бы она, как бабочка. А она возьми да и упади».

Принцесса была девица гордая; она виду не подавала, что ушиблась, и спросила:

— Ну, а каково свидетельство земли?

И до того робко слова ее прозвучали!

— Земле куда больше времени надо, чтобы свидетельство дать. Лет этак тридцать после нашей смерти, не менее. И тогда засвидетельствует она, что оба мы превратились в прах.

Сказал юноша, а в зале стало так тихо, что слышно было, как сердце королевской дочери стучит. Опустила она глаза и задумалась; король же то на дочь, то на сына старьевщика глядит.

Подняла вдруг принцесса голову, и все увидели, что лицо ее еще краше прежнего стало.

— Хороших ты свидетелей привел, — молвила она. — Их слово вовек не забуду. Поняла я: ты не только умнее, но и добрее меня. Раз так, пусть светит нам одно и то же солнце! Будем дышать одним и тем же воздухом! А как настанет час, вместе умрем! Но пусть это будет не скоро.

Протянула принцесса юноше руку. Сыграли они свадьбу, и стал сын старьевщика мудрым, справедливым правителем, и народ его любил. А жили они с принцессой в радости да счастье до конца дней своих.

И ТЕПЛО, И ХОЛОД

глухой лесной чаще жил некогда махонький старичок лесовичок, который ни разу в жизни не видел человека. Но вот однажды явился в лес дровосек и стал деревья рубить. Услыхал лесовичок стук топора, подошел к дровосеку и стал

приглядываться, чего это он делает?

А дело было зимой, в лесу — лютый холод, и руки у дровосека совсем заоченели. Бедняга то и дело на руки дул, чтобы их согреть. Увидал лесовичок, как дровосек на руки дует, и спрашивает:

— Зачем ты это делаешь?

Дровосек ему в ответ:

— Хочу руки согреть, а то они у меня совсем замерзли.

Кивнул лесовичок — понял, мол, — и больше ни о чем не спрашивал.

Подошло время обеда, и стал дровосек на костре яичницу жарить. Стоит лесовичок и думает: «Чего это человек делает?» Проголодался дровосек и не стал ждать, пока яичница остынет, начал есть, когда сковорода еще на огне стояла, и прежде чем ложку ко рту поднести, на нее подул.

Удивился лесовичок и спрашивает снова:

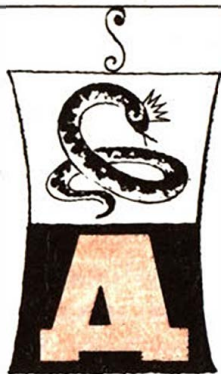
— Разве яичница не горячая? Зачем ты на нее дуешь?

Дровосек засмеялся:

— Хочу ее остудить.

Удивился лесовичок и испугался: как же это так получается? И говорит про себя: «Вот так чудо! Из рта у него и тепло, и холод идет. Он может холодное горячим делать, а горячее — холодным. Видно, он могучий великан. Надо подальше от него держаться!»

Повернулся и ушел. Так больше никто лесовичка и не видел — боится он людей.

ДЕВОЧКА И ЗМЕЯ

авным-давно, когда и не вспомнить, жила-была на свете нищая девочка-малолетка. И служила она у богатого крестьянина в работницах. А крестьянин тот — жадный, злой и жестокий — ничуть девочку не жалел. Вставала она с первыми петухами и до позднего вечера трудилась. Не успеет встать, как сразу же в коровник бежит. Ведь коров чуть свет накормить, напоить, подоить надо. Сама же девочка впроголодь жила. Но хозяину, бывало, слова поперек не скажет. День в трудах, а ночь в слезах. Все молчит да терпит. Только коровам горе свое изливала.

Однажды пошла девочка в коровник и стала коров доить. Вдруг солома зашуршала. Глядь, ползет змея. А на голове у змеи маленькая золотая корона. Испугалась девочка, сердце у нее так и замерло. Только змея, видно, не собиралась ее жалить, подняла голову и в подойник с молоком заглядывает. Догадалась работница: змея-то голодная. Нагнула подойник, змее попить дала.

Попила змея, а молока в подойнике намного поубавилось. Что тут делать! Хозяйка девочки своему богатей мужу под стать была. Каждую каплю молока считала! Отругает она работницу, а то и вовсе выгонит!

Собралась девочка с духом, молоко домой понесла. Увидала хозяйка, что молока в подойнике меньше обычного, изругала девочку, воровкой ее обозвала. Плачет работница, слезами обливается, но про змею ни словечка не вымолвила.

На другой день приползла змея снова. И опять девочка ее молоком напоила. Поглядела змея на работницу — видит: глаза у нее красные, заплаканные.

Несет девочка подойник хозяйке и вся от страха дрожит. Что-то будет? Изругала работницу хозяйка, тумачила, надавала. Плачет девочка, слезами обливается, но про змею молчит.

На третий день пришла работница в коровник, смотрит — змея опять ползет. Девочка снова молоком ее напоила. Поглядела змея на работницу, а у той все лицо и руки в синяках.

— Что с тобой? — спрашивает вдруг змея человеческим голосом.

— Да вот, — призналась девочка, — хозяйка ругает меня, бьет за то, что молока мало надаиваю. Как и быть, не знаю.

— Не печалься, — утешает ее змея, — увидишь, все хорошо будет. И уползла прочь.

Стала работница молоко по кринкам разливать. И надо же такому случиться! Сколько молока из подойника ни выливает, его не убывает, а прибывает! Налила в тот раз девочка молока на целых две кринки больше прежнего. Обрадовалась жадная хозяйка, лицом даже посветлела.

С того дня, бывало, как пойдет работница коров доить, змея с золотой короной на голове уже тут как тут. Утром ли, вечером ли — приползает молока попить.

Напьется и глядит на девочку доверчиво, благодарно! Работница все свои беды, все невзгоды забывает. Чует сердцем: змея эта ей друг. А молока в подойнике все прибывает!

С той поры много лет минуло. Выросла девочка, красавицей стала! Краше ее во всей округе не было. Нравом добрая, веселая, и все ее любили. А больше всех один молодой крестьянин. Красивый, да и хозяин самостоятельный, усердный. Работница тоже его давно полюбила, и когда он к ней посватался, тут же согласилась замуж за него пойти.

На другой день доит девушка коров и видит вдруг — змея с золотой короной на голове ползет. Подползла к девушке и говорит:

— Я фея, которую ты от голодной смерти спасла. Заклдовала меня злая волшебница, в Королеву Змей превратила, а сына моего — в Принца Мотылька. Скажи, согласна ты в награду стать женой моего сына? Будешь жить в счастье и в богатстве.

— Благодарствую, — говорит девушка. — Только я другого люблю. Слово я дала за него замуж пойти.

— Что ж, вольному воля, — отвечает змея. — Силой мил не будешь.

Прощалась и уползла прочь.

Вот играют работница со своим женихом свадьбу. В доме

жарят, варят, пекут. На кухне от котлов пар идет, в горнице столы от яств ломятся, музыка гремит! Под утро стали гости домой собираться. И вдруг музыка смолкла, тихо в горнице стало. Видят все — целая туча бабочек к дому летит. Впереди четыре больших бабочки карету тащат, розовым шелком обитую. А в карете Королева Змей с сыном. Позади кареты два огромных жука свадебный венец несут.

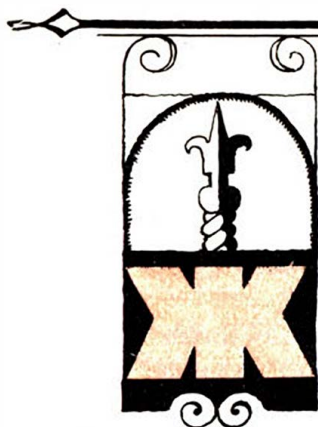
Как подлетели к крестьянской усадьбе, жуки — ж-ж-ж — и в горницу; надели венец на голову работницы. Смотрят гости — Королева Змей из кареты выползла и тоже в горницу явилась. Золотая корона у нее на голове блестит. Подползла змея к столу, где жених с невестой сидели, на спинку невестиного кресла поднялась и забралась девушке на плечо. Ласково в глаза ей поглядела, головой тряхнула, золотую корону невесте в миску сбросила и говорит:

— Ты молока мне не жалела, на богатство не польстилась и тем меня с Принцем Мотыльком от волшебных чар избавила. Получай за это награду.

Поползла змея обратно в карету, и в тот же миг прекрасной феей обернулась, Мотылек же красавцем принцем стал. Бабочки в расторопных служанок превратились, жуки — в нарядных пажей. Поклонились фея с принцем молодой чете и уехали.

Взяла невеста золотую корону в руки, а та как огонь горит. Положила корону себе в кошелек на память. С тех пор деньги в кошельке у нее не переводились. Сколько ни тратит, сколько бедным ни раздает, они все не убывают. Вот и стала бедная работница самой богатой во всей деревне да самой счастливой.

•

КАК СЫН КРЕСТЬЯНИНА КОРОЛЕМ СТАЛ

ил-был крестьянин. Жил он в достатке, и все его уважали. Потому что свое добро он честным трудом нажил. И было у него три сына, все рослые, крепкие молодцы. Вот выросли сыновья, и крестьянин им говорит:

— Хватит вам дома сидеть. Побродите-ка по белу свету, осмотритесь хорошенько, может, удастся вам в люди выбиться. Да и жен себе поищите. Стар я стал, в доме помощницы нужны. У кого из вас жена самая работающая и самая красивая будет, тому и в усадьбе хозяйничать.

Старший и средний сыны тут же в соседнюю деревню отправились, посватались там к домовитым, пригожим девицам и к отцу с невестами воротились.

Меньшой же — Ганс — был изо всех братьев самый пригожий да ласковый. Отправился он один по белу свету странствовать. Идет лесом, а как ночь настала, видит — домик. В дверях стоит старуха, страшная, как ведьма. Ганс ее спрашивает:

— Нельзя ли у вас, бабушка, переночевать?

Отвечает она ему:

— Ночуй на здоровье. Будешь мою старую белую лошадь хорошо кормить, оставайся сколько вздумается. Ну, а если кафельную печку жарко истопишь, я тебя отблагодарю.

Не стал Ганс отказываться. Пошел в избушку; старуха за ним ковыляет. Глядит он — на земляном полу белая лошадь лежит — спит. Натаскал он ей корму столько, чтоб она по брюхо в сене и в соломе стояла. Истопил кафельную печку, да так жарко, что старуха как забралась туда, так и слезать не захотела.

Старался Ганс изо всех сил. Накормила, напоила его старуха, на чердак отвела: пусть там ночует. Улегся Ганс и, прежде чем заснуть, подумал: «Тут, видно, житье неплохое. Пожалуй, можно и подольше остаться».

Было на том чердаке три окошка. Вот утром, лишь только солнце взошло, проснулся Ганс. И видит: все три окошка отворились — и в первое пташка влетела да запела:

— Я знаю то, чего не знаешь ты!

— А что же ты такое знаешь? — спрашивает Ганс.

— Я знаю могучего короля. У того короля есть глубокий колодец, а воды в колодце ни капли нет!

— Где ж можно воду найти? — спрашивает Ганс.

А пташка ему в ответ:

— Завалено дно колодца сундуками с червонным золотом, потому и воды там нет. Если найдется такой человек, что вытащит сундуки из колодца, колодец тотчас же чистой водой наполнится.

Не успела первая птичка тайну поведать и улететь, как во второе окошко уж другая влетела:

— Я знаю то, чего не знаешь ты!

— А что же ты такое знаешь? — спрашивает Ганс.

— Я знаю могучего короля. У того короля есть любимое деревце тополь. Только оно засохло.

— Что ж тут поделаешь? — спрашивает Ганс.

А пташка ему в ответ:

— Если найдется такой человек, что деревце выкопает да пересадит, оно сразу зазеленеет, а человек — разбогатеет. Потому что меж корнями тополя два огромных драгоценных камня и золотая книга спрятаны. Они на корнях деревца лежат и расти ему не дают.

Не успела вторая пташка тайну поведать и улететь, как в третье окошко уж новая влетела и запела:

— Я знаю то, чего не знаешь ты!

— А что же ты знаешь? — спрашивает Ганс.

— Я знаю могучего короля. У того короля есть любимая дочка. Прекраснее ее нет на свете. Только слепа она.

— Как же ей помочь? — спрашивает Ганс.

А пташка ему в ответ:

— Лишь только на любимом деревце короля первые листочки распустятся, надо принцессе этими листочками веки прикрыть, потом день и ночь неотрывно на нее глядеть. Она тут же и прозреет.

Улетели птички, встал Ганс, спустился вниз к старухе и говорит:

— Доброе утро!

— Доброе утро! — отвечает она. — Ничего тебе не приснилось?

— Приснилось, — говорит он. — Прилетели ко мне три пташки. Они мне про одного короля поведали. У того короля есть во дворе колодец, а воды нет. Есть деревце любимое, но оно расти не желает. Есть дочка-красавица, да слепая.

Приказала Гансу старуха белую лошадь оседлать и велит:

— Езжай и делай то, что тебе сказано.

Поехал Ганс на белой лошади. Полсвета проехал, наконец добрался до государства, которым тот король правил.

Нанялся Ганс на кухню поваренком. Как пришло время обед готовить, повариха ему приказывает:

— Запрягай свою лошадь и езжай за водой.

Пришлось Гансу далеко-далеко за водой ехать. Так было в первый и во второй день. А на третий он вернулся и спрашивает повариху:

— Почему воду издалека возят? Ведь на королевском дворе колодец есть!

Отвечает ему повариха:

— В старину самую вкусную воду из этого колодца брали. Такой ни в одном другом королевстве не было. Теперь же высох колодец — ничего тут не поделаешь!

А Ганс возьми да и скажи:

— Знаю я от этой беды средство.

Побежала повариха к королю, добрую весть несет:

— Поваренок-то средство знает, чтоб вода в колодце появилась.

Велел король позвать Ганса и спрашивает:

— Можешь так сделать, чтобы в колодце вновь чистая вода была? Сможешь, награжу по-королевски.

Обещал Ганс королю помочь.

— Только уговор такой, — говорит он, — что на дне колодца найду, себе возьму.

— Ладно! Будь по-твоему! — обещает Гансу король, а сам смеется. Что уж там на дне колодца можно найти?!

Спустился Ганс в колодец, вытащил оттуда три тяжелых сундука. И колодец тотчас же чистой, прозрачной водой наполнился. Открыли сундуки, а в них — червонное золото. Так стал Ганс самым богатым человеком при дворе. И пожаловал его король званием королевского советника.

Любил король в своем саду гулять. А в том саду росло

деревце. Уж так король его любил, так лелеял. Но как он его ни поливал, засох тополь. Горевал король день и ночь.

Шел однажды с ним Ганс по саду, и подошли они к деревцу. Стал король жаловаться, что его любимый тополь погибает.

А Ганс ему говорит:

— Знаю я средство, как деревце расти заставить. Только уговор такой: что я меж корнями найду, мое будет.

— Уж так и быть, все получишь сполна, — обещает ему король, а сам смеется. Что уж там меж корнями найдешь!

Вырыл Ганс тополь из земли. Видит, лежат меж корней два огромных драгоценных камня и золотая книга. Посадил Ганс деревце на новом месте, и начало оно расти не по дням, а по часам. Достались Гансу камни и книга. С той минуты мудрее его на всем свете человека не было. Пожаловал король его званием первого своего советника и стал с ним всеми тайнами делиться.

Поведал однажды король Гансу про свою великую беду:

— Есть у меня дочка, и она мне жизни дороже. Только ослепла много лет назад, и никакие лекари и знахари ее исцелить не могут.

А Ганс ему и говорит:

— Попробую я дочку твою исцелить, коли ты выполнишь два моих условия. Первое — надо мне листья с твоего тополя сорвать. Те, что самые первые выросли. И еще: дозвожь мне сутки у принцессы в покоях пробыть.

Отвечает ему король:

— Обещаю и позволяю!

Собрал Ганс с тополя первые листочки, пошел к принцессе в покои, двери за собой затворил. Прикрыл он девушке веки зелеными листочками и стал неотрывно на нее смотреть. Смотрел день, смотрел ночь! Как утро настало, прозрела принцесса. А Ганс, пока на нее глядел, понял, что никогда такой красавицы не встречал. Она тоже с первого взгляда его полюбила.

Обрадовался король, что дочка исцелилась, и говорит ей:

— Пора тебе и замуж!

Сына у короля не было, и хотелось ему, чтобы зять после его смерти всем государством правил.

А дочь ему в ответ:

— Ни за кого, кроме Ганса, не пойду.

Не перечил король дочери, сразу же согласие дал.

Справили пышную свадьбу, повенчали Ганса с принцессой. Вскоре старый король умер, и стал Ганс королем.

Вот и говорит он жене:

— Настало время мне к отцу наведаться!

Велел он гонцам вперед скакать и старого крестьянина известить, что сначала королева к нему в гости пожелает, а потом уж сам король.

Как услышали крестьянин и его сыновья, что король с королевой к ним едут, стали к встрече готовиться. Первой приехала королева. Приняли ее как подобает и самого короля ждут.

А Ганс по пути в дремучий лес завернул и упросил старушку волшебницу в повозку к нему сесть. Приехали они в отцовскую усадьбу, и говорит Ганс отцу с братьями:

— Вот моя жена!

Начали тут отец с братьями хохотать да над Гансом потешаться.

— Ну и красавицу себе Ганс раздобыл! Это же старая ведьма!

А братья про себя думают: «Где ей с нашими женами тягаться. Теперь отцовская усадьба нам достанется!»

Ганс же дурачком прикинулся, а про себя над домочадцами потешается. Как настало время за стол садиться, подсел он к королеве и за руку ее взял.

— Ах ты, глупый, недотепа! — закричал на него отец. — Садись-ка от королевы подальше!

И как стукнет сына деревянной ложкой по лбу!

А королева и говорит:

— Разве не должен рядом с королевой ее супруг и повелитель сидеть?

Поняли тут все, что Ганс король и есть. Обрадовались!

— Придется тебе усадьбу отказать, ведь ты самую красивую жену в дом привел! — говорит отец.

— Твоя правда, — соглашается Ганс. — Только раз я король, хватит с меня моего королевства.

Подарил он отцовскую усадьбу старшим братьям, а сам зажил с королевой в своем государстве.

Вот так и стал сын крестьянина королем. Правил он справедливо, все довольны были! И оставил после себя добрую славу.

ТРИ БАБОЧКИ

или-были три бабочки — белая, красная и желтая. Все дни напролет только и дела у них было, что играть да плясать. Особенно, если солнце пригревало. Порхают бабочки с цветка на цветок, с одного на другой. То-то весело!

Но вот однажды пошел проливной дождь. Промокли бабочки и стали искать, где бы укрыться. А дождь все льет. Добрались бабочки до Белой Лилии и говорят:

— Укрой нас, позволь от дождя спрятаться.

Лилия им в ответ:

— Так и быть, белую бабочку от дождя спрячу, она на меня похожа, а красная и желтая пусть себе другое место ищут!

Тут белая бабочка ей и говорит:

— Раз ты моих сестриц принять не хочешь, то и я к тебе не пойду! Лучше уж нам вместе под дождем мокнуть!

И полетели дальше. А дождь еще пуще льет. Подлетели бабочки к Красному Тюльпану и говорят:

— Укрой нас, позволь от дождя спрятаться, мы насквозь промокли.

Тюльпан им в ответ:

— Ладно, красную спрячу, она на меня похожа, а белая и желтая пусть себе другое место ищут.

Тут красная бабочка ему и говорит:

— Раз ты моих сестриц принять не хочешь, то и я к тебе не пойду. Лучше уж нам вместе под дождем мокнуть!

И полетели дальше.

Добрались бабочки до Желтой Розы и говорят:

— Укрой нас, позволь от дождя спрятаться, мы насквозь промокли.

Роза им в ответ:

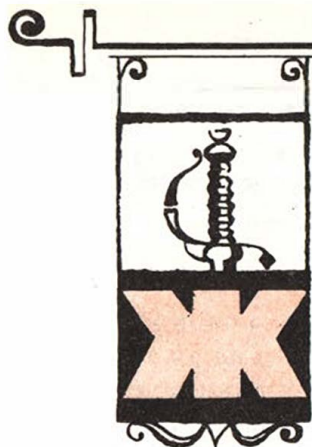
— Желтую спрячу, она на меня похожа, а белая и красная пусть себе другое место ищут.

Тут желтая бабочка ей и говорит:

— Раз ты моих сестриц принять не хочешь, то и я к тебе не пойду! Лучше уж нам вместе под дождем мокнуть!

Услыхало солнце, что за тучами скрывалось, слова бабочек и обрадовалось: есть же на свете такая верная дружба! И решило бабочкам помочь.

Прогнало солнце дождь и снова засияло, сад осветило, бабочкам крылья высушило. Стали они взад-вперед летать. Играют, пляшут, с цветка на цветок порхают. Только к Лилии, к Тюльпану и к Розе больше не подлетали. Так те и засохли одни-одинешеньки. Веселились бабочки, кружились до самого вечера. А как вечер настал, спать легли. Что с ними дальше было, про то не ведаю. Только знаю, что дружба — в любой беде опора.

ПОВАРЕНОК

ил-был на свете один бедный человек, и был у него сын. А чем мальчика поить-кормить — бедняк не знал. Горько ему стало, и надумал он от сына избавиться. Авось кто-нибудь его к себе возьмет и прокормит. Завел бедняк сына в дре-

мучий лес; съели они вместе последнюю корку хлеба, заснул мальчик, и отец — хоть сердце у него от горя разрывалось — один домой побрел. Проснулся сын, увидал, что отца нет, вскочил на ноги и хотел домой идти. Да не тут-то было! Дороги он не знал и все дальше и дальше уходил в лесную чащу, а к вечеру на маленький домик набрел. «Может, переночевать пустят», — подумал он. Зашел в домик, смотрит — за столом слепой старичок сидит, куриную похлебку ест. Был мальчонка такой голодный, что к столу подошел, ложку взял и стал вместе со стариком из одной миски без спросу похлебку черпать. Заметил это старик и спрашивает:

— Кто мою куриную похлебку ест?

— Я, милый дедушка, — сказал мальчик, — изголодался я, так есть хочется!

Ничуть старик не рассердился, вроде бы даже обрадовался и говорит:

— Долго я тебя ждал. Не печалься, в обиде не будешь.

Наелся мальчик, потом старик его в мягкую постель спать уложил, а наутро говорит:

— Будешь коз пасти!

Мальчонка рад-радешенек. Не велик труд, а если за это еще кормить станут, так лучше и желать нечего. И вправду, когда по вечерам мальчик домой возвращался, всякий раз он вместе со слепым дедушкой вкусную куриную похлебку ел. Старик на него не нарадуется.

Вырос мальчик и стал взрослым юношей. Вот однажды дал ему старик острый меч и сказал:

— Этим мечом всего в жизни добьешься! Носи его с собой.

Погнал как-то юноша коз на выпас. Но они там уже всю траву съели и все кусты обглодали. Так что пришлось ему вместе со стадом дальше уйти. И очутился он в лесу, где листья на деревьях были медные. Красота небывалая! Лес так и горит, так и сверкает! Стоит юноша, диву дается. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетел медный дракон о трех головах да как закричит:

— Эй, человек! Хочешь, чтоб твои козы весь мой лес объели?! Уведи их, а не то проглочу или в свой замок на Медной горе уведу!

Схватился юноша за меч, одним махом все три головы дракону отсек и отправился в драконов замок на Медной горе. И там все из меди было. А на стене медная уздечка висит; только тихо в замке, ни одной живой души не видно. Взял юноша уздечку и ушел. Вечером пригнал он коз домой, и дали они молока втрое больше, чем накануне. Рассказал юноша старику, что он медного дракона одолел и медную уздечку с собой захватил.

— Самое дорогое во всем замке эта уздечка! — молвил старик. — Тряхнешь уздечкой, и рать в медных доспехах встанет. Воинов в той рати — не счесть.

На другой день погнал юноша стадо еще дальше. И очутился вдруг в лесу, где листья на деревьях были из серебра. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетел серебряный дракон о шести головах да как закричит:

— Эй, человек! Хочешь, чтобы твои козы весь мой лес объели?! Убирайся отсюда, а не то проглочу или в свой замок на Серебряной горе уведу!

Схватился юноша за меч, одним махом все шесть голов дракону отсек и отправился в драконов замок на Серебряной горе. И там все из серебра было. А на стене серебряная уздечка висит; только тихо в замке, ни одной живой души не видно. Взял юноша уздечку и ушел. Вечером пригнал он коз домой, и дали они молока в шесть раз больше, чем накануне. Рассказал юноша старику, что он серебряного дракона одолел и серебряную уздечку с собой захватил.

— Дороже этой уздечки во всем замке ничего нет! — молвил старик. — Тряхнешь уздечкой, и рать в серебряных доспехах встанет.

На третий день погнал юноша стадо еще дальше, в самую

глушь. И очутился в лесу, где листья на деревьях были из чистого золота. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетел золотой дракон о девяти головах да как закричит:

— Эй, человек! Хочешь, чтоб твои козы весь мой лес объели? Убирайся вместе с козами, а не то проглочу или в свой замок на Золотой горе уведу!

Схватился юноша за меч, одним махом все девять голов дракону отсек и отправился в драконов замок на Золотой горе. И там все из золота было. А на стене золотая уздечка висит; только тихо в замке, ни одной живой души не видно. Взял юноша уздечку и ушел. Вечером пригнал он коз домой, и дали они молока в девять раз больше, чем накануне. Рассказал юноша старику, что он золотого дракона одолел и золотую уздечку с собой захватил.

— Самое дорогое во всем замке эта уздечка! — молвил старик. — Тряхнешь уздечкой, и рать в золотых доспехах встанет. И воинов в той рати — день считай, ночь считай, не пересчитаешь!

Наутро говорит старик юноше:

— Верни мне меч. Он — волшебный и службу свою сослужил. Пусть силу для других подвигов бережет. А с тремя уздечками можешь теперь по белу свету отправиться. И если повезет тебе — женишься на самой прекрасной из королевских дочерей.

Обрадовался юноша этим словам и стал собираться в путь. Окликнул его тут старик и повел к черной, мрачной скале, откуда родник бил.

— Надо тебе на дорожку голову вымыть, — сказал старик и смочил волосы юноши родниковой водой.

Вышло тут солнце из-за туч, и кудри юноши засверкали, будто золотые!

— Теперь в путь! — сказал старик. — Но смотри, до поры до времени шапку не снимай, никто не должен твои волосы видеть. Ступай в ближнее королевство, на службу наймись.

Пришел вскоре юноша в город, спрятал три уздечки под деревом, на королевский двор отправился и спрашивает:

— Не нужен ли королю слуга?

На королевской кухне в то время как раз поваренка недоставало, и юношу на службу взяли. А он повару и говорит:

— Только с уговором. Шапку я снимать не буду. Колтун у меня на голове!

— Ладно! — говорит повар.

И до того юноша искусным да усердным оказался, что вместо повара всякие редкие блюда стряпал.

А было у тамошнего короля три дочери — и все три красавицы писанные. Только меньшая прекрасней всех была. Но, на беду, захворала она, и послали поваренка младшей принцессе поест отнести. Поглядела она на поваренка, заговорила с ним, и так ей вдруг хорошо стало, будто болезнь как рукой сняло.

Настал день, когда со всех сторон ко двору съехались князья да графы, к королевским дочерям свататься. И все хотели жениться только на меньшей, на самой прекрасной. Она же ни на кого и не глядит. Потом посватались все же к двум старшим молодые князья. Стал тогда король меньшую дочку уговаривать:

— Выбери и ты себе супруга! Любой на тебе женится.

А она одно твердит:

— Не хочу замуж ни за князя, ни за графа. Не нужны они мне! Пойду только за нашего поваренка, он один мне мил!

Услыхал эти слова король, испугался так, что сердце у него словно оборвалось.

— Ни за что! — говорит.

Велел король дочку в высокую башню заточить.

Сидит принцесса в башне, а на короля враги напали. Оба князя — его зятя — поспешили ему на помощь. Разгорелась битва, и начал поваренок повара просить:

— Нельзя ли пойти поглядеть, как бьются воины?

— Погляди, коли хочется! — позволил повар.

Видит поваренок, король с зятьями бегством спасаются, а войска их разбиты наголову. Побежал юноша к дереву, под которым уздечки хранились, медную вытащил и изо всех сил потряхнул. Откуда ни возьмись, встала тут рать несметная. Воинов в ней — что листьев в лесу — и все в медных доспехах. Перед юношей оседланный конь стоит, к седлу медные доспехи приторочены. Надел поваренок доспехи, повел свое войско вперед и разбил врага. Не успел король его за спасение поблагодарить, как он со своим войском ускакал. Подъехал поваренок к дереву, медную уздечку спрятал, и все воины тут же исчезли. Будто их и не было!

Воротился король с князьями в замок и наперебой чудеса про неведомое войско и про воина в медных доспехах рассказывают, да сетуют, что спасители так быстро исчезли. Не удалось их даже отблагодарить!

Пришлось вскоре королю снова на войну отправиться. И опять поваренок повара просит:

— Нельзя ли пойти поглядеть, как бьются воины?

— Погляди, коли хочется, — позволил повар.

Видит поваренок, теснят враги короля, вот-вот одолеют королевское войско. Побежал юноша к дереву, под которым уздечки хранились, серебряную вытащил и изо всех сил потряхнул. Встала тут рать несметная. Воины все в серебряных доспехах. Перед юношей оседланный конь стоит, к седлу серебряные доспехи приторочены. Надел поваренок доспехи и ринулся в битву. Остановил короля и бегущих воинов, повернули они коней назад и вместе врага победили. Не успел король молодец за спасение поблагодарить, как те ускакали. Подъехал поваренок к дереву, серебряную уздечку спрятал, и все воины тут же исчезли.

Воротился король с князьями в замок и снова наперебой чудеса про неведомое войско и про воина в серебряных доспехах рассказывают.

Вскоре на короля опять враги поднялись. Пошел король

со своим войском им навстречу. И снова поваренок повара просит:

— Нельзя ли пойти поглядеть, как бьются воины?

— Погляди, коли хочется, — позволил повар.

Видит поваренок, короля с его войском враг теснит. Вот-вот разобьет наголову. Побежал юноша к дереву, под которым уздечки хранились, золотую вытащил и изо всех сил тряхнул. Встала тут рать несметная. Воины все в золотых доспехах. Перед юношей оседланный конь стоит, к седлу золотые доспехи приторочены.

Надел поваренок доспехи, но шлем у него ненароком с головы свалился, и увидали все золотые его кудри. Ринулся поваренок со своим войском в битву. Вовремя подоспела новая рать, и враги побежали. Не успел король молодого предводителя за спасение поблагодарить, как он со своей ратью ускакал. Подъехал поваренок к дереву, золотую уздечку спрятал, и все воины тут же исчезли.

Воротился король с князьями в замок и опять наперебой чудеса про неведомое войско и про воина в золотых доспехах рассказывают.

Решил король победу отпраздновать, устроил пир на весь мир. Гостей съехалось видимо-невидимо! Слуги не успевали еду и вино подносить. Пришлось и поваренку им помогать. Вспомнил на пиру король про свою любимую дочь, что томилась в башне. Смягчилось его сердце, и послал он к ней слугу. Пришел слуга к королевской дочери и говорит:

— Король велел сказать: пойдешь замуж за князя или графа, какой приглянется, он тебе свою милость и любовь вернет.

А бедняжка уже целый год одна-одинешенька на хлебе и воде сидела. Но осталась верна тому, кого полюбила. Вот и говорит она слуге:

— Никогда ни за кого, кроме нашего поваренка, замуж не пойду!

Разгневался король, когда слуга ему такой ответ принес. Тут, как назло, поваренок королю блюдо с дичью подносит, а на голове у него шапка надета.

— Ах ты, бессовестный! Посмел в шапке пред наши светлые очи явиться! — закричал король.

Размахнулся да шапку с головы поваренка и сбил. Отлетела шапка в самый дальний угол, рассыпались золотые кудри

у юноши по плечам, и узнал король в нем своего спасителя, пал перед ним на колени и молит:

— Прости меня!

А юноша ему в ответ:

— Прощу, коли ты младшую дочь из башни выпустишь и мне в жены отдашь. Я ее давно люблю.

Привели тут принцессу со всеми почестями из высокой башни. Сыграли свадьбу, и гости по домам разъехались.

После свадьбы отправился молодой король с красавицей королевой в лес, слепого старичка искать, чтобы за все его отблагодарить, да так и не смог найти: исчез он вместе со своим домиком навечно, и до конца дней никто так ничего толком про него и не узнал. Слышали только, будто был он добрым волшебником, который брошенным детям и несчастным сиротам помогал.

ПО РЫБЕ И СКОВОРОДА

обрались однажды веселые дружки-рыбаки, рыбу сварили; едят и друг друга разными историями потчуют. Вот один говорит:

— Пошли как-то двое рыбу удить и поймали рыбину большущую-пребольшущую! Никто такой

никогда не видывал! Семь часов пришлось им вдоль той рыбы шагать, чтоб длину ее измерить, и четыре часа, чтобы ширину ее высчитать.

Не поверили ему рыбаки. Неужто такое диво на свете бывает?! А один и говорит:

— А я вот верю. Не такие еще чудеса бывают! Я и сам однажды диковину вроде этой видел. Две тысячи подручных кузнеца сковороду большущую-пребольшущую ковали. Никто такой никогда не видывал. До того большущая, что один подмастерье даже не слышал, когда другой своим молотком стучал.

Тогда первый дружок и говорит:

— Быть того не может! Для чего же такая огромная сковородища понадобилась?

А второй ему в ответ:

— Как для чего? Чтобы твою рыбину на ней зажарить. По рыбе и сковорода!

ОТКУДА В АЛЬПАХ СТОЛЬКО КАМНЕЙ

была в Альпах долина, где одни лишь дикие звери жили. Кругом такие болота, что даже волки с медведями, бывало, в тех болотах тонули. И вот явился в долину могучий великан. Огляделся и надумал там поселиться.

Нашел себе великан пещеру, вырыл глубокие рвы, осушил болота, лес выкорчевал и отправился жену искать. Побродил великан по свету и нашел себе жену-великаншу. Была она сильная, как и он сам, во всякой работе ему помощница.

Ровно через три года у великана с великаншей три сынка народилось. Пришлось им еще одну пещеру в скалах вырубать. Подросли детки, стали отцу помогать новый дом строить. Деревья для дома великан в Альпах рубил. Ходьбы туда человеку часа полтора. А сыновья великана за несколько минут к тому месту добирались. Но силенок у них было маловато, и каждый мог только по одному стволу тащить. Лишь младший великан, по прозвищу Бородач, порой два дерева сразу брал. Радовался отец: хороший сынок подрастает!

Однако хотелось великану над всеми родичами возвыситься и такой дом построить, равного которому во всем великаньем королевстве не сыскать. Нанял он на подмогу нескольких «мушек» да «букашек» — так он людей величал. Они в плотницком деле толк знали и обтесывали деревья; рубил же их сам великан. В подсобниках у людей были младшие великаны.

Болото, которое великан осушил, люди «Лошадиное болото» прозвали, а великана — «великаном с Лошадиного болота». Новый дом стал «усадьбой на Лошадином болоте».

Как построили дом, почуял великан, что старость близится, а силы убывают. И надумал он свое добро одному из сыновей завещать. Но не знал — которому; ведь все трое были ему одинаково дороги. Попросил великан совета у жены, а она и велит:

— Отдай усадьбу самому сильному!

Сели великаны обедать.

— Стар я, детки, в доме молодой хозяин нужен, — говорит великан сыновьям. — Давайте так сделаем. Кто дальше всех камень закинет, тому усадьба достанется!

Отобедали великаны, взял старик огромный камень и отнес его на пятнадцать шагов от усадьбы. Пятнадцать шагов великана — пятнадцать минут человеку идти. А камень тот 40 пудов весил и был железным кольцом опоясан. Одно кольцо на три пуда тянуло. Камень-то великаны по-своему швыряли, испокон веков они обычая своего придерживались. Тот, кто камень за кольцо держал, сначала его вверх поднимал, потом кидал. На этот раз бросали великаны камень в сторону собственного дома. Должен был камень над домом пролететь.

Первым вышел вперед старший; поднял он камень и как его швырнет! Но камень и до дому-то не долетел. Попал он в изгородь и разбил ее вдребезги.

Настал черед среднего сына камень кидать. На этот раз камень о переднюю стену дома ударился. Да так, что затрещала она и рухнула.

Младший сын бросил камень так далеко, что крышу дома пробил, все в доме переколотил и разметал.

— Эй, Бородач, силен ты, однако! — закричал старый великан и расхохотался. От хохота его деревья задрожали. — Тебе дом достанется, можешь теперь его заново отстраивать.

И говорит старшим сыновьям:

— Эх вы, хвосты свинячьи! Гляньте на меня, старого, слабого великана. Ну-ка, женушка любезная, сбегай-ка да принеси мне камень!

Побежала великанша за камнем и принесла его на безымянном пальце левой руки. Встал старик как положено, левой ногой в землю уперся. Ух! Взлетел камень высоко-высоко над крышей усадьбы на Лошадином болоте и далеко-далеко от нее на землю грохнулся. Вдохнул старый великан и говорит:

— Исыкла нынче у молодых сила великанья! В мои времена не такие силачи бывали! Помнится мне, как я однажды камень на Кольбентальскую лесопильню закинул! А камень тот пятьсот пудов весил! Он и поныне там лежит.

Понятно теперь, откуда в Альпах столько огромных камней?

КАК НЕДОТЕПА ТРИ ЗАДАЧИ РЕШИЛ

ил-был крестьянин. Было у крестьянина три сына. Старшие два — бездельники непутевые. Младший честный и работающий. А звали его Недотепа. Вот отправились однажды два старших сына счастья да веселья искать. Хозяйство у них

захудалое было, и хотелось им разбогатеть и погулять вволю. Только ничего у них из этой затеи не вышло. Нашли они себе по дороге дружков, таких же, как они, гуляк. Бражничали с ними, пока все отцовские денежки по ветру не пустили. Домой же вернуться побоялись.

Ждал Недотепа братьев, не дождался и решил их поискать, а заодно и белый свет повидать. Нашел он братьев, те ему не очень обрадовались.

— И ты, Недотепа, счастья хочешь попытать? — смеялись они. — Уж коли нам с нашим-то умом оно не досталось, так тебе и подавно его не видать.

Однако взяли они младшего брата с собой и пошли по белу свету счастье искать. Шли, шли и наткнулись на муравейник. Двое старших захотели муравейник разорить, посмотреть, как муравьишки в страхе по сторонам расползутся, а Недотепа им и говорит:

— Оставьте муравьев в покое. Чем они вам мешают?

Пошли братья дальше, видят — озеро, а на озере утки плавают. Захотелось старшим братьям уток настрелять да изжарить. Только не дал им Недотепа этого сделать.

— Оставьте уток в покое! Настрелять — настреляете, а как из воды достанете?

Пошли братья дальше и увидали дупло в дереве. А в дупле пчелы живут, и столько там меду скопилось, что он даже в дупле не помещается, по стволу течет. Захотелось старшим братьям дерево поджечь, пчел выкурить да мед забрать. Только не дал им Недотепа этого сделать:

— Оставьте пчел в покое! Еще искушают вас!

Пошли братья дальше — видят: замок стоит, а за замком конюшни тянутся. В замке, во дворе — всюду пусто; живой души не встретишь. В конюшнях каменные кони стоят. Прошли братья по конюшням от самого начала до конца, пока в последней какую-то дверь с окошечком не увидели. Заглянули в окошечко, видят — чисто прибранная горница. В горнице стол, а за столом какой-то седой человечек сидит. Окликнули они его раз, окликнули другой, только он их не слышит. Окликнули они его в третий раз, тогда человечек встал и к братьям вышел. Ни единого слова он не сказал, а лишь рукой поманил: за мной, мол, идите. Пришли братья в замок, а там накрытый стол стоит, богатыми яствами уставлен. Поели они, попили, и повел человечек каждого в отдельную опочивальню. И все спать легли.

На другое утро пришел седой человечек к старшему брату, рукой его поманил и в зал повел, где на каменном столе каменная книга лежала. А в той книге написано: «Кто хочет замок от заклятия избавить, должен выполнить три задачи. Если же за дело возьмется и ничего у него не выйдет, он окаменеет».

Первая задача была такая: подо мхом в лесном болоте жемчужины рассыпаны. Королевская дочка их туда обронила; всего-навсего тысячу жемчужин. И надобно их из болота выбрать; если до захода солнца хотя бы одной жемчужины недосчитаются, тот, кто искал их, окаменеет.

Пошел старший брат в лес, стал жемчужины из болота выбирать. Искал он целый день, а как смеркаться стало, он всего сотню жемчужин набрал. И случилось так, как в книге написано. Окаменел старший брат.

На другой день настал черед среднего брата жемчужины искать. Только и он задачи не выполнил. Набрал всего лишь половину и тоже окаменел.

Пришло время Недотепа жемчужины в болоте искать. Только трудное это дело, никак к вечеру не управиться. Сел Недотепа и заплакал.

Подполз тогда к нему муравьиный король, а с ним муравьев целая туча на подмогу: ведь Недотепа их от верной смерти спас! Собрали муравьи тысячу жемчужин и вместе их ссыпали.

Так выполнил Недотепа первую задачу. И повел его седой

человечек в залу, где на каменном столе каменная книга лежала. Прочитал Недотепа, что там написано.

А вот какая вторая задача была: ключ от опочивальни королевских дочерей на дне озера отыскать. Пришел Недотепа к озеру, стоит на берегу и не знает, как ключ оттуда добыть.

Выплыли тут из камыша утки на подмогу: ведь Недотепа им жизнь спас! Нырнули утки и ключ со дна достали.

Так выполнил Недотепа вторую задачу. И повел его седой человечек в залу, где на каменном столе каменная книга лежала. Не сразу понял Недотепа, что надо сделать, потому что третья задача самой трудной оказалась. Из трех спящих королевских дочерей надо было самую молодую да прекрасную с устами медовыми выбрать.

Пришел Недотепа в опочивальню, стоит, на девушек глядит, на красоту их не налюбуется, и думает: «Какая же из них самая молодая да прекрасная? Все до того похожи, что одну от другой не отличишь. Ну, прямо волос в волос». Что тут делать, как узнать, у которой из них уста медовые? Прилетела тут Королева пчел, а за ней целый рой на подмогу: ведь Недотепа их от верной смерти спас! Стала Королева пчел от одной королевской дочери к другой летать. Летает и ищет — у которой из них уста медовые. Села она первой принцессе на уста. Сладкие те уста, только не медовые. Села Королева пчел второй принцессе на уста. Сладкие те уста, только не медовые. Села она третьей принцессе на уста. И вот они-то медовые и оказались.

Понял Недотепа, что эта принцесса самая молодая да прекрасная с устами медовыми и есть. Так он третью задачу выполнил.

Рассеялись тут чары колдовские. Очнулись королевские дочери ото сна; все в замке ожило: и каменные лошади, и старшие братья. А старичок слуга заговорил.

Женился Недотепа на меньшей принцессе, самой молодой да прекрасной, и стал королем. А братья на двух старших женились.

Стали они все жить-поживать да добра наживать. А коли не померли, и по сей день живут.

ЕСТЬ ЛИ НА СВЕТЕ ЖЕНЩИНА ГЛУПЕЕ?

ил-был в одной деревне мясник. Торговал мясом, торговал, да и разорился. Говорит он тогда жене:

— Пойду-ка я в землекопы, авось что-нибудь заработаю.

Копал мясник землю день, копал другой, пока руки с непривыч-

ки до крови не стер. Вот и говорит он жене:

— Нет, так дело не пойдет. Придется, видно, снова мясом торговать.

Хотел мясник теленка для начала купить. Пришел в деревню, из дома в дом ходит и спрашивает:

— Нет ли у вас, люди добрые, теленка на продажу?

— Нет, — отвечают ему крестьяне. — У нас в хлеву пусто.

А вот поблизости мельник живет. У него пять быков.

— Это хорошо! — говорит мясник. Мне и быки пригодятся.

Пошел он на мельницу.

Мельника дома не было, но, перед тем как уйти, он наказал жене:

— Если захочет кто быков купить, можешь по пятьдесят талеров за штуку отдать. Ни единого талера не уступай.

Вот явился мясник и спрашивает мельничиху:

— Не продашь ли быков?

— Продам, — отвечает. — Пятьдесят талеров за штуку.

И ни одним талером меньше!

— По рукам! — говорит мясник. — Только нет у меня с собой столько денег наличными. Но раз я всех пятерых быков забираю, мы так сделаем: двоих я с собой уведу, а за них — троих в залог оставляю. Пусть на мельнице побудут; через две недели я вернусь и все деньги выплачу.

Согласилась с ним мельничиха:

— Делай как знаешь!

Не нарадуется она, что так быстро да выгодно продала быков. Стала мельничиха ужин мужу готовить.

Вернулся он домой и спрашивает:

— Ну как, продала быков?

— Еще бы не продала, — отвечает жена. — Мяснику из города. Да выгодно-то как. Всех пятерых быков зараз. По пятьдесят талеров за штуку и ни одной монетой меньше.

«Добрая сделка», — подумал муж. Поужинал и говорит:

— Дай-ка на денежки взглянуть!

А жена отвечает:

— Денег я еще не получила. Но мясник обещался их через две недели принести, когда за тремя остальными быками придет. Трех он покамест в залог оставил. За тех двоих, что с собой увел.

У мужа даже дух перехватило: денег мясник не заплатил, а двух быков увел!

— Глупее тебя женщины на всем белом свете не сыщешь! — в сердцах сказал он. — Подожду еще две недели, и если мясник за это время не явится, уйду куда глаза глядят и никогда больше домой не вернусь. Разве что женщину глупее тебя встречу.

Ждал мельник ровно две недели, но мясник так и не явился. Отправился тогда мельник из дому куда глаза глядят.

Шел он, шел и пришел в замок. В том замке жила вдова-графиня. Видит мельник, сидит графиня у окошка и на дорогу поглядывает. Начал мельник на одном месте подпрыгивать, голову задирать да вверх глазеть, будто какую-то диковину в небе увидел. Любопытно графине стало: чего это он разглядывает? Послала она служанку, пусть прохожего расспросит, что он такое увидел?

Расспросила служанка мельника, а он ей в ответ:

— Мы на небе недавно так отплясывали, что я и не заметил просвета в тучах да и свалился вниз. А сейчас все примериваюсь, как бы мне получше прыгнуть, чтоб снова на облака попасть. Но никак у меня это не выходит. Надо бы мне дальше пойти, поглядеть, не найдется ли каких путей-дорог в небеса?

Не успела служанка госпоже про мельника рассказать, как та с места вскочила и бегом вслед за мельником! Догнала его, спрашивает:

— Вы случайно на небе моего покойного супруга не встречали?

— Ах, господина графа? — воскликнул мельник. — Как

же, как же! Очень хорошо его знаю. С ним вместе мы и отплясывали.

— Ну тогда, любезный господин, — говорит графиня, — может, вы мне скажете, носит ли мой покойный супруг попрежнему ботфорты с золотыми шпорами и зеленый сюртук?

Отвечает ей мельник:

— Милостивая госпожа, супруг ваш в такую бедность впал, что пришлось ему недавно золотые шпоры продать, сапоги у него прохудились, а сюртук на локтях продрался.

— Боже милостивый! — закричала графиня. — Какой позор! И чего только они на том свете смотрят! Благородный граф рванье носит! Послушайте, не могли бы вы мне оказать услугу? Не прихватите ли с собой штуку сукна для моего покойного супруга? И четыреста дукатов да разных яств и напитков?

— Ладно, — согласился мельник.

Взял он для покойного графа штуку сукна, четыреста дукатов, яства с напитками и дальше пошел.

Идет по проселку, а сам во все горло хохочет.

— Вот такую-то я и искал! — говорит. — Эта, даром что графиня, поглупее моей мельничихи будет! Уж такой-то дуры на всем белом свете не сыщешь!

Не успел мельник скрыться из виду, как явился домой молодой граф, сын покойного. Смотрит, пригорюнилась его матушка у окошка.

— Приключилось что? — спрашивает.

— Ах, горе какое! — заливается слезами графиня. — Приходил тут недавно один человек из царства небесного. И такие худые вести от покойного твоего батюшки принес! Батюшка в нужде мается. Золотые шпоры пришлось ему продать, сапоги у него прохудились, сюртук на локтях продрался. Послала я графу штуку сукна на сюртук, четыреста дукатов да разных яств и напитков. До того мне его, бедного, жалко! Ну, прямо сердце разрывается!

Понял сын, что графиню обвели вокруг пальца.

— Да ты, матушка, еще глупее, чем я думал! — в сердцах вскричал он. Приказал оседлать коня и погнался за мельником.

Слышит мельник — кто-то за ним следом скачет. Спрятаться ему было некуда, вот и стал он думать, как от беды спастись. Видит — старая женщина идет. Он ей и говорит:

— Согласись, бабушка, несколько минут под моим плащом

у дороги посидеть. Только никому про меня ни словечком не обмолвись!

— Ладно, — соглашается старушка. — Так и быть, помогу тебе!

— Сколько с меня за службу возьмешь? — спрашивает мельник.

— Пять талеров, — отвечает старушка.

— Десять заплачу, если ты все исполнишь.

— Будь по-твоему, — обещает старушка.

Отдал мельник ей десять талеров. Накрылась старушка его плащом, сидит, молчит, не шелохнется. Минуты не прошло, подскочил к ним молодой граф и спрашивает мельника:

— Не проходил ли тут один человек?

А мельник ему в ответ:

— Проходил. Тому с четверть часа будет. Быстро так шел, вон туда, напрямик через болото. Если вы за моим ульем присмотрите, я этого человека на вашем коне мигом догоню.

— Давай, — говорит граф. — Получишь хорошую награду.

Спешился он и остался пчел караулить. А мельник на коня его вскочил и помчался прочь во всю прыть. Долго ждал мельника граф. Поднял плащ и видит: никакого улья нет, а сидит на земле старушка, плащом прикрытая. Значит, и его, графа, вокруг пальца обвели.

Поплелся он пешком домой.

Приходит в замок, а матушка-графиня его и спрашивает:

— Ну как, отыскал ты того человека?

Он ей в ответ:

— Да, сразу же. И жеребца ему своего в придачу подарил, чтобы он быстрее к батюшке доехал.

Мельник тем временем отправился к жене. Явился он к ней верхом на коне, со штукой зеленого сукна, с разными яствами и напитками. В кармане у мельника четыреста дука-тов звенят. Приехал он рад-радешенек и говорит мельничихе:

— Теперь-то я с тобой навек останусь. Нашел я женщину куда глупее тебя. Даром что графиня!

КУПЕЦ-МЕДВЕДЬ

авным-давно жил-был купец. Был у него сын. День-деньской он на скрипке играл и больше ничего делать не хотел.

Разгневался купец на сына и выгнал его из дому: пусть идет куда хочет! Бредет юноша по

дороге и видит: мальчонка одной палочкой по другой водит, словно на скрипке играет.

— Хочешь научиться играть на скрипке? — спросил его сын купца.

— Очень хочу! — ответил мальчик. — Только кто меня обучит? Сирота я, и денег у меня нет.

— Я тебя обучу, — сказал сын купца. — Пойдем со мной!

И научил он мальчонку играть. Пошли они по белу свету бродить: на скрипке играли, люди им деньги бросали, тем и кормились. Вот однажды повстречался им на проселочной дороге человек: медведя на поводке вел. Говорит прохожему сын купца:

— Уступи мне медведя, отдам тебе за него все, что у меня есть!

— Идет! — отвечает поводырь.

Отдал сын купца ему все свои деньги, карманы даже вывернул. А мальчонка спрашивает:

— Зачем ты это сделал? На что мы жить будем?

— погоди немного, — отвечает сын купца. — Мы с тобой на скрипке играть станем, а медведь — плясать. Вот деньги и заработаем!

Бродили они втроем по белу свету. Юноша с мальчонкой на скрипке играли, медведь плясал. Изучил сын купца все медвежьи повадки.

Однажды купил он по случаю медвежью шкуру. Медведя в лес отпустил, а сам в купленную шкуру облачился. С той поры все его за настоящего медведя принимали.

Забрели странники однажды в большой город. Мальчик стал на скрипке играть, сын купца в медвежьей шкуре — плясать. Так искусно они играли и плясали, что со всех сторон люди на городскую площадь сбежались. Стоят, смотрят, рты пораскрывали. Когда же скрипач не ту ноту брал, медведь шлепал его лапой: нечего, мол, врать! Ну, а люди думали, что это взаправдашний медведь мальчонку шлепает. Видать, медведь лучше человека на скрипке играет! Смеялись они до упаду и щедро скрипачу с медведем монеты кидали.

Слухом земля полнится. Дошла и до короля весть, что по владениям его скрипач-мальчонка с плясуном-медведем бродит. Велел он их в замок позвать и до слез над занятым медведем потешался.

А у короля была красавица дочка. И так он ее любил, что не хотел от себя отпускать, замуж отдавать, потому что себя-то он еще больше любил. Был тот король злой, жестокий и тиранил даже тех, кто ему дорог. Спрятал он дочку в горной пещере, в темном дремучем лесу, и ни одна живая душа туда дороги не знала. Только король с верным слугой к принцессе навевывались. Порой, однако, мучила короля совесть, понимал он, что дочкин век заедает. И велел по всему свету возвестить:

— Кто к дочери моей посватается, пусть ее повсюду ищет, а не найдет — с жизнью простится.

Надеялся он так искателей дочкиной руки отвадить. Однако нашлись такие, что захотели счастья попытать, но все до единого смерть нашли. И уже давным-давно никто из женихов в замке не показывался, а король этому только радовался. Как увидел он теперь занятого медведя, так подумал: «Не много дочке радости в горной пещере. Надо и ей когда-нибудь повеселиться!» И велел король верному слуге медведя к дочке отвести.

А в пещеру три потайных двери вели. Ключ от первой под скалой лежал. Взял его слуга и отпер дверь. Перед второй дверью старик с длинной бородой стоял. Подошел к нему слуга, вытащил старик ключ из бороды и слуге отдал. Отпер тот вторую дверь, и подошли они к третьей. Эту дверь дикий лев караулил; потряс лев гривой, ключ и вывалился. Отпер слуга третью дверь и с медведем в горную пещеру вошел. Видят — сидит бледная и печальная красавица, на цитре играет. Услыхал медведь музыку, тут же в пляс пустился. Расхохоталась девушка, так ей весело стало, что она слугу и просит:

— Скажи батюшке — пусть подольше в пещере медведь останется.

Не успел верный слуга за дверь выйти, как медведь вдруг заговорил:

— Не медведь я, красавица, а сын купца. Подойди поближе, лицо мне открой, сама и увидишь!

Подошла девушка, посмотрела на него, и сердце ее от радости забилося. И рассказала она юноше, как добиться ее руки, как от жестокого отца освободить. Вернулся слуга и говорит:

— Дозволил король-батюшка медведю подольше остаться.

А девушка ему в ответ:

— Надоел он мне, уведи его!

Вывели медведя на волю, а у ворот замка его уже мальчонка-скрипач дожидается. Пошли они в лес, сбросил там сын купца медвежью шкуру, красное платье надел и вновь пригожим молодцем стал.

Пришел он утром в замок и велит королю о себе доложить. Принял его король, а юноша ему и говорит:

— Хочу твою дочь отыскать!

Смеется король:

— Раз ты дурак набитый и жизнь тебе не дорога, что ж, изволь. Но гляди, если дочь мою до полудня не отыщешь, с жизнью прощайся!

Обрадовался юноша, взял ружье и решил в лесу время до полудня скоротать. Идет по лесу, видит кабана, хочет в него выстрелить, а кабан говорит:

— Не стреляй! Я тебе отслужу! Возьми клочок моей щетины, а как в беду попадешь, по ветру ее развей. Я к тебе мигом на помощь примчусь!

Опустил сын купца ружье, взял щетину и дальше пошел. Увидал он орла. Прицелился, хотел курок спустить. А орел и говорит:

— Не стреляй! Я тебе отслужу! Возьми мои перья, а как в беду попадешь, по ветру их развей! Я к тебе на помощь поспешу!

Опустил купеческий сын ружье, взял перья и дальше пошел. Увидал он вдруг Смерть. Лежала она на краю пропасти и спала. «Попалась! — подумал он. — Отведаешь моего свинца! Не станешь больше людей губить». Прицелился купеческий сын, хотел курок спустить. Проснулась Смерть, увидала, какая ей беда грозит, и взмолилась:

— Не стреляй! Сколько бы бед на земле случилось, если б меня на свете не было! Я тебе отслужу! Возьми эту кость, а как в беду попадешь, поверти ее в руках — и я тут как тут.

Опустил купеческий сын ружье, взял кость и дальше пошел. А потом вспомнил, что всего полчаса до назначенного срока осталось. Пора было королевскую дочь искать. Поспешил он к горной пещере, вытащил из-под скалы ключ от первой двери и ее отворил. Подошел к старику с длинной бородой, тот ему ключ и отдал. Отворил сын купца вторую дверь и дальше пошел. Потряс лев гривой, ключ из гривы вывалился. Отворил юноша третью дверь и к красавице вошел. А она давно его дожидалась. Взял он ее за руку и к королю повел.

— Я твою дочь нашел! — сказал он. — Теперь дело за тобой. Исполни свое обещание!

Разгневался король — не хотелось ему дочку отдавать — и говорит в сердцах:

— Нет, так просто она тебе не достанется! Прежде съешь

за одну ночь заплесневелого хлеба столько, чтобы горницу им снизу доверху набить! И пусть ни крошки на полу не останется. А потом на моей дочери женись!

Не знал сын купца, как ему быть. Да вспомнил про кабанью щетину и по ветру ее развеял. Примчался кабан, а за ним целое стадо. Мигом весь хлеб подъели, ни крошки не оставили. Удивился наутро король, что сын купца с этим делом справился, да в сердцах и говорит:

— Нет, так просто ты ее не получишь! Прежде съешь за одну ночь сухого гороха столько, чтобы горницу им снизу доверху набить! И пусть ни единой горошины на полу не останется! А потом на моей дочери женись!

Не знал юноша, как ему быть. Да вспомнил про орлиные перья и по ветру их развеял. Прилетел орел, а за ним целая стая птиц. Разом весь горох склевали, ни единой горошинки не оставили. Удивился наутро король, что с этим делом сын купца справился, да в сердцах и говорит:

— Нет, не отдам я ее тебе никогда!

Что тут с королем сделалось! Дал он волю своему злобному нраву! Грозился сына купца дикими зверями затравить, дочку навечно в подземелье заточить! Вытащил тогда юноша кость, повернул ее в руке. Примчалась мигом Смерть и старого короля с собой утащила. Обрадовались все, что от жестокого злодея избавились.

Протянула красавица руку жениху, и сыграли они свадьбу веселую-превеселую. Стал сын купца королем. А мальчонку-скрипача задумал придворным советником сделать. Но тот не захотел. И стал мальчик королевским скрипачом. Как настает вечер, играют король со скрипачом на скрипках, да так, что заслушаться можно. Королева же им на цитре подыгрывает. Может, они и по сей день еще играют!

ЧЕРТ- МОЛОТИЛЬЩИК

ил-был богатый помещик. Работников своих он притеснял, просто голодом морил, и дурная слава о помещике по всей округе шла. Однако прикидывался он, что денно и нощно о слугах своих печется.

Был у него в имении работник. Служил он помещику много лет верой и правдой. Вот состарился работник, ослаб, не мог больше пахать да косить. И попросился старик у помещика зерно молотить. Хоть и трудно ему, но хотелось для семьи побольше заработать.

— Я тебе не помеха, — ласково говорит помещик. Прикинулся, будто и на сей раз о слуге своем заботится. Хитрый был, знал, что от старика проку мало. — Молоти на здоровье, коли себе помощника найдешь.

Заковылял работник со двора, помощника искать.

Идет по лесу, а навстречу ему другой дряхлый старичок бредет. Маленький такой, щуплый, седой.

— Откуда и куда идешь? — спрашивает он крестьянина.

— Из помещичьей усадьбы, — отвечает старик, — искать себе помощника зерно молотить.

— Тебя-то мне и надо, — обрадовался старичок. — Я себе тоже помощника ищу.

— Значит, мы с тобой два сапога пара, — говорит работник. — Много мы не наработаем, ты еще слабее, чем я, но лучше мало, чем ничего.

— А плата вам какая у помещика положена?

— За рожь и пшеницу — каждая тринадцатая мера, за овес — каждая четырнадцатая!

— Не согласен! Такая плата не по мне, — сказал старичок. — Коли я целую неделю молотить буду, пусть мне столько мешков зерна отдадут, сколько я зараз на своем горбу до ворот донесу. И плата мне нужна в субботу вечером. «Не

стоящее дело! — думает работник. — Ну, сколько он на горбу унести может? Ничего я этак не заработаю».

Однако старичок на своем стоял, а крестьянин боялся единственного помощника потерять.

— Так и быть! — согласился крестьянин, и зашагали они вместе к помещичьей усадьбе.

— Хозяин, — начал работник, — вот мой помощник!

Увидал помещик таких работничков да как захохочет.

— А вы хоть цеп-то вдвоем поднимете? Может, вам мальчишку на подмогу дать? — лукаво спрашивает помещик.

— Ничего, без мальчишки обойдемся, — говорит седой старичок.

Сам с виду такой хворый да дряхлый, будто рядом с ним сама смерть стоит и вот-вот его унесет.

— Ну, а какая вам плата требуется? — спрашивает помещик.

— Надо нам столько мешков с зерном, сколько мой помощник в субботу вечером зараз на горбу к воротам унесет, — отвечает крестьянин.

— По рукам! — соглашается помещик. — Думаю, я в убытке не останусь. В следующий понедельник принимайтесь за работу. Начнете на неделю раньше других работников молотить, может, хоть меру зерна выгадаете.

В понедельник на заре отправились оба работника на гумно. Видят, сараи слева и справа снопами до самой крыши битком набиты.

— С чего начнем? — спрашивает седой старичок.

— Думается, со ржи, — отвечает ему работник.

— Мне все едино. Полезай наверх и мне снопы сбрасывай! — говорит старичок.

Стал работник снопы в дверной проем кидать. Кидал, кидал, и думает: «Теперь на целую неделю хватит». Только собрался он на землю прыгнуть, слышит: старичок ему кричит:

— Ты чего остановился? Кто за тебя работать будет?

Подивился работник, вниз глянул, а помощник его уже все снопы обмолотил: и солома, и зерно, и мякина — все по отдельности разложено.

Испугался работник. Понял, что черта в помощники нанял. Только черт не дал ему времени раздумывать. Стоит, покрикивает:

— Давай сбрасывай снопы! Чего замешкался?

Пришлось крестьянину опять за работу приниматься. Так до захода солнца помощник его всю рожь обмолотил.

На другой день принялись старики за пшеницу, в среду — за просо, в четверг и пятницу овес молотили, а в субботу до полудня всю работу закончили.

В субботу вечером пришел на гумно помещик. Захотелось ему на своих стариков работников взглянуть. Ну и удивился же он! Сарай все мешками с обмолоченным зерном забиты! С такой работой в такой-то срок и дюжине здоровых парней не управиться! Стал помещик стариков нахваливать:

— Хорошо вы, любезные, потрудились! Созову-ка я сейчас других работников, пусть зерно в кладовые снесут.

— Нет, так не уговаривались! — грозным голосом говорит седой старичок. — Прежде надо мне столько зерна взять, сколько я на горбу до ворот дотащу.

Схватил старик один мешок, за ним другой, третий и стал на спину себе взваливать. Так все мешки один за другим на спину взгромоздил; смотрит помещик, будто башня церковная перед ним высится. Такого еще никто с тех пор, как свет стоит, не видывал. У помещика даже в глазах потемнело, ноги подкосились.

— Спустите быка с цепи! — кричит он. А у самого голос от гнева дрожит.

Хозяйского быка все в округе бешеным считали. И этого быка помещик хотел на седого старичка натравить. Только бык на него рогами нацелился, старик и говорит:

— Хорошо, хозяин, что бык явился, к муке нам и мяско не помешает!

Схватил он быка за рога и подбросил его. Упал бык на гору из мешков, да там и остался. Лежит — четыре копыта вверх торчат.

У помещика от злости вся кровь в голову бросилась. И кричит он не своим голосом:

— Раз ты, черт тебя возьми, меня разорил, все добро присвоил, провались ты в ад!

А черту только того и надо. Сбросил он гору мешков со спины вместе с быком, а сам в ад отправился. Заодно и помещика с собой прихватил. Так бедняку работнику весь урожай да еще бык в придачу достались. Стал старик с тех пор в достатке жить.

КРЕСТЬЯНЕ ИЗ ФОКБЕКА

упил себе в Ренсбурге крестьянин из деревни Фокбек за гроши соленую сельдь. А как домой в Фокбек вернулся, позвал в гости соседа — селедки отведать. Вкусна показалась им селедка, и надумали они у себя в деревне сельдь за-

вести. Вот один из них — он в деревне самым разумным слыл — и говорит:

— Надо нам в городе полную корзинку селедки закупить да пустить ее в деревенский пруд. Она приплод даст, и все мы разбогатеет, коли сельдью торговать станем.

Сказано — сделано. Накупили крестьяне соленой сельди и пустили ее в пруд. Сидят, ждут, когда сельди столько станет, чтоб лопатами можно было ее из пруда выгребать.

Вот идет как-то один крестьянин из Фокбека мимо и видит: в пруду что-то шевелится. Побежал он к друзьям и кричит:

— Сельдь в пруду!

Обрадовались они, стали меж собой будущие барыши делить. Чуть не подрались.

Купили крестьяне огромный невод — сельдь ловить. Самый же разумный такой совет подает:

— Надо всю воду из пруда выпустить. Никакой невод нам тогда не нужен, сельдь голыми руками возьмем.

Собрались жители Фокбека у пруда; стоят, сельдь высматривают. Схлынула вода, а сельди на дне ни одной не видно. Лишь огромный угорь в тине барахтается. Схватили крестьяне угря и в один голос кричат:

— Ах ты такой-сякой! Это ты нашу сельдь сожрал! Для тебя мы ее, что ли, запасали! Казнить тебя за это мало!

Орут, угря ругают. Потом стали наперебой ему казнь придумывать, одну другой страшнее.

— Давайте оглушим его да съедем, — предлагает один.

— Поделом ему было бы! — добавляет второй.

— Давайте угря на огне изжарим! — нашелся третий.

— Жарить — это казнь легкая, — говорит четвертый. — Давайте лучше его в реку швырнем. Вот и весь сказ!

Стали тут все ему поддакивать, в один голос кричать:

— Утопить его — и все тут! Страшнее казни не придумаешь!

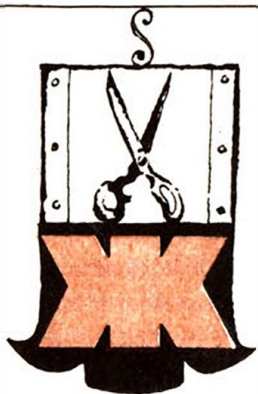
На том и порешили: утопить угря в реке!

Положил староста угря в корзинку и к реке пошел. А все за ним. Швырнул он угря в реку и смотрит, как тот мучиться будет. Изогнулся угорь, хвостом вильнул, поплыл. Рад-радехонек: наконец-то вырвался!

— Глядите! — закричал тот, что умный совет подал. — Видали, как он извивается, как мучается?

И пошли крестьяне из Фокбека по домам, до того довольные! Здорово они угрю отомстили!

Да, с угрем это что! Сказывают, будто умники из Фокбека однажды корове отомстить надумали. И пустили ее на зеленый луг пастись. Вот это всем казням казнь! А вообще-то всех их подвигов не перечечь!

УДАЛОЙ ПОРТНЯЖКА

ил-был бедный поденщик. Еле-еле они с женой да детьми прокормиться могли, едва концы с концами сводили. Лишь только старшему сыну четырнадцать лет минуло, поденщик его тут же к столяру в ученье отдал. Когда же на-

стал черед младшего сына, по имени Ганс, не смог он в ученье пойти: больно слаб был да и ростом не вышел. Так что пришлось ему до поры до времени отцовских гусей пасти.

А в другой округе жила одна старушка, и говорили про нее, будто не так уж она проста, как кажется с виду. Вот и просит ее однажды жена поденщика:

— Дай совет, что нам с маленьким Гансом делать?

Старуха ей в ответ:

— Чего тут думать-то! Пусть в портные идет. Хорошее это ремесло, всегда его прокормит. Не ремесло — золотое дно. Знаешь что? Вот тебе маленький наперсток, дай его Гансу.

С этими словами протянула старушка маленький наперсток, а как Ганс гусей домой пригнал, матушка ему наперсток и отдала. Пошел Ганс к старушке, поклонился и говорит:

— Спасибо тебе, бабушка, спасибо!

Так сердечно он ее поблагодарил, что обрадовалась старушка, в придачу еще ножницы ему дала и наказала:

— Никогда никакой другой наперсток на палец не надевай, никакими другими ножницами не вздумай ткань кроить!

Через неделю отдали Ганса деревенскому портному в ученье. И вот чудо! Вскоре выучился он куда лучше своего учителя шить! Наперсток-то, видно, волшебный был. Потом стал Ганс учиться кроить. И это учение у него как по маслу пошло: ножницы тоже, видно, волшебные были. Так что ничему больше портной Ганса научить не мог. И распрощался портняжка Ганс со своим учителем.

Пришел Ганс в другой город, но никто его там в портные

взять не захотел; куда такого маленького да слабого. Наконец нашел он работу у вдовы одного портного. Поняла она, какой Ганс искусник, и тут же его в мастера над десятью своими подмастерьями поставила. Те чуть от зависти не лопнули: ведь они старше были и давно у вдовы работали. Вот стали они друг друга подбивать да подговаривать:

— Надо с молокососом этим разделаться! Нельзя терпеть, чтоб желторотый птенец старшим над нами был!

Стали подмастерья за Гансом следить. И подсмотрели, что он всегда только своими ножницами ткань кроит. Решили они ножницы у маленького портняжки отнять. Задумано — сделано! Взял однажды один из подмастерьев у него тайком ножницы, стал сюртук кроить. Вдруг ножницы сами собой быстро-быстро по сукну забежали, только руку его за собой водили. Обрадовался подмастерье. Но кончилось все это бедой. Разложил вор-портняжка скроенный сюртук на столе и видит — сюртук словно на горбуна скроен, один рукав на целый локоть длиннее другого. Разозлился подмастерье, стал портняжку последними словами обзывать, а потом схватил ножницы, швырнул их на пол. Сговорился подмастерье со своими друзьями Ганса в колдовстве обвинить. Однако проведал про это портняжка, наперсток и ножницы свои захватил, да и был таков!

Шел он день, шел другой, на третий в незнакомый город пришел. Глянул и диву дается: все жители там в мешки изпод муки одеты. Вдруг подскочили к нему двое в красных мешках, схватили его и в какой-то дом потащили. А там уже толпа людей его поджидает. И все в черные мешки закутаны. Видать, судьи какие-то. Один из этих судей кулаком по столу как ударит, как закричит:

— Кто ты такой? Почему в город в таком платье пришел?

— Я — портной, а платье мое покроя самого новейшего!

— Разве ты не знаешь, — кричит судья, — что всякий, кто входит в этот город, должен вместо платья мешок на себя надеть?! Кто закон этот преступит, тому сто палочных ударов достанется! Разве ты не знаешь, что всякий портной в этом городе должен с великаном силами померяться?!

— Откуда же мне про это знать? — спрашивает Ганс.

— Не спасет тебя неведение! — отвечает судья. — Придется с великаном сразиться. Бить тебя не станем; все одно помрешь.

«Вот и славно, — думает Ганс, — хоть одной бедой меньше».

Отвели его два солдата в темницу и там оставили. Тюремный сторож был человек сердобольный. Пожалел он портняжку, остался с ним, и проговорили они всю ночь напролет.

— Отчего вы все в мешках по городу ходите и почему у вас так портных ненавидят? — спрашивает Ганс. — Никак в толк не возьму, отчего честное портновское ремесло у вас не в почете.

— Прежняя наша королева, — отвечает сторож, — очень наряжаться любила; дело до того дошло, что она всякий день семь платьев меняла. И хоть это королю уйму денег стоило, но все бы ничего, если бы дочка в нее не уродилась. Она еще больше матушки любила наряжаться. Целый день знай перед зеркалом стоит, переодевается. Надоело это королю, жену он выгнал, дочку в башню заточил и караулить ее великана приставил. Потом закон издал: «Всем королевским подданным вместо одежды носить мешки!» Портных всех из государства своего тоже изгнать велел. Если же какой-нибудь портной появится, пусть с великаном сразится. Думал король, что портные в его беде виноваты, и хотел всех их извести.

Рано утром повели солдаты Ганса в лес. Пришли они туда, слышат — великан храпит. Испугались солдаты, кинулись врассыпную и Ганса в лесу одного оставили.

Только они убежали, предстала вдруг перед Гансом старушка, что ему наперсток с ножницами подарила, и говорит:

— Вот тебе еж, вот птица, они тебе службу сослужат!

Вымолвила и пропала, будто вовсе ее не было.

Пошел Ганс дальше, видит — стоит страшный великан. Был тот великан с гору величиной, деревья рядом с ним былинками казались.

— Ах ты сморчок несчастный, неужто ты силами со мной мериться собрался? Ну ладно, давай попробуем, кто клубок дальше кинуть сможет.

Вынул он клубок из мешка и кинул его по дорожке. Далеко, далеко клубок покатился. А Ганс ежа по дорожке пустил — и побежал ежик, далеко-далеко обогнал клубок и с глаз долой скрылся.

Говорит великан сердито:

— На этот раз ты меня одолел. Поглядим, что дальше будет. Поди сюда! Видишь, сколько вокруг башни галерей? Целых пятнадцать! Вот я в самую высокую камнем попаду.

Бросил великан камень, но лишь в двенадцатую попал.

— Так, а теперь швырни ты!

Бросил Ганс свою птицу в воздух, и она высоко-высоко над пятнадцатой галереей в небо взмыла.

— И на этот раз ты меня одолел! — зарычал великан. — Поглядим, кто теперь выше прыгнет.

Прыгнул великан выше самого высокого дуба.

— Так, — отвечает ему портняжка, — теперь, будь добр, пригни этот тополь, я его высоту измеряю.

Пригнул великан тополь, а Ганс за его верхушку ухватился.

— Теперь можешь отпустить, — говорит он великану. — Я уже вижу, какой высоты это дерево.

Отпустил великан тополиную верхушку. Подбросил тополь Ганса, и тот через верхушки нескольких высоченных деревьев перелетел. Топнул ногой великан:

— Снова ты меня одолел! Ну, да ничего не поделаешь. Ты жизнь свою спас и вдобавок еще дочку королевскую добыл. Моей службе теперь конец, ухожу в свои горы.

Взял великан портняжку на руки, поднял его, и тот в окошке над третьей галереей королевскую дочку увидал.

Очень понравилась портняжке принцесса, да и ей он приглянулся, даром что ростом мал. Пошли они вместе к королю, рассказали, как Ганс великана одолел. Сыграли тут портняжка с принцессой свадьбу.

Уступил король Гансу свое королевство, и жил бывший портняжка с женой припеваючи еще много-много лет. Она про наряды и думать забыла. Ну, а что с волшебными старушкиными дарами случилось? Наперсток помогал раненых на войне штопать, руки да ноги пришивать. Так что даже убитые и те оживали. Ножницами же злых людей на добрых перекраивали и... кто в это не верит, пусть сам попробует. Поглядим, что у него получится! А кто вовсе не поверит, что ж, пусть при своем останется.

ОТКУДА ТАБАЧНОЕ ЗЕЛЬЕ ВЗЯЛОСЬ

и один человек на свете раньше не знал, что за зелье — этот табак, пока такая история не приключилась.

Жил-был бедный крестьянин. Видит он однажды — черт на своем большом поле какие-то неведомые

семена высевает. Думал-гадал крестьянин: что это черт сеет? И спрашивает:

— Скажи-ка, черт, что ты сеешь? Траву, что ли, какую?

— Вовек тебе этого не угадать! — отвечает черт.

Рассердился крестьянин и говорит:

— А вот и угадаю. Ума мне у тебя не занимать!

— Ха-ха! — смеется черт. — Тогда давай биться об заклад: коли ты за три дня название травы угадаешь, все поле твоим будет и вся трава, которая там растет, тоже. А коли не угадаешь, свою душу мне отдашь.

Крестьянин был упрямый и побился с чертом об заклад. Правда, потом, когда уже домой пришел, испугался. Сел, пригорюнился, не ест, не пьет.

— Что с тобой, старик? — спрашивает его жена.

— Ах, матушка, — отвечает он ей, — быть беде!

И рассказал все, что с ним приключилось.

А жена ему в ответ:

— Ну, такой беде легко помочь. Ешь, пей и ни о чем не печалься. А как трава называется, я угадаю.

Сказано — сделано. Вымазалась она дегтем, в перьях обвалялась и стала похожа на большую птицу. Пошла в поле, где трава неведомая росла, бегают между грядками взад-вперед, а голову к земле пригибает, будто клюет что-то.

Как увидал черт диковинную птицу, выскочил из дому, руками хлопает, кричит:

— Кыш, кыш, окаянная! Весь табак склюет, подлая! Кыш, кыш, кыш!

Крестьянке только того и надо было. Поспешила она домой и говорит мужу:

— Черт-то неведомую траву табаком называет.

А черт ждет срока, руки от радости потирает: еще одна душа человеческая ему достанется! Вот настал срок, идет черт к крестьянину веселый да довольный. И спрашивает:

— Ну, так как же моя травка зовется?

— Табак! — отвечает крестьянин.

Видит черт, дело его — табак. Проиграл он, и пришлось ему несолоно хлебавши в пекло свое убираться. Крестьянину же большое поле, да еще и табак в придачу достались. Выходит, от черта и пошло по свету табачное зелье!

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

ил-был на свете крестьянин. Пахал он однажды свое поле и вдруг видит — в земле большой ларь зарыт.

«Любопытно узнать, — подумал он, — что там внутри?»

А узнать нельзя: заперт ларь на большой замок. Пошел тогда крестьянин к мастеру-кузнецу. Взял мастер большущую связку ключей и с крестьянином в поле отправился. Выбрал он самый большой ключ и сунул его в замочную скважину. И вот диво! Подошел ключ, да так точно, будто его для этого ларя выковали.

Открыли кузнец с крестьянином ларь — видят: там другой ларь, чуть поменьше, лежит, и этот ларь тоже заперт. Выбрал мастер ключ поменьше и новый ларь отпер.

Смотрят — лежит в ларе ларец, а в том ларце еще ларец, а в нем — еще... И один ларец другого краше. Под конец нашли они маленький-маленький золотой ларчик. Такой маленький, что кузнецу никак к нему ключа не подобрать. Взял он тогда золотую булавку и из нее маленький ключик сделал. Повернул ключик — ларчик и открылся. И вот чудо! Внутри ларчика крохотная золотая божья коровка сидит. Но хвостик у божьей коровки кто-то отгрыз. Так что от хвостика у нее мало что осталось, один огрызок.

А жаль! Будь тот хвостик побольше, ты и сказку слушал бы дольше!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Людмила Брауде .	3
Волшебный сундучок (немецкая народная сказка. Братья Гримм) . .	5
Ганс-счастливчик (немецкая народная сказка. Братья Гримм) . . .	6
Церковь была бы шире. . . (австрийская народная сказка)	13
В орлином гнезде (швейцарская народная сказка)	14
Глухие пастухи (немецкая народная сказка)	18
Черт и швея (австрийская народная сказка)	21
Граф Каменное Сердце (австрийская народная сказка)	22
Когда осел в третий раз закричит—тебе конец! (швейцарская народная сказка)	26
Семерых девиц краше (немецкая народная сказка)	28
Крестьянин и его три сына (австрийская народная сказка)	34
Как в Альпах петь на тирольский лад научились (швейцарская народная сказка)	35
Волк и лошадь (немецкая народная сказка)	39
Йоринде и Йорингель (немецкая народная сказка. Братья Гримм) . .	40
Шлараффия — страна дураков (немецкая народная сказка)	44
Рыцарь Бахвал (швейцарская народная сказка)	47
Живая вода (немецкая народная сказка. Братья Гримм)	50
Как старик в школу ходил (немецкая народная сказка)	57
Умерла ли Справедливость (австрийская народная сказка)	59
Бесстрашный Зами (швейцарская народная сказка)	62
Как Ленц с Лизой неубитого медведя делили (немецкая народная сказка. Братья Гримм)	67
Дар волшебника (австрийская народная сказка)	69
«Помалкивай!» (швейцарская народная сказка)	75
Лесная дева и Златовлас (немецкая народная сказка)	77
Пегий баран (немецкая народная сказка)	81
Владычица королевства Глубоких Долин (немецкая народная сказка) .	85
Как девушки в Тироле лен пололи (австрийская народная сказка) . .	93
Чудо-лодка (швейцарская народная сказка)	96
Кто как сыр ест. . . (швейцарская народная сказка)	102
Силач Вила (немецкая народная сказка)	103
Умные головы (немецкая народная сказка)	108
Катль, Гретль и Уршль (австрийская народная сказка)	110
Откуда в Альпах эдельвейсы пошли (швейцарская народная сказка) .	116
Дары маленького народца (немецкая народная сказка. Братья Гримм) .	118
Садовый Нож (австрийская народная сказка)	121
Волшебная шляпа (швейцарская народная сказка)	129
Как птицы короля выбирали (немецкая народная сказка. Братья Гримм)	132

Хороший совет дорожке золота (австрийская народная сказка)	135
Хрустальный колодезь (швейцарская народная сказка)	140
Домовые (немецкая народная сказка. Братья Гримм)	142
Как подмастерье девяносто девять гульденов добыл (австрийская народная сказка)	144
Кто лучше соврет (немецкая народная сказка)	147
Девуца у колодца (немецкая народная сказка. Братья Гримм)	149
Догадливый мальчишка (австрийская народная сказка)	159
Хитроумный портняжка и медведь (швейцарская народная сказка)	160
Гейнц-лентяй (немецкая народная сказка. Братья Гримм)	164
Таинственное подземелье (австрийская народная сказка)	167
Жадный пастор (немецкая народная сказка)	174
Как дочь короля все вокруг видела (немецкая народная сказка)	177
Кобольд (австрийская народная сказка)	181
Осел и мельник (швейцарская народная сказка)	183
Три свидетеля (немецкая народная сказка)	186
И тепло, и холод (австрийская народная сказка)	191
Девочка и змея (австрийская народная сказка)	192
Как сын крестьянина королем стал (немецкая народная сказка)	195
Три бабочки (немецкая народная сказка)	200
Поваренок (немецкая народная сказка)	202
По рыбе и сковорода (австрийская народная сказка)	209
Откуда в Альпах столько камней (австрийская народная сказка)	210
Как Недотепа три задачи решил (немецкая народная сказка)	212
Есть ли на свете женщина глупее? (немецкая народная сказка)	215
Купец-медведь (немецкая народная сказка)	219
Черт-молотильщик (немецкая народная сказка)	224
Крестьяне из Фокбека (немецкая народная сказка)	227
Удалой портняжка (австрийская народная сказка)	229
Откуда табачное зелье взялось (немецкая народная сказка)	233
Золотой ключик (немецкая народная сказка)	235

Для младшего возраста

ВОЛШЕБНЫЙ СУНДУЧОК

Составитель
Филиппова Раиса Ивановна

Ответственный редактор С. М. Туркова.

Художественный редактор Б. Г. Смирнов.

Технический редактор Т. С. Тихомирова.

Корректоры К. Д. Немковская и Л. Л. Бубнова.

Сдано в набор 14/IV 1975 г. Подписано к печати 17/X 1975 г.
Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 15. Усл. печ.
л. 19,5. Уч.-изд. л. 13,4. Тираж 100 000 экз. Заказ № 59.
Цена 64 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного
Знамени издательства «Детская литература», Ленинград, 192187,
наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграф-
прома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по
делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград,
193036, 2-я Советская, 7.

Дорогие читатели!

Отзывы о книге

просим присылать по адресу:

Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6.

Дом детской книги издательства

«Детская литература»

В 69 Волшебный сундучок. Сказки. Перевод с немецкого
и предисловие Л. Брауде. Составитель Р. Филиппова. Рисунки В. Власова. Оформление Е. Власовой. Л., «Дет. лит.», 1975 г.

237 с. с ил.

Сборник сказок, созданных на немецком языке: австрийских, немецких, тирольских и др. Пересказала для детей Л. Брауде.

Иф (нем.)

ЧИТАЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

НАШИ СКАЗКИ.

Сказки и песенки народов разных стран.

Рис. Ф. Лемкуля
М., 1975, 207 с.

ПРАВДИВЫЙ МАМАДИ.

Сказки Западной Африки.

Пер. с англ. В. Диковской.
Рис. В. Андреейкова
М., 1971, 127 с.

ПТИЦА-ПРАВДА.

Испанские и португальские народные сказки.

Пер. Т. Шишловой. Обраб. М. Туберовского.
Рис. В. Власова
Л., 1971, 239 с.

СКАЗКИ НАРОДОВ АЗИИ.

Пересказал для детей Н. Ходза

Рис. Н. Кочергина
Л., 1975, 335 с.

Larisa_F

